

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ И КРИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Измайловъ.

Лишперашоръ и всякій аршистъ
съ истиннымъ шансомъ не дол-
жень принадлежать ни къ какой
паршии. *Благ. 1825 г. N° I.*

~ ~ ~ ~ ~

ЧАСТЬ XXVI.

~ ~ ~ ~ ~

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МОРСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1824 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шемъ, что бы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предсшавлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ. Марша 31 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. N° VII.

НОЧЬ НЕСЧАСТЛИВЦА ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Въ полночь предъ наступленіемъ новаго года споялъ возлѣ окна человекъ, изнуренный разврапомъ—споялъ, и съ видомъ унылымъ, опчаяннымъ, глядѣль на твердь небесную, вѣчно-юную, и на землю безмолвную, гладкую, убѣленную снѣгомъ. Но едва ли на всемъ ея пространствѣ находился тогда еще кто нибудь лишенный, подобно ему, и сна и покоя: ибо онъ видѣль предъ собою могилу, покрытую не юною муравою, но кладнымъ снѣгомъ — могилу, готовую заключить его въ свои нѣдра, со всеми плодами роскошной жизни его: съ заблужденіями, пороками, болѣзнями, изнеможеніемъ плѣа, душевную пустошю, мученіемъ сердечнымъ и позднымъ раскаяніемъ спароспи. Онъ вспомнилъ безмяшежные дни молодости, давно минувшей: вспомнилъ и то ясное утро, въ которое отецъ привелъ его въ первый разъ на распушіе жизни, откуда вправо

солнцезарная спезя добродѣтели вела въ страну богатой жашвы, обширную, спокойную — свѣспую обипель Ангеловъ; а влѣво пайные, подземельные ходы, низводили въ черную пещеру, гдѣ ядъ каплетъ со сводовъ, гдѣ воздухъ плешворень и гдѣ змѣи шерзающъ несчастныхъ.

Ахъ! сіи змѣи обвивающъ уже вокругъ его, капли яда смочили его языкъ и онъ позналъ свое положеніе!

Будучи внѣ себя, онъ восклицаетъ въ шоскѣ неизьяснимой: “О небо! возвращи мнѣ юность! О родипель мой! пославъ меня опяшь на распушіе, чшо бы я могъ выбрашь иный пущь!..”

Но родипель, но молодоспъ его—уже не сущесвующъ. Онъ видипшь блудящіе огни, кой мѣлькнувъ надъ болопомъ, исчезающъ у кладбища, и говоришь: “Эпо дни моей безрасудной юности!.. — видипшь звѣзду, упавшую съ неба, сверкнувшую на лешу своемъ и рассыпающуюся надъ землею, и — “эпо я!.. вѣщаетъ ему скорбное сердце, копораго язвы расправляющъ глубже и глубже—жаломъ раскаянія.

Незапно, въ минушу пшажкой борьбы

его съ самимъ собою, раздался издали, съ городской башни, звукъ музыки на новый годъ *), и пицо коснулся слуха его, какъ бы опдаленный голосъ церковнаго пѣнія. Онъ распроголся, умилился, поглядѣль на края горизонпа, на обширную предъ ними равнину, и думаль о друзьяхъ молодости, копорые всѣ были счаспливѣе, добродѣтельнѣе его; всѣ сдѣлались опцами и наспавниками попомспва благословеннаго.

“И я могъ бы нынѣ бышь споль же счаспливъ какъ они!”,—молвилъ онъ самъ себѣ:—“И я могъ бы провеспи ночь сію въ сладкомъ покоѣ, съ сухими глазами! Такъ, милые родипели, я былъ бы счаспливъ, когда бы слѣдовалъ совѣшамъ вашимъ и когда бы исполнилъ ваши добрыя желанія на новый годъ!

При мысли о пропекшей юности онъ дрожалъ и видѣль, какъ пѣнь его подымалась изъ могилы, и видѣль, въ суевѣрномъ испуупленіи, что пѣнь сія приняла на себя видъ живаго юноши.

*) Обыкновеніе, приняное въ Нѣмецкихъ городахъ и селахъ.

Ничего болѣе не взвидѣлъ онъ: глаза его залились горячими слезами, капившимися градомъ съ лица его на холодный снѣгъ. Безушѣщный, задыхаясь опъ рыданія, онъ имѣлъ только силу повпоряпъ тихо: “возвращись ко мнѣ, юность моя, возвращись еще однажды:,,

И она возвратилась: ибо несчастливецъ въ сію спрашную ночь мечпалъ. Онъ былъ молодъ; одни пороки его были не мечта! Съ умиленіемъ благодарилъ онъ Всевышняго за то, что имѣлъ еще время оставишь гибельный пупъ разврата и возвратишься на свѣплую спезю добродѣтели, ведущую въ землю богашой жашвы.

Возвращись и пы съ нимъ, юный чипашель, ежели споишь на спезѣ заблужденія. Эпа ужасная мечта можешъ нѣкогда осудишь шебя. Когда спанешъ въ горькомъ раскаяніи призывашъ улешѣвшую юность, она уже не возвратишся.

(Изъ *И. П. Рихтера.*)

К. С.

ПИСЬМА ИЗЪ НЕАПОЛЯ *).

1.

Въ семь писемъ хочется мнѣ собрать нѣсколько наблюдений моихъ надъ здѣшними жителями. Бросимъ во первыхъ взглядъ на характеръ народа.

Находясь въ печеніи многихъ вѣковъ подъ властію побѣдицелей различныхъ мнѣній и обычаевъ, Неаполистанцы получили отъ нихъ много пороковъ и сохранили мало собственныхъ добродѣтелей; посему и неудивительно, что въ характерѣ ихъ есть странныя противоположности. Привыкнуши къ повиновенію, не могутъ они сносить и малѣйшаго припѣсненія; суевѣрны, но не фанатики; жадны къ приобретенію, а между темъ лѣнны; подозрительны, а иногда доверчивы; любятъ новое и ничего не перемѣнили въ своихъ обычаяхъ. Кровь ихъ горяча, какъ пламень Везувія, а воображеніе чисто и прелестно, какъ ихъ небо. Неаполистан-

*) Изъ новой и ненапечатанной еще книги: *Письма Морскаго Офицера*.

цы вообще оспроумны и одарены опъ природы здравымъ смысломъ. Сполько же они проницательны, сколько и хитры, умъюшь скрывать свои намѣренія подъ личиною простиоты и добродушія, и изъ первыхъ словъ узнають слабости чело-вѣка; если же льсляютъ ему, то всегда почти скажутъ на счетъ его эпиграмму.

Пришворство и плутовство, приписы-ваемыя Неаполишанцамъ, слишкомъ уже увеличены. Сии пороки суть слѣдствія бѣдности.

Всѣ почти должности и работы оп-правляются здѣсь публично. Кофейные дома, шракширы, лавки всегда наполнены среднимъ сослояніемъ людей; улицы наводнены народомъ. Первыя, зѣвая смотряютъ на проходящихъ; послѣдній поетъ, пляшетъ, смѣется, бесѣдуетъ на крыльцѣ чужаго дома, обѣдаетъ на площади, въ опкрышой лавкѣ и спитъ гдѣ попало. Здѣсь одинъ читаетъ вслухъ Тасса; тамъ другой, со словъ Лазарона, пишетъ просьбу, или письмо; шупъ брѣюшся, или че-шупъ голову. Поличинелло и Проповѣдникъ въ одно время приглашаютъ и празд-нолюбцевъ и набожныхъ; толпа раздѣляетъ

ся: одни ишущь развлеченія; другіе, стоя на колѣняхъ, усердно молящся. Не возможно изчислить всѣхъ средствъ къ пропитанію, употребляемыхъ Неаполистанцами: здѣсь здоровый мужчина, который могъ бы работою прокормить себя и сѣмью, вшоря на гитарѣ, поетъ жалобныя пѣсенки и проситъ милосыню; иной, спавъ посреди площади, смѣшитъ кривляньемъ своимъ народъ, попомъ забавляетъ его соблазнительными сказками, и наконецъ, испощивъ всѣ дурачества, читаетъ газетны и шолкуетъ о политикѣ. Замѣчу еще одну странность, всего менѣе приличную черни: каждый просолоудинъ - невѣжда мѣшаетъ въ правленіе, посвоему судитъ и рядитъ дѣла, чертитъ планъ войны; словомъ и здѣсь, какъ въ Англіи, можно свободно мыслишь и удовлетворяешь своимъ прихотямъ. Не вездѣ *тамъ хорошо, едѣ насъ нѣтъ!*

Лѣность, какъ главнѣйшій недостатокъ въ характерѣ народа, не останавливается однако же его дѣятельности. Лазароны шрудятся только тогда, когда ѣсть нечего; несмотря на то всякой въ домѣ работникъ и поденщикъ на биржѣ

изъ Лазароновъ. Для бѣльшей части дворянства, не имѣшь долга и не играешь въ карты, значишь не умѣешь жить. Изъ лѣниваго по привычкѣ сословія должно исключить земледѣльцовъ и рыбаковъ, весьма дѣятельныхъ и прудолюбивыхъ.

Изъ сего матеріала, а паче изъ сего восторга, столь легко возбуждаемаго, мудрый законодатель могъ бы образовати наилучшій народный характеръ и возвысити его до возможной степени совершенства; но какъ таланты и душевныя способности осмѣются безъ употребленія, безъ малѣйшаго образованія: то невѣжество народа кажется еще грубѣе, нежели каково оно въ самомъ существѣ.

Не скажу, что бы чернь была добрыхъ нравовъ: въ нѣкопрыхъ случаяхъ она незлобива, снисходительна, справедлива; въ другихъ жестока и необузданна. На улицахъ рѣдко можно видѣти драку; убійства случаются только тогда, когда возбуждены спраски, на примѣръ: мщеніе и ревнивость. Но и въ семъ случаѣ замѣтна также лѣность: вспыхнувши, покричавши и скоро успокоивши. Доказательствомъ сему служиши, что посреди ужаснаго без-

началія, бывшаго въ 1799 году, нѣсколько сошь Русскихъ солдатъ могли воздержашь мщеніе пѣши сошь тысячь свирѣпаго народа :

Самыя безстыдныя предложенія дѣдаюшя здѣсь со всею важностію честнаго человѣка. Что подумаешь о нравахъ цѣлой страны, когда споль гнусное ремесло опправляется людьми даже посредственнаго состоянія?

Здѣсь нельзя умереть съ голоду, и не возможно бышь совершенно бѣднымъ: всѣ жизненныя потребности очень дешевы, а климашь избавляетъ оль многихъ заботъ. Между шемъ всѣ просятъ милосердію, ибо это самый легкій и вѣрный способъ имѣть пропитаніе. Многіе походяшъ шолько на нищихъ по цинической неоправности. Въ семъ отношеніи нѣтъ опвраишельнѣ Неаполитанской черни: самъ Діогень удивился бы чрезмѣрному ихъ неряшесшву.

Лазароны пьютъ, но немного и не для шого, что бы бышь пьянымъ, а дабы имѣшь предлогъ смѣишь другихъ двусмысленными словами изъ роли Арлекина. Забавляшъ кривляньями, подобно Паяцу,

значить имѣть право на уваженіе народной толпы.

Нѣтъ почти дня въ году, въ который бы не было какой процессіи. Путешественники единогласно осуждаютъ нѣкоторыя церковныя обряды. Не распространяясь о семъ предметѣ, скажу: наружное богопочитаніе составляетъ для народа необразованнаго все то, что ему нужно и полезно, и можетъ ли чернь, безъ сего чувственнаго облеченія, достигнуть шайнства, споль высокія?

Къ классу, наиболѣе заслуживающему уваженіе, принадлежатъ среднее сословіе, то есть: ученые, купцы и большая часть низшаго духовенства — большая, говорю, ибо въ ономъ есть и шакіе, которые неприличнымъ поведеніемъ унижаютъ свое достоинство; причиною же сему ихъ бѣдность и невѣжество.

По недоспадку хорошихъ училищъ и малому числу учебныхъ заведеній, небогатое дворянство, воспитываемое въ монастыряхъ, далеко отстало отъ высшаго сословія, которое получило приличное воспитаніе въ иностранныхъ Университетахъ. Известно, что науки во

времена невѣжества, общаго всей Европѣ, поспоянно процвѣтали въ семь Королевствѣ и были, такъ сказашь, собственностию средняго сословія; но со времени Французской революціи, особенно въ послѣднія двадцать лѣтъ, когда Наполеонъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ чрезвычайно ограничилъ и спѣснилъ свободу книгопечатанія, спали являясь въ одномъ только высшемъ сословіи дворянства ученые и просвѣщенные мужи. Но сію образованность въ отношеніи всего народа можно уподобишь драгоцѣнному камню, съ одной только спороны опшлифованному. Разстояніе между дворянствомъ и народомъ чрезмѣрно.

Въ Неаполѣ почипаеися неприличнымъ ходишь пѣшкомъ: шамъ хорошій экипажъ для дворянина поже, что въ другихъ мѣстахъ шпага; ему надобно сверхъ того цѣлый день ничего не дѣлашь, а вечеръ проводишь въ театръ, или академіи. Не подумайше, что бы то была Академія наукъ; или художествъ — нѣтъ! Такъ называютъ здѣсь собранія, гдѣ играютъ въ банкъ, слушають музыку, ужинають, и ш. п.

Музыка предпочтена здѣсь всѣмъ искусствамъ. “Бѣги, лепи въ Неаполь — сказала Руссо, восхищенный Италіянскою музыкаю, что бы насладишься небесною гармоніею Лео, Жомелли, Гримальди, Чимарозо и Паэзилло., — Неаполь и шеперь и всегда будетъ великимъ хранилищемъ превосходныхъ музыкальныхъ произведеній .

Языкъ, вѣра и одежда сего народа совершенно соотвѣтствуетъ его характеру . Языкъ полонъ Поэзіи, разговоръ облагороженъ приятными плѣддвиженіями, вѣра исполнена чудесныхъ обрядовъ *), одежда великолѣпна и вмѣстѣ смѣшана . Въ праздникъ Гропской Богородицы крестьяне и крестьянки обыкновенно приходятъ

*) Не рѣдко частные люди издерживаютъ на украшеніе церкви въ праздникъ Рождества Христова до 60.000 р. Украшенія сіи, кромѣ декорацій, состоятъ въ родѣ алькова, гдѣ представлены ясли, быки, ослы, Волхвы и Ангелы. Всѣ сіи фигуры деревянные, хорошо вырѣзаны, выкрашены и покрыты драгоценными одеждами. *Прим. Сос.*

въ городъ въ нарядныхъ плашьяхъ. Мужчины въ бархатныхъ синихъ фуфайкахъ, вышитыхъ шелками и обложенныхъ позуменпомъ, накинутыхъ только на плечи; жилетъ и нижнее платье изъ розоваго атласа — но многіе изъ нихъ босикомъ и безъ рубашекъ. Женщины такъ же въ бархатныхъ, или шелковыхъ плашьяхъ; шею обременяютъ множественномъ ожерельевъ, а къ ушамъ привѣшиваютъ въ приэшажа серьги; башмаки съ большими серебряными пряжками изъ бережливости носятъ въ рукахъ:

Король доставляетъ черни всѣ возможные удовольствія, климатъ ей пошворствуетъ, земля благодѣтельствуетъ.

При первомъ вступленіи Французовъ въ Неаполь въ 1799 году, народъ, одушевленный любовію къ опечесиву, геройски защищалъ права своего Короля; постоянство его и преданность законной власпи не ослабѣла даже въ продолженіи царствованія Іосифа и Мюрата *).

*) Худой успѣхъ революціи 1820 года произошелъ почти по той же причинѣ, что и при Мазаньелло. Политическая независимость, предложенная народу, была для него

Неаполишанцы и въ дурныхъ, невыгодныхъ для себя обстоятельствахъ, сохраняють какую-то надмѣнность. Нельзя не удивляться съ какою гордосцію похваляюся они любовію къ опеческву, своимъ прекраснымъ климатомъ и великолѣпіемъ столицы. *Увидѣть Неаполь и послѣ умереть*, говорятъ они. Я осмѣлива-

непонятна и недоспапочно, а слѣдствія оной весьма сомнительны. Привыкши любить Короля и одному ему повиноваться, вскорѣ почувсвовалъ онъ многія власпи, почти равныя Королевской, и оскорбился униженіемъ сего священнаго сана и гордосцію такихъ людей, копорыхъ все доспоинство соспоило въ чесполюбіи. Какъ скоро узналъ народъ, что заплащя двойную подащя, долженъ онъ былъ сражашься не за права Короля, а для поддержанія власпи Пепе, Филанджіери и имъ подобныхъ, то бросилъ пощчасъ оружіе и не хощѣлъ защищашься для того, что бы вмѣсто одного Короля приобрѣстъ двухъ и шакихъ, коимъ надобно было еще учиться управлещя *согласно законамъ. Прим. Сог.*

юсъ упошребить другое выраженіе: *Полюбоваться Неаполемъ и послѣ уѣхать*, что мы, слава Богу, и дѣлаемъ.

Нынѣ перевезли на фрегатъ экипажъ Министра, и вся его свита къ намъ же приѣхала. Королева послѣ всѣхъ оспавила Неаполь, Кбродь Сардинскій помѣстился на корабль Прасковіи. Сегодня всѣ суда, бывшія въ гавани, вышли на рейдъ. Французская армія, подъ командою Іосифа Бонапарте, спойшь на высотахъ. Капитуляція уже подписана, и только 48 часовъ срока дано на выѣздъ Королевской фамиліи, и всѣмъ, кто пожелаешъ съ нею отправишься. Срокъ кончился нынѣшнюю ночь.

Неаполишанская эскадра снялась, какъ шаперъ, съ коимъ рушилось и королевство. Іосифъ объявилъ себя Королемъ обѣихъ Сициліи. Въ два часа пополуночи, мы самые послѣдніе, съ премея судами нашего конвоя, подняли якорь. Теперь мы идемъ въ Мессину, опшуда въ Палерму, и возвращаясь назадъ, будемъ ожидать новыхъ приказаній опъ Министра, находящагося при Неаполишанской арміи въ Калабріи.

На разсвѣтѣ Неаполь былъ еще видѣнъ. Нѣсколько Италіянцевъ, находящихся въ услуженіи нашихъ дипломатическихкихъ чиновниковъ, вышли на шканцы и умильно поглядывая на Неаполь, вздыхали — иные и плакали. Кому же легко расставаться съ опечеснвомъ? И я вздохнувь опъ глубины души, вмѣстѣ съ ними сказала съ прискорбіемъ: *прощай, Неаполь!*

Вѣспрь спихнулъ и вновь подулъ съ пропивной спороны. Мы догнали суда, опплывшія прежде насъ, и очутились посреди флошилліи, походившей на флотъ Энея, когда онъ бѣжалъ изъ Трои.

В. Броневскій.

РАЗСМОТРѢНІЕ РЕЦЕНЗІИ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗІИ.

Il vaut mieux tard que jamais.

Въ нѣкопорыхъ книжкахъ издаваемаго Г. Ольдекопомъ Нѣмецкаго Журнала *St. Petersburgische Zeitschrift* (именно въ нумерахъ 28, 29 и 30, прошлаго 1822 года) напечатана рецензія самаго Издашеля на книгу Г. Ошолопова: *Словарь древ-*

ней и новой Поэзіи.—Можно сказать, что Г. Ольдекопъ заслуживаетъ искреннюю благодарность нашу за желаніе знакомить чинашелей своихъ съ Русскою Словесностію, о которой до него едва ли имѣли въ Германіи самое слабое понятіе. Сіе, безъ сомнѣнія, пребудетъ и трудовъ неимовѣрныхъ, ибо, дабы показать содержаніе, красоты, недостатки какого либо произведенія, надобно принудить себя къ долговременному чтенію и размышленію—особенно при рецензіи обстоятельной, какой, на примѣръ, заслуживаетъ книга Г. Остолопова—и Г. Ольдекопъ принялся за оную со всею подробностію: онъ объявилъ и число страницъ, содержащихся въ каждомъ изъ трехъ томовъ, или частей *Словаря*; упомянулъ и о томъ, въ какой типографіи книга печатана и даже по какой цѣнѣ продается. Вотъ какъ слѣдуетъ начинать критику! — Мы постараемся также съ подробностію рассмотреть его рецензію.

Рецензія начинается съ предисловія, находящагося при *Словарѣ*.—Сказавъ, что Г. Остолоповъ принялъ на себя ссоставленіе онаго по препорученію С. Пешер-

бургскаго Вольнаго Общества Любитель-
лей Словесности, Наукъ и Художества,
и что употребилъ для сего все осна-
вавшееся опъ службы время въ продол-
женіи чешырнадцати лѣтъ, Г. Ольдекопъ
выписываетъ предпочтительно предъ
прочими два параграфа, въ которыхъ Со-
чинитель говоритъ :

“Необходимымъ казалось мнѣ помѣ-
“снить въ семь Словарѣ Историческіе
“тропы и фигуры, какъ украшенія, при-
“надлежація равно и Прозѣ и Поэзіи.
“Пусть обвиняетъ меня лучше въ изли-
“шествованіи, нежели въ недоспашкѣ.,”

“При описаніи происхожденія, или
“исторіи значительнѣйшихъ опраслей
“Поэзіи, показаны и прославившіеся въ
“въ оныхъ писатели съ означеніемъ вре-
“мени ихъ существованія.,”

Г. Ольдекопъ не разсудилъ перевести
окончанія вѣселаго параграфа, изъ коего
видно, для чего упоминается въ Словарѣ
о времени существованія писателей: —
*для того (говоритъ Сочинитель), что бы
занимающіеся чтеніемъ какого либо древ-
наго Автора могли соображать его тво-
ренія со нравами того вѣка; а какъ си-*

ми словами, безъ сомнѣнiя, Г. Осполоповъ хотѣлъ сказать, что его главное намѣренiе состояло въ показанiи времени существованiя *древнихъ* писателей: то и должно пожалѣть о сдѣланномъ Г. Рецензентомъ упущенiи, потому что сiе выраженiе заслѣдило бы выпустить многiя мѣста изъ его рецензiи, какъ то ниже увидимъ.

Послѣ упомянутой выписки полупараграфа параграфа Г. Ольдекопъ говоритъ, что *изъ вышесказаннаго* можно видѣть расположенiе цѣлаго сочиненiя, что Г. Осполоповъ показываетъ свѣденiе *въ древней и Русской* Словесности, и что заслуживаетъ благодарности за объясненiе производсва словъ и за примѣры. Все это правда; но изъ чего же *вышесказаннаго* видно расположенiе Словаря? Не уже ли изъ того, что въ ономъ помѣщены пропы и фигуры? Или изъ того, что упоминается о времени существованiя писателей? — Нѣтъ, Г. Рецензентъ! Не романъ принимались вы разсматривать! Вамъ слѣдовало сказать *вопервыхъ*, что въ семъ Словарѣ находятся всѣ шехническiя слова, употребительныя въ дре-

немъ и новомъ Спихопворспвѣ; *вовторыхъ*, что шупъ показаны каждаго рода и вида Спихопворспва какъ происхожденіе, или исторія, пакъ свойспва и правила; *вътретьихъ*, что при помощи находящейся на концѣ книги методической таблицы, можно изъ сего сочиненія соспавить самый полный курсъ Поэзіи, какого, кажешся, нѣтъ ни на какомъ языкѣ; и наконецъ *въчетвертыхъ*, что прилагаемые къ правиламъ примѣры, взяшые съ разборомъ изъ лучшихъ писателей, дѣлають книгу сію для всякаго, даже незанимающагося Поэзіею, приятною и занимательною. А безъ сего объясненія никакой чшпатель не можешь имѣть правильного понятія о разсмашриваемомъ вами сочиненіи.—Но будемъ продолжашь.

Послѣ похвалы и изьявленія благодарности Рецензешь начинаешь сожалѣшь, что разсмашриваемое имъ сочиненіе имѣешь весьма *значительныя* погрѣшности—и сожалѣешь пошому болѣе, что оно назначено для обученія, а всякое неправильное понятіе, преподаанное учащемуся, имѣешь дурныя послѣдствія.

Посмотримъ же, въ чемъ состоятъ ея значительныя погрѣшности и существенно ли принадлежатъ онѣ къ Словарю древней и новой Поэзіи.

При словахъ: Героида, Гимнь, Дидактическая Поэзія, Диѳирамвъ, Драма, und so weiter (т. е. и такъ далѣе, говоритъ Рецензентъ) показаны одни только древніе и Русскіе стихопворцы.

Главною цѣлью Г. Осолопова было показаніе правилъ и образцовъ Поэзіи; слѣдственно Г. Рецензентъ съ самаго начала нападаетъ не на то, на что бы слѣдовало—и при томъ:

Въ спашѣ о Геройдѣ сказано, что въ пвореніяхъ Овидія надлежитъ искасть правилъ и образцевъ; на что же было упоминашь о другихъ поэсахъ, не столь знаменитыхъ?

Въ сп. о Дидактической Поэзіи сказано о лучшей въ семь родѣ изъ новѣйшихъ Поэмъ: *Религія*, написанной младшимъ Расиномъ, и также говорено о пвореніяхъ Попа, Буало, Демира; въ сп. о Диѳирамвѣ приведенъ примѣръ изъ сочиненій Вилламова — а Вилламовъ, Расинъ, Попъ, Буало, Демиръ писали не по-русски.

Въ сп. о *Гилинѣ* не упомянуто о новѣйшихъ иноспранныхъ писателяхъ — попому, я думаю, что ихъ слишкомъ много; а номенклатура писателей была для Г. Осполопова дѣломъ постороннимъ, ибо Словарь его есть Словарь Поэзіи, а не Поэзовъ. Онъ старался говорить объ нихъ подробнѣе только въ превосходнѣйшихъ родахъ Поэзіи—но что, если бы вздумалось ему приводить всѣхъ, писавшихъ на разныхъ языкахъ Эпиграммы, Мадригалы, Пѣсенки, Триолешы?—Прешолстая вышла бы книга!

Въ сп. о *Драмѣ* не было никакой нужды говорить о писателяхъ, попому что тамъ именно сказано слѣдующими словами: “новѣйшіе Драмою почишаютъ Трагедію, Комедію, Оперу и Фарсу:; такъ не угодно ли попристальнѣе взглянуть на сіи послѣднія снпашьи! Тамъ вѣрно опыщущся имена многихъ писателей.

Рецензентъ обвиняетъ Г. Осполопова и въ томъ еще, что въ сп. о *Баснѣ* упомянуто изъ новѣйшихъ иноспранныхъ писателей объ одномъ только Лафоншенѣ. — Тамъ сказано, что Лафоншенъ всѣхъ превосходитъ.—Впрочемъ еще

Повторимъ, и кажешия нѣсколько разъ должно будешь повторять: разсмаприваешся Словарь Поэзіи, а не Поэповъ.

При всемъ помъ планъ сей понравился Г. Рецензенпу; онъ сожалѣешъ, за чемъ Сочинишель не оспался при ономъ —и съ укоризною показываешъ, что въ спашъ о *Эпической Поэзіи* упомянуто о всѣхъ упражнявшихся въ семъ родѣ писателяхъ.

Опашъ должно говоришь, что въ Словарѣ по большей часпи показаны Сочинишели въ важнѣйшихъ шолько родахъ Поэзіи:

У всѣхъ Эпическихъ Поэповъ выспавлены годы ихъ сущесшвованія и мѣспаш ихъ рожденія; у однихъ Нѣмецкихъ писателей сего не показано.—Для чего? спрашиваешъ Рецензенпъ.

Для шого; я полагаю, что не было необходимой нужды объ эпомъ справляшся, ибо Нѣмецкихъ Эпическихъ спихошворцевъ можно назвашъ нашими современниками:

Въ семъ соспойпъ и симъ оканчиваешся разсмошрѣніе первой часпи Словаря. Не много же по началу узнаюпъ объ ономъ

Нѣмецкіе чипашели! — Для чего (и мы спросимъ), для чего Рецензеншу не разсудилось ни слова не сказашь о нѣкоторыхъ любопытныхъ и совершенно новыхъ пракшапахъ въ сей книгѣ, напр. объ Элегіи, объ Эписполѣ, объ Аллегоріи Поэмъ Эпическихъ, объ Эпизодахъ, и пр. и пр.? — Надѣюсь, что даже извлеченіе изъ сихъ пракшаповъ понравилось бы чипашелямъ издаваемаго Г. Ольдекопомъ Журнала гораздо болѣе, нежели обвиненіе въ томъ, для чего не показано, въ кошоромъ году Клѣшшокъ родился.

Перейдемъ шеперь къ разсмотрѣнію рецензіи на вшорую часть Словаря. — Рецензія начинается съ исторіи Комедіи.

Въ Словарѣ сказано: Испанцы прежде другихъ народовъ имѣли Комедіи въ надлежащемъ видѣ. — “Das ist falsch, говоритъ Рецензенпъ, ибо, какъ извѣстно, Испаліянцы были первые., — Легко оказашь *фальшивъ* и примолвишъ: *какъ извѣстно*; лучше было бы доказашь и назвашь по имени хотя одну Испаліянскую Комедію, имѣющую *надлежащій видъ* (ш. е. правильную, а непохожую на древнія мисперіи, или фарсы), кошорая превосходила бы, въ древности

Лопецовы Комедіи: тогда бы скорѣе убѣдилъ насъ Г. Рецензентъ.

Въ Словарѣ сказано, что первая Мольерова Комедія: *Вертопрахъ* (l'Etourdi) предсавлена была въ Лионѣ въ 1653 году. — Рецензенту кажешся, что это было годомъ ранѣе. — Да почему же кажешся? — Не знаю, откуда Г. Осполоповъ заимствоваль такое показаніе времени, но я нашель у *Домерона* подтвержденіе его мнѣнія. Домеронъ говоритъ: Molière ne fut donc pas le premier á tracer la carrière; il n'y entra pas même seul, puisque la même année, 1653, qu'il donna au théâtre de Lyon l'Etourdi, sa première comédie, on joua sur le théâtre de Paris les Rivaies de Quinault. А почему кажешся это Г. Рецензенту несправедливымъ, того не могъ я нигдѣ опыскапъ.

Въ Словарѣ сказано: Ренаръ, Депушъ, Пиронъ, наиболѣе опличились послѣ Мольера въ комическомъ родѣ. — “Здѣсь, говоритъ Рецензентъ, слѣдовало бы прибавить имена Вольпера, Дидерота, Седеня, Бомарше, Дораша, Мерсье, Фабръ д'Егланшина, Колень д'Арлевиля, Пикарда, Дюваля, Бульи, и многихъ другихъ древнѣйшихъ

и новѣйшихъ писателей.,— Опять номен-
клапура Авшоровъ, въ копорой Г. Осполо-
повъ не имѣлъ ни малѣйшей нужды! Да
если бы онъ и упомянулъ о показанныхъ
Рецензеншамъ Комикахъ, то все не избѣ-
жалъ бы нареканія, зачемъ не означилъ
еще слѣдующихъ: Ремонда, Пуассона, Монп-
флери, Бурсо, Гопроша, Франсуа Корбея,
Брюи, Палапра, Дюфрени, Данкура, Ле-
гранда, Барона, Десажа, Фагана, Буасси,
Лану, Мариво, Пуансине, Пондевели, Сенп-
Фуа, Грессета, Лащоссе, Колле, Дюкюи,
Дероне, Госпожи Граффины, и пр. и пр.
А къ чему бы все это послужило? Тогда
бы Г. Осполоповъ оправдалъ только стихъ,
начинающій Посланіе къ нему Графа Хво-
сшова:

Почтенный Словаря *Поэтовъ* Сочинитель! *)

Но Графу Хвосшову мѣра стиха помѣша-
ла сказать *Поэзіи*, а *Поэзы* показалось
не хорошо; Господину же Рецензеншу
ничто не мѣшало узнать, какую цѣль
имѣеть разсмаприваемая имъ книга.

Къ писателямъ Англинскимъ означен-

*) Стихотв. Графа Д. И. Хвосшова. Томъ II.

нымъ въ Словарѣ, прибавилъ Рецензентъ имена семи Комиковъ. У Нѣмецкихъ замѣтилъ, что Браве написалъ, кромѣ Комедій, двѣ Трагедіи; что Господъ Ангелей было двое; что должно чашаць не Везель, а Вешцель, и также присовокупляешъ нѣсколько именъ. Далѣе показываетъ неудовольствіе на то, что не сказано въ Словарѣ объ Испаліянскихъ Комикахъ: Арешино; Чехи, дѣлла Порпа, и пр., и что не упомянуто о величайшемъ Комикѣ Датскомъ, Людвигъ *Фреигерръ* Фонъ Гольбергъ!...

Оправданіе смотри выше. Опечашки, я думаю исправлены будутъ при вѣторомъ изданіи. Не лучше ли было, вмѣсто шакихъ мѣлочей, заняшья переводомъ исторіи Русской Комедіи?...

Послѣ показанія, что Г. Рецензенту знакомъ Датскій Комикъ Людвигъ фонъ Гольбергъ, слѣдуешъ похвала нѣкоторыхъ спашей во вѣторой часпи Словаря, и потомъ показываешся въ переводѣ Исторія Русской Оперы.

Крайне жаль, что Г. Ольдекопъ не перевелъ, и даже не объяснилъ спашьи о Поэзіи—о ея свойствѣ, о разлѣи съ про-

зою, о подражаніи изящной природѣ, о происхожденіи стиховъ! Тогда бы узнали въ Германіи, что Рудскіе могутъ приятнымъ слогомъ писать классическія книги.

Въ спискѣ о *Сатирахъ* Рецензентъ справедливо замѣчаетъ, что на 71 страницѣ (шрестьяго тома) Авторъ, сказавъ о Буало, не хотѣлъ исчислять новѣйшихъ Сапирическихъ писателей, а на страницѣ 140 не сдержалъ своего слова, ибо упоминаетъ — между Англичанами о *Поупѣ* — между Испаліанцами о *Дотти* — между Нѣмцами о *Галлерѣ* и *Рабенерѣ* . . . Признаюсь, и для меня удивительна такая неустойка въ словѣ, но и въ томъ признаюсь, что прочитавъ Словарь нѣсколько разъ, я не замѣтилъ ее.

Не дай Богъ никого сравненіемъ мнѣ обидѣть!

Рецензенту понравились списки о *Стихосложеніи* и о *Сказкахъ*, которыя раздѣляетъ Авторъ на Водшебныя, Аллегорическія, Анакреонтическія, Эпиграмматическія, Характерныя, или Нравственныя и Философическія. — Думаю, что о сей послѣдней спискѣ можно бы-

ло сказать подробнѣе, темъ болѣе, что показанное раздѣленіе Сказокъ есть совершенно новое.

Рецензентъ также дѣлаешь честь Авшору переводомъ *Исторіи Русскаго Театра*. Помомъ, признавъ спашью о *Трагедіи* любопытною и ученою, принимаешь съ величайшимъ прилѣжаніемъ разсмаприваешь сказанное въ Словарѣ о *Нѣмецкихъ Трагикахъ*! — Опять бѣда неминуемая! Зачемъ не о всѣхъ упомянуто!

Авшоръ говоритъ, что въ 1739 году показался въ Германіи первый оригинальный Трагикъ *Шлегель*. — Рецензентъ, хотя безъ доказательства, но увѣряешь, что Шлегель нѣсколько позже сдѣлался извѣстенъ своими драматическими произведеніями—и весьма справедливо замѣчаешь, что имя *Г. Кронегка* ошибочно напечатано. Послѣднимъ замѣчаніемъ, безъ сомнѣнія, воспользуется *Г. Осиполоповъ*.

У Авшора сказано, что *Вейссе* въ 1759 году напечаталъ вдругъ пять помовъ своихъ драматическихъ сочиненій, между копорыми наиболѣе уважается Трагедія: *Ромео и Юлія*, передѣланная изъ Шекспировой. — Здѣсь Рецензентъ въ чемъ-то

просишь извиненія (*Bitte um Verzeihung*) и говоришь, что Вейссовы драматическія сочиненія вышли въ свѣтъ между 1776 и 80 годами.—Если это правда, то не ему, а Сочинителю Словаря слѣдуешь просишь извиненія—и не одному еще, а вмѣстѣ съ *Г. Паже* (*Pagés*), которъй въ своемъ *Nouveau traité de Litterature ancienne et moderne* поже говоришь: Dans le cours de 1759, on vit paraître successivement cinq volumes des ouvrages dramatiques de Mr Weisse. — Что до меня касается, то я посовѣтовалъ бы *Г. Осполопову* во впоромъ изданіи совсемъ не показывать времени, когда печатались Вейссовы шворенія: книга его нимало ошъ того не пошерпишь.

Авторъ говоришь: Клопшшокъ написалъ *Смерть Адама и Соломонъ*...Только? спрашиваетъ *Г. Рецензентъ*. — Нѣтъ не только, но здѣсь говорится о Клопшшокѣ, какъ о Трагикѣ, слѣдственно и упоминается объ однѣхъ его Трагедіяхъ. — Здѣсь и я осмѣлюсь замѣнить, что Автору Словаря слѣдовало сказать не просто Соломонъ, а *Соломонъ и Давидъ*, и означить еще по крайней мѣрѣ одну Трагедію Клопшшока: *Германова битва*.

Авшоръ сказалъ, что Коцебу заслужи-
 ваешь похвалу за двѣ свои Трагедіи: *Іоан-
 на Монфоконъ* и *Султанъ Валипули* . . .
 Vortrefflich! восклицаетъ Рецензентъ съ
 премея удивительными знаками! Vortreff-
 lich! ежели *Султанъ Валипули* есть Тра-
 гедія, то и Герштенберговъ *Уголлино*
 принадлежишь къ Комедіи.—Наконецъ дѣ-
 лаетъ слѣдующій приговоръ: ясно, что
Сотинтелю новѣйшая Европейская Лит-
 тература вовсе неизвѣстна.—Г. Оспо-
 лоповъ, какъ мнѣ кажется, въ краткомъ
 описаніи Нѣмецкаго педра руководствво-
 вался сочиненіемъ о семь предметѣ Г.
 Фриделя; но положимъ, что въ причисле-
 нии Вампума къ Трагедіямъ Издатель Сло-
 варя сдѣлалъ погрѣшность, слѣдуетъ ли
 изъ этого выводиться такое дерзкое и оскор-
 бительное заключеніе, что ему вовсе не-
 извѣстна новѣйшая Литтература? — И
 почему наиболѣе? Потому, что говоря о
 Нѣмецкихъ Трагикахъ и Комикахъ, онъ не
 о всѣхъ поимянно упомянулъ! Иной поду-
 маешь, что Рецензентъ за то осердился,
 что Авшоръ не включилъ его въ число ка-
 кихъ нибудь писателей.—Безъ сомнѣнія,
 всѣ благонамѣренные и разсудительные

чишатели *Словаря* согласяшся со мною, что безъ познаній въ новѣйшей Липшерапурѣ не возможно было приспуишь къ такому сочиненію, и что сіи познанія сами собою показывающся на каждой спраницѣ разсмаприваемой Г. Ольдекопомъ книги; но Г. Ольдекопъ не полько не замѣпилъ ихъ, даже другихъ увѣряешъ въ несущеспвованіи того, чего самъ не видалъ. Упомянутыя выраженія шемъ еще оскорбительнѣе показывающся, что Рецензія его, писанная на Нѣмецкомъ языкѣ, чишаешся въ ученой Германіи, гдѣ, не зная подлинника, легко могушь повѣришь словамъ всякаго Рецензента. Но не мое дѣло вспунашся за личную обиду!

Послѣ сказаннаго приговора Рецензентъ выпишываешъ, или лучше сказать, переводишь разсужденіе о сравненіи Нѣмецкаго театра съ Англинскимъ и Французскимъ. Сочинишель полагаешъ, согласнo съ мнѣніемъ другихъ Липшерапоровъ, что Нѣмецкій театръ образуешъ средину между Французскимъ и Англинскимъ, и предположеніе свое подкрѣпляетъ доказательствами; Рецензентъ же говоришь, что о семъ предметѣ можно бы было

много поговорить, но, какъ видно, говоришь ему на сей разъ не хопълось. — И мы перейдемъ молчаніемъ сіе обшпояпельсшво.

Рецензенпу не понравилось еще названіе *Простонародная Трагедія*, которе придаешся иногда новѣйшей Драмѣ; онъ предлагаешъ слово: *Гражданская*. Вопшь здѣсь не худо бы прокричашъ *Vortrefflich!* — Слово: *Простонародная*, показываешъ, что въ ней дѣйспвуютъ лица изъ низшаго класса людей, то еспъ, не Цари, не Военачальники, и пр. Что же будетъ значить слово: *Гражданская*? — Ежели то, что дѣйспвуютъ граждане, то это несправедливо: Герои Рима и Греціи гордились названіемъ *Гражданина*, были *граждане*, коихъ дѣянія могутъ бытъ предспавлены въ самой лучшей, высокой Трагедіи.

Рецензія оканчиваешся *выговоромъ* — зачемъ Г. Ощолоповъ не пишешъ *өпы*, и *совѣтомъ*: пишашъ порусски иноспранныя собспвенныя имена не шакъ, какъ оныя выговариваюшся, а какъ пишушся на ихъ опечешпвенномъ языкѣ.

Что касаешся до *өты* — не прини-

маюсь ни защищать ее съ Рецензенпомъ, ни гнать изъ Азбуки съ Сочиницелемъ Словаря. Помнился мнѣ, Г. Осполоповъ что-то самъ напечаталъ о семъ предметѣ въ Журналѣ: *Благонамѣренный*, прошедшаго 1822 года. Любопытные могутъ справитьсь шамъ.

Слѣдую же совѣту Г. Ольдекопа должно писать порусски: Квинаульпъ (*Quinault*) а не *Кино*; Воишюре (*Voiture*), а не *Вуатюръ*; Волшаире (*Voltaire*), а не *Вольтеръ*: Боилеау Деспреауксъ (*Boileau Despreaux*), а не *Буало Депрео...*, *Vortrefflich!* *Das ist falsch, bitte um Verzeihung*, Господишь Рецензенпъ! —

Что же сказать о всей Рецензии? Г. Ольдекопъ, разсмашивая *Словарь Древней и Новой Поэзии*, не на шо успремилъ вниманіе свое, на что бы слѣдовало: онъ впускается за умолчаніе о именахъ писателей, и ни слова не говоритъ о предлагаемыхъ правилахъ для всѣхъ опраслей Спихопворспва, въ чемъ единственнo сосшояла цѣль Авшора! Дѣлаемая имъ выписки шакже не принадлежатъ къ сущности книги — замѣчанія во многихъ мѣсшахъ и несправедливы и оскорбишель:

ны—совѣшны смѣшны; словомъ, всею рецензіею онъ какъ будто хохлеть о себѣ сказать: *ea quae scimus, sunt pars minima eorum, quae ignoramus*, или воображалъ, что мы Русскіе не будемъ читать ее.

По изъясненнымъ Г. Ольдекопомъ при концѣ рецензіи причинамъ, и я подписываю мое имя.

К. 14 Марта 1824.

Е. Волковъ,

~~*****~~

ПЯТЬ ВѢКОВЪ ГЕРОИЧЕСКИХЪ.

(Отрывокъ изъ Гезіодовой Поэмы: *Работы и Дни* *).

Когда родились боги и смертные чюдвѣки: небожищели даровали злпшый вѣкъ земнороднымъ. Хронъ, еще царствовавшій на небѣ, обладалъ ими. Люди были подобны богамъ; имѣли сердце, непричастное скорби; не знали прудовъ и злополучія; не вѣдали болѣзненной спаросши. Не различаясь между собою плѣдомъ,

*) Частъ I, стран. 108—200.

они собирались на пиршествахъ и превозносили хвалами боговъ. Умирали, какъ бы погружаясь въ сонъ; въ жизни наслаждались всѣми благами; земля, не бывъ удобряема, изобильно производила всякіе плоды; люди свободно и спокойно, съ добрыми друзьями, вкушали пищу—дѣло рукъ своихъ. Сіе племя сокрылось въ нѣдрахъ земли. Тогда великій, могущественный Дій превратилъ людей умершихъ въ демоновъ добрыхъ; и сдѣлалъ ихъ хранилелями смертныхъ. Сіи податели благъ, покровенные мракомъ, ходящъ по землѣ, наблюдая добродѣтель и беззаконія людей. Такую, царямъ свойственную, участь они наследовали.

Послѣ горніе боги создали вѣкъ серебрянный. Люди сего вѣка не были уже подобны жившимъ въ вѣкѣ золотомъ ни сановитостію плѣа, ни дарованіями души. Дѣши, возрасшая въ домахъ матерей попечительныхъ, *сто лѣтъ* были несмысленны, и получали опть нихъ пищу. Когда достигали они лѣтъ мужества; по безумію своему недолго наслаждались жизнью, подвергались болѣзнямъ; питали другъ къ другу пагубную вражду; не чтили бо-

говъ по долгу и обычаю; не приносили жерпвь богамъ блаженнымъ на алтаряхъ священныхъ. Зевесъ сокрылъ и сіе племя въ нѣдрахъ земли. Сынъ Хроновъ подвижся гнѣвомъ за то, что люди не воздавали чести безсмертнымъ обишателямъ Олимпа. Когда земля сокрыла и сихъ людей: они получили имя подземныхъ благополучныхъ.

Родитель—Зевесъ создалъ изъ дерева преще племя людей. Сіи люди, не подобные жившимъ въ серебряномъ вѣкѣ, были спрашны и крѣпки; помышляли о нанесеніи обидъ; о пагубныхъ бишвахъ; не пипались брашномъ; и будучи свирѣпы, имѣли сердце зашвердѣлое, каменное. Рамена и другіе члены ихъ шѣла были крѣпки; на раменахъ висѣли непобѣдимыя руки. Люди сего вѣка облекались въ мѣдныя доспѣхи; жили въ мѣдныхъ черпогахъ; и работы свой совершали мѣдными орудіями. Черное желѣзо имъ было неизвѣстно. Погибши опъ собшвенныхъ рукъ, они сошли въ смрадное жилище кладнаго Эреба; ихъ память исчезла. Хопя были ужасны видомъ: но алчная смерть ихъ похишила; и въ очахъ ихъ померкъ ясный свѣшъ солнца.

Когда земля сокрыла и сіе племя: Зевесь, сынъ Хроновъ, сотворилъ на многоплодной ея поверхности чешвертое поколѣніе людей справедливыхъ и мужественныхъ — божественныхъ героевъ. Сіи герои, по древности рода, именующа въ мірѣ полубогами. Бѣдственная война и кровопролитныя битвы ихъ погубили. Однихъ въ то время, когда они за спада Эдиповы сражались въ странахъ Кадмовыхъ при седмиврашныхъ Фивахъ; другихъ, когда переплывали простѣрайнныя моря, дабы рашовашъ у стѣнь Трои за лѣповласую Елену. Тамъ смерть ихъ постигла. Зевесь, сынъ Хроновъ, разлучивъ героевъ отъ людей, поселилъ ихъ на предѣлахъ земли. Имѣя духъ безпечальный, сіи счастливые герои обитають на островахъ благополучныхъ. Тамъ плодотворная земля прикрашно въ годъ разверзаешъ лоно свое, прикрашно покрываешся цвѣтами, прикрашно производитъ сладкіе плоды героямъ.

Но для чего боги опредѣлили мнѣ жить съ пятымъ родомъ людей? Для чего или смерть не пресѣкла дней моихъ прежде, или я не родился послѣ

михъ? Наспалъ вѣкъ желѣзный. Зараженныя пороками люди ни днемъ, ни ночью не имѣють покоя ошь шрудовъ и бѣдспвй. Боги низпосылають имъ тяжкія заботы. Но и для сихъ смершныхъ зло смѣшано съ добромъ. Зевесь испребишь и сихъ людей, когда они покроюся сѣдинами. Нынѣ отецъ не подобень дѣпямъ, дѣпи опцу своему; спранникъ гостепримцу, другъ другу, и брашь не хранишь искренности къ брашу, какъ сіе было въ прежніе вѣки. Дѣпи оскорбляють скоро-старѣющихъ родителей. Преспупные! не боясь гнѣва боговъ, они язвипельно укоряють родителей, и въ спароспи не вознаграждають ихъ за шруды, понесенныя для ихъ воспшаніа! Городъ воспшашъ прошиву города; и одинъ ошь другаго разоряешъ. Нѣпть почшенія къ мужамъ правосуднымъ и добрымъ; уважаюпся злодѣи, виновники обидѣ. Нѣпть правды и безпристраспіа на судахъ. Коварный вредишь добродушному, оскорбляешъ чеспъ его, нарушаешъ кляпву. Блѣдная Зависпъ, имѣя помраченный взоръ и веселясь бѣдспвями, преспдуешъ земнородныхъ и разсѣваешъ клевету. Спыдъ и Мщеніе,

покрывъ прекрасное шѣло свое свѣшлы-
ми одеждами, оспавили людей, и съ про-
спранной земли переселились на Олимпъ,
къ богамъ безсмертнымъ. Людей предали
они бѣдспвіямъ и неопвращимымъ спра-
даніямъ.

Сб Грегескаго. А. Огинскій.

~~~~~

ДУМА НА ПОЛЯХЪ БОРОДИНА.

Со мглою борешся мерцаніе луны...

Въ объяшьяхъ пишины

Природа засыпаешъ!...

Лишь песь по временамъ унѣло оглашаешъ

Сожженныя поля Бородина,

Лишь споришь съ берегомъ шумящая волна,

И эхо говоришь съ пустынными вѣпрами.

Окреспность дикая, покрывшая коспями,

Казалось, въ ужасъ, спрашася себя самой,

Внимаешъ все еще давно умолкшій бой!

О поле славное, изрытое мечами!

Я вижу на шебѣ сей бой передъ очами!

Два снапа спяшь въ тиши ночной,

По цѣпи бродишь часовой —

Свои шашры онъ охраняешъ ...

Глядишь въ ночную глубину...

Подслушиваешъ пишину...

И слѣдъ врага подшергаешъ!

Необозримъ прошивныхъ спань,
 Но всѣ поклонники Гордынѣ—
 Пришельцы ошдаленныхъ спрань,
 И нѣшъ имъ счастья на чужбинѣ!
 Имъ славы блескъ не замѣнишь
 Родимый кругъ съмьи безцѣнной,
 И брани гласъ не заглушишь
 Въ нихъ память родины священной.
 Крыломъ ли соць ихъ осѣнишь,
 Въ снѣ о родинѣ мечпаюшь!
 Соць опъ чела ихъ оплещишь:
 Они по родинѣ скучаюшь!
 И не за край своихъ ошцовъ
 Оспряшь мечи на бой кровавый;
 Слѣпья сонмища рабовъ
 Идушъ за призраками славы—
 Но Русскому здѣсь все свое...
 Ему сама земля взываетъ
 «Во мнѣ сокровище швое!»,
 И Небо въ бой благословляетъ—

Два спана спяшь въ шиши ночной,
 По цѣпи бродишь часовой,
 Свои щасры онъ охраняешь—
 Глядишь въ ночную глубину...
 Подслушиваешь шшину...
 И слѣдъ врага подшерегаешь!

Осення ночь свое чело
 Уже усѣяла звѣздами,
 Бешъ полночь—вспыхнуло село!—

Огонь, раскинутый въспрами,
 По небу зарею расплалъ!...
 Все вспрынуло....и шумъ смяшенья
 По снану быстро пробѣжалъ....
 Конь рвется, пышетъ съ нешерпѣнья
 И роешь землю подъ собой —
 Опъ кликовъ холмы вспрепенулись,
 Мгновенно дружною спѣной
 Незримы полчища сомкнулись!...

Какъ въ грозной бурѣ вихрь на воды гонишь
воды,

Такъ въ сѣчу бросились безчисленны народы—
 Сошлись, смѣшались—бой спрашный заки-
пѣль,

Кровь хлынула рѣкой и воздухъ возшумѣлъ!

Изъ жерлъ мѣдяныхъ извергаясь
 Огнисные шары, освѣчивають бой —
 Какъ испѣняся волна сшибаешся съ волной
 И раздробляешся, на брызги разлетаясь:

Такъ вои въ сѣчѣ роковой
 Вспрыцають грудью грудь — и спелюшся
грядой!

Зіяешъ спрашная Геенна!

Смерть дым мь, пламенемъ и смрадомъ о-
курена

На пысячи махнешъ безжалостной рукой,
 Оцпенѣють всѣ, упавши спрой на спрой!
 Ошважныхъ цѣлый рядъ лежишь окровав-
ленный;

Окрестъ разбросаны ихъ члены искаженны!
Глава къ лицу небесъ лежишь, съ разверз-
спымъ рпомъ,

И силишься просишь побѣды надъ врагомъ.
Тамъ брошена рука мечъ списнула пер-
стами,

Желая встрѣпишься съ пропивными мечами.

Какое зрѣлище смершей!...

Безумный челоѡкъ! взгляни на свой профей,
Какъ брашій кровь швоихъ разбрызгана
дымишся

И самый адъ шебъ, какъ извергу, дивишся!
Иль шѣсень для шебя сей мѣръ обширный
спаль?

Почто шы мѣдныя чудовища призывалъ,
Что изъ себя огонь и дымъ и смерть бро-
сающъ

И разомъ полчища глошающъ?

Ядро лепишь — все въ прахъ!

Махнешъ — черезъ ряды — и многихъ нѣшь
въ рядахъ!

Чья снимешъ кисть, сіе сраженье?...

Побоище людей и смерти испушленье?...

За громомъ громы...дымъ поднялся на лѣса;
Казалось рухнули зажжены небеса,

Зміями молніи по черной мглѣ сверкающъ;

Упавши облака окрестность заспилающъ!

И чудилось, пробилъ послѣдній мѣру часъ...

Свѣшильникъ, въ высотѣ блуждаючи, погасъ!

День ясный не всщаетъ, при ночи не смѣ-
няешъ

И эхо падшихъ спонь счищать не успѣваетъ!

Рѣдѣешь дымъ густой—

И мгла, распавшись, ошкрыла смолкшій бой!

Туманился мой взоръ!—ужасная картина!

Успланная людьми шевелился долина...

Прокравшись луна

Задумчива, блѣдна...

На землю блѣдную взираешь.

И съ ужасомъ ея спенаніямъ внимаешь...

Тамъ воинъ, распроспершь съ мучительной

тпоской,

Рвешь волосы свои безпамятной рукой!

Иль спихнувъ—къ небесамъ возносишь онъ

моленья—

Но нѣшь ему спасенья!

Тамъ, чувствуя конецъ и хладъ въ своей

крови,

Любовникъ молодой поскуешь—

Онъ съ жадностью цѣлуешь

Вѣнчальное кольцо, залогъ своей любви!

Ударилъ часъ его!... духъ жизни оплешаешь,

И образъ милый исчезаешь!

Попухнулъ свѣщъ въ его очахъ...

Но имя милое оспалось на успахъ!...

Тамъ спонешь пулею сраженный,

Роднаго крова удаленный!

Онъ медлишь умерешь...течь крови не даешь

И милую сѣмью вкругъ ищешь и зовешь...

Зовешь—но щещно все—онъ очи закры-

ваетъ

И въперъ вздохъ его къ опчизнѣ увлекаешь!...
Тамъ пылкій юноша отважною рукою

Враговъ уславши подь собой,
Безспрашно смерть встрѣчаетъ!

Онъ палъ—и мечъ его, опъ тяжести своей,
Упалъ надъ грудю поверженныхъ мечей —

Герой геройски умираешь!
Слѣды его профей—кругомъ —
И онъ, гордясь своимъ одромъ,

При смерти улыбался. —

Прощаясь съ жизнію, съ безсмертіемъ встрѣ-
чался...

Тамъ по землѣ себя израненный влачишь —
Въ шуманну даль глядишь....

Глядишь въ знакомый край со вздохомъ, со
слезами,

Гдѣ все оставилъ онъ, гдѣ кровные съ
друзьями,

Мечпашешь къ сердцу ихъ прижаешь въ по-
слѣдній разъ,

И списнувъ шрупъ врага.... шеряешь свѣшь
изъ глазъ!

Вдругъ изъ шучи громовой

Молнія сверкнула,

Боръ шашнулся въковой,

И земля вздрогнула! —

Я воспрянулъ — видъ дружинъ

Скрылся предо мною!

Только споришь въпръ одинъ

Съ дальней пустошою....

Слѣдъ бишвы вокругъ меня—
 Копія съ мечами.
 И въ правѣ лежишь броня,
 И холмы рядами!
 Гдѣ вы, храбрые?...вась нѣшь!
 Пали ваши спрои...
 Но вась помнишь цѣлый свѣшь,
 Русскіе Герои!

В. Марковъ.

~~~~~

ЖЕНѢ МОЕЙ

въ день ея рожденія.

Семь лѣтъ уже, какъ я соединенъ съ побой.
 Какъ быспро, милый другъ, лѣша сіи
 промчались!

Счастливому, довольному судьбой,
 Они мнѣ днями показались!

Бывали горесши—прошли;
 Мечшы, желапья—пролешѣли!

Лишь чувшва вѣрныя въ груди не охла-
 дѣла,
 Кошорыя во мнѣ глаза швои зажгли.

31 Марта 1824.

N. N.

~~~~~

ПОЧТЕННѢЙШІЙ.

Употребленіе немилосердо играешь судьбою и значеніемъ словъ. *Любезный другъ!* *Человѣкъ!* слова, самыя благородныя...но какъупошребляюшся нами?—“Послушай, *любезный другъ!* принеси мнѣ спаканъ воды!.. *Человѣкъ!* войди сюда., — И сохрани Боже назвашь невзначай хозяина дома, или кого изъ госпей .... *теловѣломъ!* Извиненіямъ нѣшь конца.

Въ наше время прилагательное: *почтеннѣйшій*, опъ безпреспаннаго употребленія, перемѣнило почти свое значеніе. Всякаго, безъ разбора, зовушь *почтеннѣйшимъ!* Съ кемъ ни встрѣшишься, первое слово: *почтеннѣйшій!*

Молодой Поэшь, которому удалось написашь одну Элегію, имѣешь уже право всякому говоришь: *почтеннѣйшій!* Но онъ произносишь это слово съ выраженіемъ, которое соотвѣшсшвуешь значенію слова. Но Поэшь, или Кришникъ, который знакомъ уже со всѣми Журналистами, котораго хвалили въ Журналахъ —о погда у этого мудреца слово: *почтеннѣйшій*, безъ имени лица, съ кошо-

рымъ онъ вступилъ въ разговоръ, значить: “Здорово, дружокъ! Прощай!”, — Такой гусь всѣмъ и всякому говоритъ: *потеннѣйшій!* За по и всѣ и всякой въ правѣ думать, что прилагательное: *потеннѣйшій*—и существительное: *потеннѣ*—неизвѣстны этому господину. Упрямъ приходишь къ нему извозчикъ... “А, здорово, *потеннѣйшій!*”, После того былъ у него сапожникъ.. Опять: “здоровый, *потеннѣйшій!*”, — На улицѣ встрѣчаетъ онъ лакея одного Журналиста... “Эй! *поттеннѣйшій!* поди-ка сюда!”,—Встрѣчаетъ Директора, котораго онъ не жалуешь, но по привычкѣ жмешь ему руку и кричишь опять: “*поттеннѣйшій!* здоровы ли вы?... Просишь, *поттеннѣйшій!*... Наконецъ онъ встрѣчаетъ своего оракула... опять поже; но уже...*поттеннѣйшій* N. N.

Изъ этого можно заключить, что прилагательное: *поттеннѣйшій*, безъ собственнаго имени, не совсемъ почтенное прилагательное.

Пишутъ ли Журналисты колкости другъ на друга?—Непрѣменно слово: *поттеннѣйшій*, уже есть. — “*Поттеннѣйшій*. Издаешь сдѣлать непростишельную ошибку

ку...Я увѣренъ, что *потеннѣйшій* Изда-
тель согласишь, что и ученики не дѣ-
лають такихъ ошибокъ, какъ онъ.

Надобно замѣшишь, что слово: *пот-
теннѣйшій*, болѣе всего употребляется
между липшерапорами, и они-то до без-
конечности разнообразяють значеніе это-
го почтеннаго прилагательнаго.

БЕЗГРАМОТНЫЙ И КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Антрактъ.

Актъ 1й.

Безгр. Нѣтъ, уже я рѣшился и опъ-
нечего дѣлають пускаюсь въ сочинители!
Не знаю однако, что начашь, чтобы по-
скорѣе прославиться...

Книг. Познакомьтесь съ Журнали-
стами...

Б. Непремѣнно.

К. И пишице все, что вздумается....

Б. Писать! Сказашь легко! Но я за
недосугомъ и за службой, не знаю...какъ-
то совсемъ разучился писать.

К. Такъ возьмите себѣ помощника.

Б. Прекрасно! Онъ будешь писать — а я...думаешь, печатаешь...

К. И кричаешь.

Актъ 2й.

(Пять лѣтъ послѣ.)

Б. Что, почтеннѣйшій, каково идушь дѣлишки?

К. Какъ случился, сударь.

Б. А мои сочиненія?

К. Идушь, сударь..И какъ не идши — всѣ журналы такъ разхвалили васъ.

Б. Разхвалили! Что значаешь эти похвалы! Г. г. Журналисты хвалять меня изъ страха.

К. Можешь быть, сударь! У васъ всегда гошovy анпикришки, письма, разговорцы...

Б. Просмотри пожалуй вопъ эту корректуру...мнѣ нѣкогда:

К. *(прочитывая листокъ)* О! о! какъ вы всѣхъ опдѣляли! Да повашему, у насъ нѣтъ ни одного порядочнаго авшора!

Б. Дрянъ! Повѣришь ли — многіе, написавшіе десяпки помовъ — грамашѣ не знаютъ!..Другіе ученики, у кошорыхъ еще

въ свѣжей памяти пропы и фигуры изъ Рипорики Рижскаго — а наша брашья Журналисты ... Да вопшь я напишу разборъ сочиненіямъ нашихъ первоклассныхъ писашелей и покажу—каковъ *Безгаламт-ный!*

ПИСЬМА ВЪ ТАМБОВЪ О НОВОСТЯХЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Письмо 1.

Почтенный другъ! съ полгода какъ пы оставилъ Петербургъ, а забылъ, ка-жешся, и друзей и Словесность. Ни спрочки ошь себя, хошь обьщаль первый ко мнѣ писашь и увѣдомишь какъ думающъ, и что говоряшь въ *вашихъ* краяхъ о премудрости *нашихъ*. Я даль слово извѣщашъ шебя о новыхъ произведеніяхъ ума и вкуса, о новыхъ опышахъ нелѣпости, о побѣдахъ *Школы Романтической* надъ *здравымъ смысломъ*, о поржесствѣ испиннаго дарованія надъ предубѣжденіемъ, о нашествіи кришиковъ на *Словесность Классическую*, о наблюденіяхъ на круговращеніе нашихъ писашелей, о полкахъ жур-

нальныхъ и проч.—далъ слово сообщашь публѣ по временамъ реэспрѣ привозныхъ словъ въ обласшь Русской Словесности, и сдержу мое слово.

Въ ожиданіи пвоихъ писемъ начну съ новоспи приятной всякому, съ появленія *Бахти арайскаго фонтана* на горизонтѣ сѣверномъ. Эпопъ феномень расшевелишь много грамотныхъ и безграмотныхъ, любители и губители Словесности. — Содержаніе сего спихопворенія простое, взятое изъ преданія небогатаго происшесивіями; но цвѣпуція красоны, или, лучше сказашь, волшебство Поэзіи, очаровательность карпинъ, обиліе чувспвъ, новоспъ мыслей, сладкозвучіе словъ опличаюшь *Бахтисарайскій фонтанъ*, подобно какъ и другія произведенія сего любимца Сѣверныхъ Музь и Грацій опличаюшь сполько же, сколько пворенія безуспѣшныхъ его подражателей обличаюшь вынужденность ихъ чувспвъ, выисканность словъ, омрачены пьмою безсмысля, пугаюшь нелѣпостію воображенія — и опличаюшся всею дерзостію самохвальспва и *кругохвальства*. Ты улыбнешся при семь выраженіи; но оно

вѣрно рисуешь ихъ. Такъ, мой другъ, *кру-*
гохвальство, то есть взаимныя похвалы
 взаимнымъ нелѣпостямъ *друзей - литте-*
раторовъ есть существенный признакъ
новой школы. Взгляни въ какой хочешь
 Журналъ...вездѣ найдешь спихопворенія,
 въ копорыхъ безпрестанно твердяшь: *я*
поэтъ! я поэтъ! и заспавляюшь бѣдныхъ
 чипапителей мучилъсь щещепнымъ опы-
 скиваніемъ копя одной чершы Поэзіи; въ
 копорыхъ превознося свою гармонію, про-
 изводяшь себя въ Меценаты всѣхъ своихъ
 прияпелей - соучениковъ, удоспойвая
 ихъ посланіями, посвященіемъ разноѣр-
 ной галимапьи и пиплами: *Гораціевъ,*
Анакреоновъ. Но обратимся къ Русскому
 Анакреону, копорый невидимо вводишь
 насъ въ гаремъ Бахчисарайскаго Хана.

Еще понынѣ дышешь нѣга,
 Въ пусныхъ покояхъ и садахъ;
 Играюшь воды, рдѣюшь розы,
 И выюпся виноградны лозы,
 И злапо блещешь на спѣнахъ.

Здѣсь - то въ минувшее время красавицы
 Воспока

Безпечно ожидая Хана,
 Вокругъ игриваго - оншана,
 На шелковыхъ коврахъ, онъ
 Толпою рѣзвою сидѣли,
 И съ дѣшской радостью глядѣли,
 Какъ рыба въ ясной глубинѣ
 На мраморномъ ходила днѣ.
 Нарочно къ ней на дно инья
 Роняли серги золошья.

Здѣсь - по ...

Младья жены, какъ нибудь
 Желая сердце обманушь,
 Мѣняюшь пышные уборы
 Заводяшь игры, разговоры.

Но злый эвнухъ опъ нихъ неоплучень,
 даже и шогда—

Раскинувъ легкіе власы
 Какъ идушь плѣнницы младья,
 Купаешься въ жаркіе часы
 И льюшься волны ключевья
 На ихъ волшебныя красы
 . . . . .
 Взоръ нѣжный , *слезъ упрекѣ нѣмой*
 Не власны надъ его душой.

Нельзя однако не замѣшипь, что Поэпъ
 распроспранился въ описаніи Эвнука, ко-

второе въ Поэмѣ несоразмѣрно ни съ ограниченностію содержанія, ни съ расположеніемъ прочихъ частей ея.

Въ мысляхъ Пушкина глубокія чувства — онъ постигаетъ тайны души и умѣетъ передавать ихъ въ легкихъ стихахъ. Грузинка, принявшая Магомешанскую вѣру, но бывшая въ младенчествѣ Христіянкой, нечаянно видитъ въ Гаремѣ кресло и лампаду предъ иконой.

Грузинка, все въ душѣ швоей
Родное что-то пробудило;
Все звуками забытыхъ дней
Невняшно вдругъ заговорило.

Двумя словами Пушкинъ рисуешь карпину, одною чертою придаешь ей новую красоту.

Съ короной, съ Княжескимъ гербомъ
Воздвиглась новая гробница:

. . . . .

Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь *Таврическія* волны
Обрадують мой жадный взоръ.

. . . . .

Все чувствиво пушника манишь

Когда въ гасѣ утра безмятежной
 Въ горахъ, дорогою прибрежной,
 Привычный конь его бѣжишь,
 И зеленѣющая влага
 Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
 Вокругъ утесовъ Аю - дага...

Сколько живописнаго въ послѣднихъ
 пяти стихахъ! Какая полная, одушевлен-
 ная картина! Слово: *привычный*, даетъ
 понятіе о всей прудности пущи вдоль
 морскаго берега, среди горъ и въ виду у-
 тесовъ, вокругъ коихъ и кипящая и шумящая
 волны.

Нѣкошорыя описанія особенно въ Во-
 спочномъ вкусѣ; на примѣръ слѣдующее:
 Эвнухъ, пугаясь ночью малѣйшаго шума,
 пробуждается, дрожишь, слушаешь...

Но все вокругъ его молчишь...
 Одни фоншаны сладкозвучны
 Изъ мраморной пемницы бьютъ,
 И съ милой розой не различны
 Во мракъ соловьи поютъ.

Другіе съ необыкновенною живоспiю
 предспавляющъ картину Воспочныхъ
 нравовъ и обыкновеній.

Покрышы бѣлой пеленой,
 Какъ тѣни легкія, мѣлкая
 По улицамъ Бахчисарая,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
 Просныхъ Ташаръ спѣшаютъ супруги
 Дѣлишь вечернія досуги.

Вообще *описательная* часть въ *Бахчисарайскомъ фонтанѣ* совершенна. Начало Поэмы великолѣпно ...

Гирей сидѣлъ, пошупя взоръ;
 . . . . .
 Безмолвно раболѣпный дворъ
 Вкругъ Хана грознаго тѣснился—и
 проч.

Описывая далѣе Гирея уединеннаго, Поэтъ говоритъ:

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
 Свободный грудь его вздыхаетъ,
 Живѣе строгое чело
 Волненіе сердца выражаетъ.
 Такъ бурны туги отражаетъ
 Залива зыбкое стекло.

Сравненіе сіе, по живости, принадлежитъ къ счастливѣйшимъ спихамъ, даже между спихами Пушкина. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ сравненій изъ *Бахчисарайскаго фонтана*.

Въ шѣни хранишельной шемницы
Ушаены ихъ красопы—

Говорить Поэшь о невольницахъ Гарема...

Такъ Аравійскіе цвѣшны
Живуть за спеклами шеплицы.

Слѣдующее сравненіе начерпано пламен-
ною киспюю...

— — Но кто съ шобою,
Грузинка! равенъ красопою?
Вокругъ лидейнаго чела
Ты дважды косу обвила;
Твои плѣнишельныя очи
Яснѣ дня, чернѣ ночи!

Кажешся, сами Граціи обрисовали голов-
ный уборъ Грузинки. Но опдавая спра-
ведливостъ Генію Пушкина, съ другой
спороны нельзя не замѣшнить, что онъ
мало забошлся о *повѣствовательной* ча-
сти своей Поэмы, обращая весь даръ свой
на часть *описательную*.

Зарему разлюбилъ Гирей

. . . . .

Съ шѣхъ поръ какъ Польская Княж-
на

Въ его гаремъ заключена.

Вошь что чипашель узнаешъ, прочитайъ,
и страниць. Далѣе узнаешъ онъ, что
Зарема приходишь къ Польской Княжнѣ
ночью, убѣждаешъ ее бышь хладной къ
Гирею.

— — — Я шла къ тебѣ,
Спаси меня. . . .
Я гибну, выслушай меня!
Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко...но минувшихъ дней
Предмешы въ памяти моей
Донинѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Попоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной *)....
Не знаю; помню только море...
И челоуѣка въ вышинѣ
Надъ парусами . . .

Сіе мѣсто напоминаешъ Бейрона—но не
предсавляешъ правдоподобія... Можно ли
помнишь горы, дубравы, законы, нравы,
море и челоуѣка надъ парусами — а не

---

*) Не правильнѣе ли было бы шакъ:
“Оставила я край родной,, *Изд.*

помнишь кемъ похищена и какъ оставила она жизнь? — Скажешь, что Грузинка была въ обморокъ, но не уже ли обморокъ продолжался во все время плаванія корабля?

Впрочемъ монологъ Грузинки выдержанъ превосходно: бorenіе спрашей; огонь въ чувствахъ; приличный пылкости Азияшки; голосъ сердца, перзаемаго спрашею, слышишься въ стихахъ.

— — — Я прекрасна,
Во всемъ Гаремъ ты одна.
Моглабы еще мнѣ быть опасна...
Но я для спраши рождена,
Но ты любишь какъ я не можешь..

Но а...но ты... выражающъ все смященіе души и силу спраши...

Зачемъ же холодной краской
Ты сердце слабое тревожишь?

Два удивительные стиха, которые излились изъ самаго сердца.

Оставь Гирея мнѣ; онъ мой!
На мнѣ горяшь его лобзанья...

. . . . .

Меня убьетъ его измена...

Я плачу...видишь, я колѣна
 Теперь склоняю предъ побой,
 Молю, винишь шебя не смѣя,
 Опдай мнѣ радость и покой,
 Опдай мнѣ прежняго Гирея...
 Не возражай мнѣ ничего;
 Онъ мой! онъ ослѣпленъ побою!
 Презрѣнъемъ, просьбами, шоскою,
 Чемъ хочешь ошвраши его;
 Клянись...

Клянись мнѣ ...

Зарему возвратишь Гирею
 Но слушай! если я должна
 Тебѣ...кинжаломъ я владѣю,
 Я близъ Кавказа рождена.

Но съ сего стиха обрывается дѣйствіе.
 Грузинка исчезла, а Марія...

Что ждетъ ее?...

Съ какою радостью Марія
 Оставила печальный свѣтъ!

говоришь Авшоръ, и вдругъ спремглавъ
 спѣшишь къ концу повѣспи...

Ужь ей пора, Марію ждущъ,
 И въ небеса на лоно міра
 Родной улыбкою зовущъ!...

Вообще ширада: *сказавъ, истезла...и проч.* охлаждаетъ дѣйствіе и кажется излиш-
нею. Разишельнѣе было бы, еслибъ Авшоръ
вдругъ ошъ угрозъ Грузинки перешель къ
спихамъ:

Промчались дни: Маріи нѣшь,
Мгновенно сирота погила.

Чишашель едва узнаешъ смертъ Маріи,
какъ Авшоръ говоритъ ему, что давно и
Грузинки нѣшь —

она

Гарема спражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ шу ночь, какъ умерла Княжна,
Свершилось и ея спраданье.
Какаябъ ни была вина,
Ужасно было наказанье! —

Догадливые безъ сомнѣнія поймутъ,
что Грузинка умершвила Польскую Княж-
ну и за шо брошена въ море; но не ду-
маю, что бы осшались довольны споль
крашкимъ опчешомъ въ судьбѣ шѣхъ лицъ,
въ которыхъ Поэшь зашавиль ихъ при-
нимашъ живѣйшее учаспіе. Въ шо же вре-
мя узнаемъ, что Ханъ осшавиль Гаремъ,
а возвращаясь высшродль въ память Ма-

рії фонпанъ—словомъ сказашъ: содержаніе *Бахтисарайскаго фонтана* займаєшь самую малую частъ въ сей Поэмѣ, заключаєшь въ стихахъ, какъ бы по необходимости включенныхъ для связи разныхъ картинъ и описаній.

Внезапноши нравяпся; но когда все вниманіе наше обращено на положеніе дѣйсвующихъ лицъ, одни намѣки о судьбѣ ихъ кажутся недоспащны, и скорѣе убѣдають въ упомленіи Поэпа, нежели въ красотѣ піишической. Такъ одинъ живописецъ, предспавившій жерпвоприношеніе Ифигеніи и закрывшій лице Агамемнона покровомъ, не рѣшаясь изобразитъ всей скорби опца, симъ намѣкомъ займаєшь нѣкопоре время умъ, но возбуждаєшь сомнѣніе въ обширности своего паланпа. Бейронъ въ Поэмѣ: *Мазепа*, описывая бѣшенана коня, копорый мчитъ Мазепу, обрисоваль сіе положеніе не одною черпою, но со всемъ искусствомъ Поэпа выдерживаєшь свой предметъ, постепенно возобновляя сильнѣ и сильнѣ свою картину въ воображеніи читашелей. Геній Пушкина въ описаніи похищенія Маріи, кончины ея и

смерти Грузинки, могъ бы соединить ужасъ и прелеснь, а легкимъ очерпаніемъ сихъ занимательныхъ происшествій много похишилъ опъ удовольствія читателей.

Между стихами, несоотвѣтствующими достоинству прочихъ, спрогая кришика замѣшилъ, можешъ бышь, въ *Бахтисарайскоиъ фонтанѣ*.

Символь *конечно* дерзновенный...

. . . . .
Ему извѣстенъ женскій нравъ,
Онъ испыталъ сколь онъ лукавъ.

. . . . .
И дочь *неволи*, нѣгъ, и плѣна.
— — — Гирей порой
Горючи слезы *летѣ* рѣкой.

Конечно принадлежишь къ такимъ словамъ, которыя въ Поэзію вводишь опасно. Онъ, сколь онъ — неправильность. *Лить рѣкой слезы*—гипербола слишкомъ вешхая. Дочь *неволи* и *плѣна*—едва ли не одно и тоже, съ темъ различіемъ, что *дочь плѣна* слишкомъ нещочное выраженіе.

Уже ли ей—
Оспапокъ *горькихъ юныхъ* дней,
Провешъ *наложницей* презрѣнной

Но довольно о недоспапкахъ, щедро замѣняемыхъ красошами—обратимся къ другой Поэмѣ.

Представь удивленіе мое, почтенный другъ, когда съ неперпѣніемъ развернувъ *Бахтисарайской фонтанъ*, вдругъ увидѣлъ я вмѣсто стиховъ, *Предисловіе*, или вмѣсто *Предисловія*, *Разговоръ между Издателями и Классиками съ Выборгской стороны*, или съ *Васильевскаго Острова*, и уже перебравъ за прѣпъ книжки, добрался до фонтана. — Разговоръ сей въ своемъ родѣ спакже Поэма. Много вымысла и много чудеснаго!

(Продолж. въ слѣд. N°.)

Книжныя Извѣстія.

I.

Любители Христіанскихъ наспавленій симъ извѣщаюпся, что недавно вышла новая книга, подъ названіемъ: *Черты дѣятельнаго ученія Бѣры*, сочиненная Законоучителемъ ИМПЕРАТОРСКАГО Царскосельскаго Лицея. Она состоишь изъ двухъ часпей. Въ первой части сначала разсмаприваешся: каковъ человекъ до совершенія въ немъ бла-

годушнаго возрожденія? Всѣ ли невозрожденныя находящіяся въ одинаковомъ нравственномъ состояніи? И имѣющъ ли они достаточныя силы, сами собою освободиться отъ своего нравственнаго поврежденія? Пошомъ описывается переходъ челоуѣка изъ состоянія ещественнаго въ состояніе благодатное; изображаются перемѣны, производимыя въ немъ благодатию, и различныя степеня духовныхъ совершенствъ, сообщаемыхъ ему оною; указующіяся какъ претяшствія, съ копорыми онъ долженъ боротся, спремясь къ высшимъ духовнымъ совершенствамъ, шакъ и предосторожности, койми могутъ быть отклоняемы сіи претяшствія; наконецъ излагающіяся средства, копорыми онъ можетъ утвердаться въ совершенствахъ жизни благодатной.

Предметъ *второй части* составляютъ дѣйствія челоуѣка, служащія несомнѣннымъ свидѣтельствомъ истины его возрожденія. Почему здѣсь, послѣ понятія о законѣ, какъ правилѣ челоуѣческихъ дѣйствій, разсмапривается дѣятельность челоуѣка: 1) по отношенію къ Богу, гдѣ излагающіяся различные виды Богопочтенія—2) по отношенію къ самому себѣ, гдѣ излагающіяся предметы и образъ попечительности его о самомъ себѣ — и 3) по отношенію къ ближнимъ вообще, гдѣ показывается образъ и

степень любви его къ нимъ. Далѣе разсматривается дѣятельность его нѣсколько частнѣе: а) какъ члена общества домашняго, гдѣ излагаются обязанности супруговъ, родителей, дѣшей, господъ и слугъ—б) какъ члена общества гражданскаго, гдѣ излагаются обязанности гражданъ по ихъ сословіямъ; и с) какъ члена Церкви, гдѣ излагаются обязанности Пастырей духовныхъ въ отношеніи къ паспвѣ, обязанности паспвы духовной въ отношеніи къ Пастырямъ, и обязанности Пастырей и паспвы въ отношеніи къ Церкви. Наконецъ представляющія побужденія, ушверждающія челоуѣка въ ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей.

Объ части заключающіяся въ одной книгѣ. Желающіе имѣть сію книгу могутъ получить ее какъ у самаго сочинителя, Священника *Іоакима Семенов. Котетова*, живущаго здѣсь въ С. Пешербургѣ; у Спаса на сѣнной, въ церковномъ домѣ; шакъ и въ книжныхъ лавкахъ *Івана Заикина*, соспоющихъ прошивъ Госшинаго двора въ домѣ ИМПЕРАТОРСКОЙ Библиошеки подъ № 18, 19, 20 и 23. Цѣна экземпляру на хорошей бумагѣ 4 рубля, а на лучшей бумагѣ 6 рублей. За пересылку въ другіе города прилагается 1 рубль.

Издашель перевода Греческихъ Класси-
ковъ имѣеть честь извѣстить почтенную
Публику, что изъ предложенныхъ имъ къ
изданію въ 1824 году книгъ, понынѣ оп-
печашаны: Трагедія Софокла, Антигона и
II часть Иліады, состоящая изъ 6 Пѣсней.
Мѣша и Особы, подписавшіяся на сіи кни-
ги, благоволять присылають за оными въ
пѣ мѣша, гдѣ объявили желаніе получають
сіе изданіе. Подписка на оное продолжаеш-
ся во всѣхъ книжныхъ лавкахъ и магази-
нахъ, здѣшнихъ и Московскихъ, равно и у
самаго Издашеля. Подписная цѣна на сей
1824 годъ за четьре книги, а именно: за
двѣ Трагедіи: *Антигона* и *Трахиніанки*, II и
III части *Иліады* съ Греческимъ текстомъ,
Русскимъ переводомъ и примѣчаніями, по
47 руб.; за одинъ переводъ съ примѣчані-
ми по 25 рублей. Каждая Трагедія прода-
вашься будеть и порознь съ Греч. подл. по
5 руб.; безъ онаго по 3 руб. Каждая часть
Иліады съ Гр. под. по 17, безъ подл. по 12
руб. Опъ воли каждого зависить, по при-
мѣру другихъ, внесши деньги и за 1825
годъ, въ коемъ оппечашаются послѣднія
Трагедіи Софокла: *Неисповый Аяксъ*, *Фи-
локшеть* и *Электра*, также IV и послѣд-
няя часть *Иліады*. За сіи книги слѣдуешь

прислать: съ Греч. подл. Рус. пер. и прим. по 35; за одиць переводъ съ примѣчаніями, по 17 рублей. Въ вышеупомянутыхъ мѣсцахъ можно получашь и вышедшія въ 1823 году пяшь книгъ, всѣ вмѣстѣ съ Греч. под. по 45, безъ онаго по 25 руб.; порознь: 1 - я ч. *Илиады* съ подл. 18, одиць переводъ 12; *Басни Езоповы* съ под. 10, одиць Р. переводъ 5; *Гиллы Каллилаха* съ подл. 10, одиць перев. 5; Трагедіи: *Эдипъ Царь* и *Эдипъ въ Колонѣ*, съ подл. по 5, одиць перев. по 3 р.

Въ тѣхъ же мѣсцахъ продающся и прежде изданныя симъ Издашелемъ книги: Періодическія изданія: 1) *Муза*, въ 4 часпяхъ, 12 р. 2) *Сѣверный Вѣстникъ*, въ 8 часп. 40 р. 3) *Лицей*, въ 4 часп. 36 р. Переводы съ Греческ. 4) *О Высокоубѣ, соѣ. Лонгина*, съ примѣчаніями Переводчика, 5 р. 5) *Анакреоновы стихотворенія*, бѣлыми спихами, 1 р. 50 к. 6) *О слѣшаніи*, соч. Плущарха, 2 р. Переводы съ Франц. 7) *Путешествіе въ Италію Г-на Дю Пати*, въ 2 часп. 12 р. 8) *Атала*, Поэма Г. Шатобріана, 4 р. 9) *Духъ Ж. Ж. Руссо*, 5 р. 10) *Прогулки Ж. Ж. Руссо*, въ 2 часп. 10 р. 11) *Сенъ-Жульенъ*, въ 2 часп. 6 р. 12) *Приданое Сюжетты*. 3 р. 50 к. Сочиненія: 13) *Соѣтъ о произношеніи нѣкоторыхъ Греческихъ буквъ*, 1 р. 14) *Разсужденіе о качествахъ потребныхъ Писателю*, 2 р. Бопаническія книги: 15) *Техно-Ботаническій Словарь*, 15 р. 16) *Три Ботаника* 5 р.

Всѣ сіи книги продаюшся въ цвѣшной бумажкѣ. Жилельство Издашеля на Васильевскомъ Островѣ, въ 11 линіи по малому проспекту, въ собственомъ домѣ подѣ № 387.

Адрессъ: *Дѣйств. Ст. Сов. Ив. Ив. Мартынову.*

Отъ Издашеля.

Въ предыдущемъ VI № упомянуто уже, что Издашель сего Журнала получилъ для раздачи бѣднымъ ошъ неизвѣстныхъ благошворителей, съ 22 ч. Марша по 26 ч. того же мѣсяца, 215 р. Послѣ того прислано къ нему еще 383 р., что сосшавишь съ прежними 598 р. Подробный ошчешъ въ сихъ деньгахъ напечаташается въ VIII №, кошорый оканчивашется уже писненіемъ. При сей книжкѣ приложено будешъ и оглавление XXV насши, коего недосшашешъ при VI №.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. N° VIII.

Выписка изъ сочиненія: *Regum Moscovitiacrum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, etc. Basileae, 1556; т. е. Записки Барона Гербершпейна и проч. о Россіи, изданныя въ Базель 1556 года. — Переводъ Г. Фовицкаго.*

Княженіе Василія IV Иоанновита.

Гербершпейнь, подданный Авспрійскій, родомъ Славянинъ изъ Крайны, два раза былъ Посломъ въ Россіи при Великомъ Князѣ Василіѣ IV, Опцѣ Грознаго; въ первый разъ 1516 года, отъ Римскаго Императора Максимилиана I; а во второй 1526 года, отъ внука его Ерц-Герцога Фердинанда. Сверхъ полипическихъ дѣлъ, онъ имѣлъ порученіе отъ своего Правительсва вести записки всему, что предшавишя ему любопытнаго въ Россіи

касательно вѣры, географическаго, политическаго и нравственнаго состоянія. Какъ просвѣщенный и опытный наблюдатель (ибо онъ, сверхъ Россіи былъ неоднократно Посломъ въ Венгріи, Польшѣ, Швеціи, Даніи, Испаніи и Турціи), при знаніи Славянскаго языка, онъ конечно былъ въ состояніи собрать многія важныя свѣденія о тогдашней Россіи. Сіи по свѣденія сообщилъ онъ просвѣщенной Европѣ въ сочиненіи подъ названіемъ: *Записокъ о Россіи, или Московіи* (Regum Moscoviticarum Commentarii). Сіе сочиненіе имѣло десять изданій на Латинскомъ языкѣ, (первое въ Вѣнѣ 1549 года, а послѣднія въ Базелѣ 1556 г. и восемь на Нѣмецкомъ *) и почитается лучшимъ изъ всѣхъ, какія имѣемъ мы о Россіи тогдашнихъ временъ. Н. М. Карамзинъ, наполнившій выписками изъ онаго 7 томъ своей Исторіи, ошдаещъ ему сію справедливость, говоря: “вообще Герберштейново описаніе

---

*) Изъ коихъ послѣднее печатано въ С. П. бургѣ по повелѣнію ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II въ 1795 году.

„Россіи есть важное твореніе для нашей
 “Исторіи XVI вѣка, хотя и содержишь
 “въ себѣ нѣкошорыя ошибки.”, *Ист. Гос.
 Росс. п. 7. стр. 228, изд. первое.*

Переводъ сего любопытнаго сочине-
 нія на Русской языкъ скоро поступишь
 въ печать.

Чишапелямъ *Благонамѣреннаго* сооб-
 щено будетъ нѣсколько выписокъ изъ
 онаго.

По смерти Іоанна Великаго, въ 7014
 (1406) году, Великое Княженіе принялъ сынъ
 его Гавріилъ, названный попомъ Василиемъ,
 держа въ започеніи племянника своего
 Димитрія, который еще при жизни дѣда,
 по обычаю народа, коронованъ, какъ закон-
 ный наслѣдникъ престолоа; и по сей-шо при-
 чинѣ Василій, ни при жизни, ни по смер-
 ти племянника, не хошѣлъ торжественно
 короноваться. Онъ во многомъ подражалъ
 оцу, и не только сохранилъ, но еще бо-
 лѣе распространилъ оставшія ему владѣ-
 нія не сполько оружіемъ, въ коемъ былъ не
 очень счастливъ, сколько попеченіемъ. Какъ
 опецъ его покоришь Великій Новгородъ,
 шакъ онъ завоевалъ союзный Новгороду
 Псковъ и знаменишее Княжѣство Смолен-
 ское, кошорымъ владѣли Лишовцы болѣе

ста лѣтъ; ибо, хотя по смерти Польскаго Короля Александра, Василій не имѣлъ никакой причины къ войнѣ съ Королемъ Польскимъ, Великимъ Княземъ Липовскимъ Сигизмундомъ; однако, видя, что Король былъ склоненъ болѣе къ миру, нежели къ войнѣ и что Липовцы также ненавидѣли войны, нашель предлогъ къ оной, именно: онъ говорилъ, что съ сеспрою его, выданною за Александра, поступали неприлично ея доспоинспву, и будшо Король Сигизмундъ возбуждалъ противъ него Ташаръ. Такимъ образомъ объявилъ онъ войну и осадилъ Смоленскъ привезенными шуда пушками, однакожь сраженія не было. Между шемъ Михаилъ Глинскій, происшедшій изъ Княжескаго рода и занимавшій нѣкогда при Александрѣ важныя должности, ушелъ къ Великому Князю Московскому, побудилъ его поднять оружіе и обѣщаль при вшоричной осадѣ, сдать ему Смоленскъ, если Князь ему опдастъ оный со всемъ Княжесшвомъ. Василій принялъ предложеніе и условіе Глинскаго, осадилъ Смоленскъ еще съ большимъ усиліемъ, и по уговору съ Глинскимъ, или лучше сказать чрезъ подкупъ, взялъ городъ и привель съ собою въ Москву всѣхъ военачальниковъ, изключая одного, копорый, по преданности къ своему Государю и будучи чуждъ пресшупленія измѣны, возвра-

шился въ опечесшво; прочіе сошники, бу-
 дучи подкуплены деньгами и дарами, не по-
 смѣли возврашиться въ Липву, и дабы
 прикрышь свое злодѣяніе, навели спрахъ
 на воиновъ, увѣривъ ихъ, что ежели воз-
 врашяшся въ Липву, то ихъ или лишатъ
 имущества, или предадутъ всѣхъ смерши.
 Успращенные симъ воины всѣ пошли въ
 Москву и содержались тамъ на жалованьи.
 Ободренный сею побѣдою, Василій безпре-
 спанно подвигалъ свое войско въ Липву,
 оставаясь самъ въ Смоленскѣ. Сигизмундъ
 тогда только послалъ помощь своему вой-
 ску, осажденному въ Смоленскѣ, когда нѣ-
 сколько ближайшихъ крѣпосшей и городовъ
 сдались уже Москвитянамъ; но это было
 поздно. Увидѣвъ, что Московское войско,
 по взятіи Смоленска, идетъ къ Липвѣ, Си-
 гизмундъ немедленно прибылъ въ Борисовъ,
 лежащій при рѣкѣ Березинѣ, и опшуда по-
 слалъ войско подъ предводителельствомъ Кон-
 спаншина Ошпрожскаго. Какъ скоро дошло
 оно до Днѣпра, при городѣ Оршѣ, опспоя-
 щемъ опъ Смоленска на 24 Нѣм. мили, то
 встрѣшило и Московское войско, котораго
 было почти 80 тысячъ, между темъ какъ
 Липовцевъ было не болѣе 35,000 съ неболь-
 шимъ числомъ пушекъ. Сентября 8 дня 1514
 года Конспаншинъ, сдѣлавъ при Оршѣ мостъ,
 переправилъ на другую спорону Днѣпра пѣ-

хоту, а конница перешла подъ симъ же городомъ по узкой мѣли. Какъ скоро половина Липовскаго войска переправилась чрезъ Днѣпръ, по Начальнику Московскаго Ивану Андреевичу Челядину совѣщовали напасть на нее; но онъ отвѣчалъ: “если мы нападёмъ на эту часть, то придетъ другая, а къ сей могутъ еще присоединиться и другія войска, и такимъ образомъ намъ будетъ больше предстоять опасности; подождемъ пока перейдутъ всѣ: мы такъ сильны, что навѣрное и безъ большаго труда или разобьемъ сіе войско, или же, окруживъ, загонимъ въ Москву, какъ спадо, а наконецъ, что только и будетъ оставаться, займемъ всю Липву., Между темъ приближалось войско Липовское, соединенное съ Польскимъ и иностраннымъ, и прошедши четыре тысячи шаговъ отъ Орши, остановилось; два крыла Московскія далеко удалились отъ своего войска, дабы обойти неприятеля съ тылу; главная же сила стояла успроенная въ срединѣ, имѣя предъ собою нѣсколько передовыхъ отрядовъ, возбуждавшихъ неприятеля къ бою. Напрошивъ и неприятель распрянулъ разнородныя свои войска въ длинную линію; ибо каждое Княженіе посылало отдѣльно свое войско и Полководца, и потому всякому изъ сихъ войскъ въ сраженіи назначено свое мѣсто. Ипакъ успроивъ

полки, Москвитяне, при звукѣ трубъ, первые успрямляюся на Липовцевъ; сіи мужественно сопротивляюся и отражаютъ ихъ. Москвитяне получаютъ подкрѣпленіе и въ свою очередь прогоняютъ Липовцевъ. Такимъ образомъ обѣ стороны, усиливаясь свѣжими войсками, нѣсколько разъ отражали одна другую. Наконецъ начинается кровопролитный бой. Липовцы, съ намѣреніемъ опсшупая къ тому мѣсту, гдѣ поставили свою артиллерію, обращаютъ ее на наступавшихъ на нихъ Москвитянъ и опдалившійся ихъ опрядъ, пѣсно сомкнувший въ засадѣ, поражаютъ, приводящъ въ безпорядокъ и разбиваютъ совершенно. Москвитяне, почитавшіе въ опасности одни только первые ряды, приведены въ ужасъ симъ новымъ родомъ войны, и почитая переднія войска уже разбитыми, обращаются въ бѣгство. Липовцы, свернувшись, преслѣдуютъ ихъ всѣми своими силами и поражаютъ. Ночь только и лѣса остановили кровопролитіе. Между Оршею и Дубровною, опсшоящими одна опъ другой на четыре Нѣмецкихъ мили, есть рѣка Кропивня, къ кошорую съ крутыхъ береговъ, сполько напададо бѣгущихъ Москвитянъ, что трупы ихъ запрудили ее. Въ семь сраженіи взяшы въ плѣнъ всѣ начальники войска и Боаре; знатнѣйшіе изъ нихъ на другой день были

приняты Констаншиномъ весьма пышно и опосланы къ Королю; въ послѣдствіи они разосланы по Липовскимъ крѣпостямъ. Иванъ Челядинъ, съ двумя другими первѣйшими и уже престарѣлыми полководцами, содержался въ оковахъ въ Вильнѣ. Во время моего посольства опъ Цесаря Максимилиана въ Москву я посѣдилъ и упѣшилъ сихъ узниковъ, съ позволенія Короля Сигизмунда, и по просьбѣ ихъ, далъ имъ въ займы нѣсколько червонцевъ.

Московскій Князь, услыша, что войско его совершенно разбило, немедленно оставилъ Смоленскъ и ушелъ въ Москву, а крѣпость Дорогобужъ, чѣмъ не доспалась Липовцамъ, приказалъ сжечь. Липовское войско успремилось прямо къ Смоленску, однако взявъ его не могло пошому, что Московскій Князь очень хорошо укрѣпилъ оный, оставивъ въ немъ охранное войско и что наступившая зима препятствовала осаждавъ его; а припомъ многіе изъ Липовцевъ, обременясь послѣ сраженія добычею, думали, что они довольно сдѣлали, и возвратились домой; наконецъ, что тогда ни Липовцы, ни Москвитяне, не умѣли брашь крѣпостей приступомъ. Чрезъ сію побѣду, кромѣ взявшихъ обратню прехъ крѣпостей по сию сторону Смоленска, Король не приобрѣлъ ничего.

Чрезъ три года послѣ сего сраженія Московскій Князь послалъ войско въ Липву, поставилъ оное между Двиною и Полоцкомъ и опшуда послалъ знашную часть для опустошенія Липвы грабежемъ, убійствомъ и пожарами. Въ одну ночь Полоцкій Воевода Албертъ Госпольдъ, вышедъ изъ города и переправясь чрезъ рѣку, зажегъ сшогъ сѣна, пригошвенный Москвитянами на случай долговременной осады, и напалъ на непрятелей; изъ нихъ иные побиты, другіе во время бѣгства упонули, нѣкошорые взяты въ плѣнь и не многіе спаслись; осшальныхъ, кои бродили по лѣсамъ и опустошали Липву, перебили поселяне.

Во власши надъ подданными Василій превосходитъ всѣхъ Государей на свѣшъ, и что ошецъ его началъ, то онъ довершилъ, то ешь, всѣхъ Князей и другіхъ Владѣтелей лишилъ городовъ и крѣпосшей; даже роднымъ братьямъ своимъ не даетъ и не повѣряетъ онъ крѣпосшей; всѣхъ вообще угнетаетъ жестошимъ рабствомъ шакъ, что если беретъ кого къ своему двѣру, или пошалаетъ на войну, либо опправляетъ въ посольство, то всякой обязанъ исполнять сіи должнсти на собшвенномъ иждивеніи, исключая дѣшей бѣдныхъ бояръ; ихъ обыкновенно, по причинѣ бѣднсти,

ежегодно принимаесть онъ и содержишь на жалованьи. Впрочемъ, кому назначено по шести червонцевъ на годъ, шѣмъ выдающяся оныя чрезъ два года на шрепшій; а кому даесться ежегодно по 12 червонцевъ, шѣ обязаны бышь въ гошовности и опсправляшь всякую службу на собспвенномъ ихъ содержаніи и своими лошадьми. Знапшійшимъ; назначеннымъ въ посольсшва, или другія важныя должносши, приписывающя обласши, или помѣсшья, смопря по чину и шрудамъ; за шѣ плашяшь однакожь они Князю извѣспную годовую подашь; шакого рода владѣнія даесть онъ по большей часши на полшора года, а кого особенно любишь, шѣмъ прибавляесть еще на нѣскольکو мѣсцевъ; по испеченіи сего времени цѣлыя шесшь лѣшь они должны служишь безъ жалованья. Нѣкшо приближенный Княжескій Совѣшникъ и любимецъ Василій Трешьякъ Далмаповъ, назначень былъ Посланникомъ къ Имперашору Максимилиану. Когда велѣно было ему гошовишься къ опшѣзду и когда онъ сказаь, что не имѣесть денегъ на проѣздъ и на содержаніе: шѣ Государь сослалъ его на Бѣло-озеро въ вѣчное започеніе, и шамъ онъ кончилъ жизнь бѣдспвеннымъ образомъ; все движимое и недвижимоое его имѣніе Князь забралъ себѣ, и хопя наличныхъ денегъ нашель при шысячи

злыхъ, однакожь брашьямъ и наслѣдникамъ его не далъ изъ нихъ ничего. Что это было почто такимъ образомъ, въ шомъ, сверхъ народнаго слуха, увѣрялъ меня нѣкшо Дьякъ Иванъ, копораго Князь опредѣлилъ ко мнѣ для доставленія мнѣ содержанія *) и копорый, когда Далмашовъ былъ взятъ, содержалъ его подъ спражею. Брашья Васильевы: Федоръ и Захарій, копорые провожали насъ опъ Можайска до Смоленска, подшвердили, что это совершенная правда, что Посланники, опправляемые къ иностраннымъ Государямъ, привозятъ опъ нихъ драгоцѣннаго, все шо Князь опбираешъ въ свою казну, обѣщая обыкновенно оказашъ имъ за сіе другую милосщъ, шо ешъ шакую, какъ выше сказано. Такъ Послы: Иванъ Посвченъ Ярославскій и Секретарь Симеонъ Трофимовъ одарены были опъ Цесаря Карла V, къ копорому были посланы, большими золошыми цѣпями, ожерельями и золошыми Испанскими деньгами, а опъ брата Цесарева Фердинанда Эрць-Герцога Авспрійскаго, Государя моего, серебряными спаканами, серебряными и золошыми шканями и Нѣмецкими золошыми

---

*) Во время Герберштейнова пребыванія въ Москвѣ Посланникомъ.

деньгами, и когда приѣхали съ ними обратно въ Москву, по Князь опобраль опъ нихъ и цѣпи и спаканы и большую часть золотыхъ Испанскихъ денегъ. Когда я спрашивалъ самихъ Пословъ, справедливо ли эшо, по одинъ изъ нихъ, боясь осрамить своего Князя, совершенно оприцалъ, а другой говорилъ, что Князь пребовалъ къ себѣ царскіе дары полько на показъ; попомъ, какъ я часпо заводилъ съ нами рѣчь объ эшомъ, одинъ, для избѣжанія или случая солгашъ, или бѣды сказашъ правду, переспалъ ходишь ко мнѣ. Однакожь Придворные не оприцали сего, а напрошивъ обыкновенно опвѣчали: *это въ томъ худаго, ежели за сіе Князь вознаградитъ ихъ другою милостію?*

Василій оказываешь власнь свою надъ духовными, равно какъ надъ свѣшскими, и по своей волѣ, неограниченно располагаешь имѣніемъ и жизнію ихъ; изъ Совѣтниковъ его нѣшь ни одного, кошорый бы смѣлъ не сорлашаться съ нимъ въ чемъ, или прекословишь ему. Москвитяне предъ всѣми говорятъ, что воля Княжеская ешь воля Божія, и что все, что ни дѣлаешь Князь, дѣлаешь по волѣ Божіей; попому они называютъ его слугою Божіимъ и почишаютъ исполнителемъ воли Божеской. По сему и самъ Князь, если случается просишь его

объ освобожденіи какого нибудь плѣнника, или о другомъ какомъ важномъ дѣлѣ, обыкновенно оповѣщаются: *когда будетъ угодно Бгу, то будетъ освобожденъ*. Такимъ же образомъ, если спрашивается о чемъ нибудь сомнительномъ и неизвѣстномъ, у нихъ вообще обыкновенно оповѣчаютъ: *вѣдаетъ Богъ и Государь*.

Московскіе Государи, начиная опъ Рюрика до нынѣшняго, не имѣли другаго титула, какъ только Великихъ Князей, или Владимірскихъ, или Московскихъ, или Новгородскихъ, и проч., исключая Іоанна Васильевича, который именовалъ себя Государемъ (Dominus) всей Россіи и Великимъ Княземъ Владимірскимъ, и проч. Нынѣ же царствующій Василій Іоанновичъ присвоиваетъ себѣ и титулъ и имя Царское (nomen Regium) и называетъ себя такимъ образомъ: «Великій Государь (Dominus) Василій, Божіею милостию Царь и Государь (Rex et Dominus) всея Руси и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ, Государь и Великій Князь Новгорода Низовской земли, Черниговскій, Рязанскій, Вологодскій, Ржевскій, Бѣльскій, Рославльскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій и Кондійскій и иныхъ. Поелику же всѣ называютъ

сего Князя Императоромъ, то я почишаю нужнымъ изъяснить здѣсь и шишуль и причину сего заблужденія.

Россійское слово *Царь* (Czar) означаетъ Rex; на общемъ Славянскомъ языкѣ у Поляковъ, Богемцовъ и всѣхъ прочихъ, подъ словомъ: Царь, по нѣкошпорому созвучію онаго со словомъ: *Цесарь* (Caesar) разумѣюшъ Императора, или Цесаря и всѣ незнающіе Россійскаго нарѣчія, шакже Богемцы, Поляки равно шѣ изъ Славянъ, кои принадлежатъ Венгерскому Королевству, называя Государя (Regem) особеннымъ словомъ: *Краль, Кираль, Король*, оспавляюшъ слово: *Царь*, только для названія Цесаря, или Императора. Отсюда произошло, что Россійскіе переводчики, слыша, что иностранцы называютъ Государя ихъ Императоромъ (Imperator) и сами начали пошомъ именовать его шакимъ же образомъ, и слово: *Царь*, (Czar) почишаюшъ важнѣе слова: *Король* (Rex), хотя они означаютъ одно и шоже. Впрочемъ во всѣхъ ихъ историческихъ книгахъ и въ Священномъ Писаніи, общее понятіе Государя (Rex) выражается словомъ: *Царь*, а Императоры Римскій и Авспрійскій называются Кесарями. По сей же ошибкѣ и Турецкаго Императора называютъ они Царемъ, хотя онъ искони не имѣлъ никакого другаго названія, какъ Государь, или Король. По сей-шо

причинѣ Европейскіе Турки, копорые говорять Славянскимъ языкомъ, называютъ Конспаншинополь *Царемъ грядомъ*. Нѣкопорые именуютъ Московскаго Государя *Бѣлымъ Царемъ*. Тщательно спарался я узнать причину сего названія, шакъ какъ прежде никшо изъ Князей Московскихъ не имѣлъ онаго, даже Боярамъ при случаѣ и ошкровенно говорилъ, что мы не признаемъ ихъ Государя Королемъ, или Царемъ (Rex), но Великимъ Княземъ (Magnus Dux); однакомъ многіе полагали причиною сего названія то, что онъ самъ имѣетъ подвласныхъ ему Государей, а причины названія *Бѣлымъ* никакой не сказали. Я полагаю, что какъ Персидскаго Государя, по причинѣ краснаго головнаго покрывала, называютъ нынѣ *Кизиль - Паша*, ш. е. *красная голова*; шакъ и Русскихъ называютъ *Бѣлыми* по бѣлому плашю. Василій приписываетъ себѣ шишуль Царя (Rex) въ сношеніяхъ съ Римскимъ Императоромъ, съ Папою съ Королями Шведскимъ и Дашскимъ, съ Магиспромъ Прусскимъ и Ливонскимъ и, какъ я слышалъ, съ Ханомъ Турецкимъ; но его никшо изъ нихъ, кромѣ Ливонскаго Магиспра, Царемъ (Rex) не называютъ.

Въ древнія времена для шишуловъ дѣлали на грамахъ обыкновенно шри круга въ шреугольникѣ; въ первомъ изъ нихъ, по-

спавленномъ наверху, были написаны слова: *Богъ нашъ, Святая Троица, яже бысть прежде вѣкъ, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, но не три Бози, а единъ Богъ по существу;* во второмъ находился шишуль, на примѣръ, Турецкаго Императора, съ прибавленіемъ: *возлюбленному брату нашему;* въ прешьемъ заключался шишуль Великаго Князя Московскаго, гдѣ онъ называлъ себя Царемъ, на слѣдникомъ Государемъ всей Восточной и Полуденной Россіи, и къ обыкновенной формуль прибавлялъ слѣдующее: *послали къ тебѣ вѣрнаго нашего Совѣтника.* Въ граматахъ же къ Королю Польскому Василій употреблялъ слѣдующій шишуль: «Великій Государь Василій, Божіею милостию Государь всея Руси и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Волгарскій и иныхъ,—въ немъ слова: *Царь*, не было, ибо ни одинъ изъ нихъ не принималъ отъ другаго такихъ грамахъ, въ которыхъ шишуль былъ увеличенъ, что случилось и въ нашу бытность въ Москвѣ, когда Василій едва принялъ грамаху отъ Короля Сигизмунда, за то, что въ ней увеличенъ былъ шишуль Сигизмундовъ названіемъ *Князя Мазовецкаго.*

Нѣкоторые пишущъ, что Московскій Князь выпросилъ имя и шишуль Царя у

Римскаго Папы и у Цесаря Максимилиана *) . Сіе кажешся мнѣ невѣрояшнымъ пемь болѣе, что Василій никому сполько не прошивень, какъ Папѣ, копораго и самъ не иначе называешъ, какъ Докпоромъ; а Римскаго Цесаря онъ не почишаешъ выше себя, какъ по видно изъ Грамашъ, въ копорыхъ свой шишуль пишешъ онъ выше шишула Имперашора. Князь (Dux) у нихъ называешся *Клез*, и къ онѣму, какъ я сказалъ уже, никогда нѣ присоединяли они другаго шишула кромѣ слова: *Великій*; ибо всѣ имѣвшіе одно шокмо Княжештво, назывались прѣспо Князьями; а шѣ, кои имѣли подѣ власшію многія Княжештва и другихъ Князей, именовались *Великими Князьями*. Послѣ Боярь,

---

*) Напрѣшивъ Великій Князь Василій IV осшавиль безъ вниманія прѣложенія сего досшоинства опъ самихъ Папъ: Леона X и Клименша VII. *Истор. Гос. Рос. Карамз. Изд. 1. том. VII стр. 138 и 181.* А что Максимилианъ именовалъ его Царемъ и даже Имперашоромъ, въ помъ свидѣшельствуетъ Грамопа сего Имперашора къ Василію IV, подписанная собшвенною его рукою, ушвержденная золопою печашію 4 Августа 1514 года и доннынѣ хранящаяся въ Московскомъ Архивѣ Госуд. Кол. Иноспр. дѣль. *Перев.*

кошорые опшвѣшспвуюшъ нашимъ благороднымъ и Кавалерамъ, не имѣюшъ они другихъ чиновъ, или досшоинспвѣ. Въ Кроации и Вельможи пакже называющся *Князьями* (Knesi), между шемъ, какъ у насъ и у Венгровъ они носяшъ имя *Графовъ*.

Нѣкошорые изъ знашныхъ особъ не усумнились сказашь мнѣ, даже съ упрекомъ, что нынѣшней Московскій Князь предъявляешъ Грамошу Блаженной памяти Императора Максимиліана, въ коей будшо бы отцу его Гавріилу, назвавшемуся послѣ Василиемъ, дано было пишло *Царя*; что онъ ушверждаетъ, будшо сію Грамошу привезъ къ нему я *); что по сей причинѣ въ настоящихъ сношеніяхъ съ Королемъ Польскимъ онъ хочешъ, чтобъ его называли *Царемъ*, или иначе всѣ связи нарушишъ. Хошя на сіи ложныя и даже невѣрояшныя показанія, я не долженъ бы обращашь никакого вниманія; однакожь нахожу себя принужденнымъ опро-

---

*) Сію Грамошу (ш. е. о кошорой сказано въ предыдущемъ примѣчаніи), привезъ въ Москву, за два года до прибытія шуда Гербершшейна, Максимиліановъ Посоль Совѣшникъ Георгій Шницеръ Памень. Весьма спранно, что Гербершшейнъ не зналъ о ней.
Перев.

вергнушь ихъ, не для себя, но для Всемило-
спивѣйшаго Государя моего, коего священ-
ная память безразсудно подвергается нена-
виспи.

Извѣстно, что между Максимилианомъ
и Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ была
нѣкогда скрытая вражда за то, что Си-
гизмундъ женился на дочери Сцепузскаго
Графа Стефана; ибо нѣкошорые думали, что
сіе дѣлаешся съ шемъ намѣреніемъ, дабы не-
вѣстия брата Іоаннъ, чрезъ супружесшво
съ дочерью Венгерскаго Короля Владислава,
Анною, приобрѣлъ власшь и силу брата Си-
гизмундова и дабы чрезъ то ошклонишь и
уничпожишь право, кошорое имѣлъ Макси-
миліанъ и его попомки на наслѣдованіе
Венгерскаго прешола. По сей причинѣ Мак-
симиліанъ конечно находилъ свою выгоду
бышь въ союзѣ съ Московскимъ Княземъ,
вѣчнымъ врагомъ Липвы и Польши. Но усло-
вясъ съ Владиславомъ на Презбургскомъ
Сеймѣ, въ присупсшвіи и съ помощію Си-
гизмунда, вразсужденіи брака съ Анною, Мак-
симиліанъ, уничтожилъ всѣ подозрѣнія враж-
ды съ Сигизмундомъ, и шакъ съ нимъ по-
дружился, что иногда говариваль, что съ
Сигизмундомъ пойдешь онъ въ рай и въ адъ.
Ишакъ хошя и было время, что Максимилианъ
желаль имѣшь союзникомъ Князя Москов-
скаго, однакожь шипла Царскаго никогда

сему Князю онъ ни приписываль, что легко доказашь можно обоюдными Грамошами и докуменшами, если мое свидѣшельство, хошя впрочемъ справедливое и вѣрное, покажешя для кого не довольно вѣрояшнымъ. Пришомъ, для чего бы Московскому Князю просишь у Максимилиана шишла Царскаго, когда онъ еще прежде, нежели начались между нами сношенія, почипаль себя не шолько равнымъ Максимилиану, но и выше его; а свое имя и свой шишуль на словахъ и на письмѣ всегда спавиль выше Имперашорскаго, что и нынѣ съ упоршвомъ удерживаешь? Напрошивъ онъ, исключая шо, что писался Царемъ къ Королю Польскому, шолько по опшѣздѣ моемъ изъ Москвы присвоиль себѣ шишло Царя. Впрочемъ шо неоспоримо, что шеперь, въ Грамошахъ къ Имперашору и Папѣ онъ, называешь себя Царемъ и Государемъ всея Русси, а инюгда и Имперашоромъ, шо ешть когда случаешя приложишь что либо переведенное съ Россійскаго языка на Лашинскій, на кошоромъ обыкновенно переводчики слово: *Царь*, выражающь словомъ: *Императоръ* (Imperator). Такимъ образомъ онъ дѣлаешь себя и *Царемъ* и *Императоромъ*. Но чтошобъ Имперашоръ Максимилианъ и внуки его назвали Василия Царемъ въ досаду Королямъ Польскимъ, шому конечно никшо не повѣришь;

ибо къ чему было бы ему просить имени Царскаго у Папы, какъ носился о томъ слухъ, ежели бы онъ получилъ уже сіе шило прежде отъ Императоровъ?

Итакъ я сказалъ здѣсь, что касаешься до Максимилиана Августа, моего Государя, который во всю жизнь былъ искреннимъ и истиннымъ другомъ Короля Сигизмунда; чтожь скажу о себѣ самомъ? Приѣзжая столько разъ въ Польшу и Липву, съ какимъ лицомъ осмѣлился бы я предстать предъ Польскихъ Королей Сигизмунда и сына его, присутствовать на Польскихъ Сеймахъ, смотрѣть на вельможъ; ежели бы я привезъ оную Грамоту съ Царскимъ шипуломъ Василю отъ моего Государя, отъ имени и словами коего я пакъ часно говорилъ Королю и всѣмъ чинамъ брашски, дружески, доброжелательно обо всемъ, о чемъ только можно говорить отъ преданнѣйшаго ему и Всемилосивѣйшаго Императора? Если нѣтъ тайны, которая бы не открылась, то безъ сомнѣнія все обнаружилось бы, чтожь не предпринялъ я недоспойнаго моему званію: но я утѣшаю себя совѣстію правоты; нѣтъ прочнѣ сего утѣшенія; наконецъ я съ удовольствіемъ полагаюсь на милости Польскихъ Королей и на благорасположеніе Польскихъ вельможъ, котораго никогда не лишали они меня.

Конечно было время, когда подобныя слухи могли бытъ разсѣваемы съ меньшимъ вредомъ; но нынѣ, что другое они означаютъ; какъ не желаніе разспроить шѣсную дружбу Государей, кошую должно бы спарашья утверждать всѣми мѣрами? Казалось, что все уже сдѣлано, что по общему мнѣнію должно послужить какъ къ сохраненію ошашковъ Венгріи, шакъ и къ возвращенію пошерянаго: но шѣ самыя, для кого сіе было и впредь будетъ полезно, наущенныя Турецкимъ, или другимъ какимъ злымъ духомъ и забывъ шракшашы и условія, замышляютъ новыя и пагубныя предприятия, не разсуждая сами съ собою, въ какой раздоръ ввергнутъ они и себя и сосѣдей, а особливо Венгрію, кошорая сполько заслугъ оказала всему вообще Христіанству.

(Продолженіе будетъ.)

~~~~~

ПИСЬМО ВЪ ТАМБОВЪ О НОВОСТЯХЪ РУС-
СКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Продолженіе.)

Сцена открываея *Классикомъ*. Онъ спрашиваетъ Издашеля: “правда ли, что молодой Пушкинъ печашаетъ новую, прешью Поэму, по ешь: Поэму по романпическому значенію, *а по нашему не знаю, какъ и назватъ.*,,

Если допусшишь въ общемъ смыслѣ, что всякое спихошвореніе ешь *Поэма*: то Эпиграмма ешь также Поэма въ своемъ родѣ, и въ семь случаѣ *Бахтисарайскій фонтанъ* ешь Поэма, какъ *Рцсланъ* и *Людмила* и *Кавказскій Пльнникъ*. Спихошворная Сказка и Повѣсть, называюпся Поэмой, равно какъ спихошворство Поэзіей.

Можешь бышь, прежде не многіе рѣшились бы назватъ *Бахтисарайскій фонтанъ* Поэмой; но когда перо Бейрона освяшило подобный родъ спихошвореній и Европейскій вкусъ наложилъ на нихъ печать моды: то и *Бахтисарайскій фонтанъ* имѣеть полное право на имя Поэмы,

какъ по мнѣнію *Романтиковъ*, такъ и по мнѣнію *Классиковъ*.

Далѣе Классикъ говоритъ: “нельзя не пожалѣть, что Пушкинъ много пишетъ; скоро выпишется.,”

Этого никакой классикъ и никакой чинашель Пушкина не скажетъ. Но какъ бы думали что на это отвѣчалъ Издашель...

“Пророчества оправдывающія событіемъ, говоритъ онъ, *для повѣрки нужно время...*,” Слѣдовательно суждая по отзыву его, можетъ быть что Поэтъ и выпишется?

“Если онъ пишетъ много, продолжаетъ Издашель, въ сравненіи съ нашими *Поэтами, которые почти ничего не пишутъ*: то пишетъ мало въ сравненіи съ другими своими Европейскими *сослуживцами.*,”

Трудно понять, что за Поэты, которые почти ничего не пишутъ, и гдѣ сіи *нѣмые Барды*? Наши Поэты пишутъ. Доказательствомъ къ чести Русской Поэзіи и Ошечества при пома превосходныхъ стихотвореній Жуковскаго. Стихотворенія Князя Вяземскаго, Князя Ша-

ховскаго, Воейкова не собраны вмѣстѣ; но сіи отличные Поэмы пишущъ не менѣе Пушкина. Не говоря объ извѣстнѣйшихъ, мы имѣемъ многихъ молодыхъ Поэшовъ, копорые по коллегеству пишущъ не менѣе Пушкина; не говоря о достоинствѣ, и однакожь не включая въ число Поэшовъ, подобныхъ стихопворцу Т., пишущему къ дѣвицѣ N. N. *):

И дотерь умной головы;
Какъ вашъ родитель, вы, и проч.

Думы и Оды Рылѣва, опривки изъ его Поэмы: *Войнаровский*, показываютъ въ немъ превосходнаго Поэта; койорый если не въ прелести стиховъ, впрочемъ ознаменованныхъ паланпомъ и вкусомъ, можеть спорить съ дарованіемъ Пушкина; но безъ сомнѣнія въ достоинствѣ мыслей и возвышенности чувствованій.—Можно ли же назвать его Поэмомъ *пости нитого непишущимъ*?

Далѣе Классикъ говоритъ Издателю о Бейронѣ и Вальшерѣ Скопшѣ:

*) См. *Новости Литтературы* 1823 г.

“Выспавя эпихъ двухъ Брипанцевъ, вы думаете зажать ротъ критикъ и возраженіямъ! Напрасно! Мы свойства неробкаго! Нельзя судить о дарованіи писателя по приспращію къ нему суевѣрной черни чипашелей. Своенравная, она часто оспавляетъ безъ вниманія писателей доспойнѣйшія. ,,

Вошь какой языкъ угодно было *Издателю* дашь *Классику*! Правда, что сочинители спорныхъ разговоровъ вправѣ выводить чудаковъ, чѣтобъ імемъ усилишь свое мнѣніе. Впорое лице въ шакихъ случаяхъ всегда еспъ спрадашельное и выспавляется или невѣждою, или Зоиломъ. Опъ того-то *Классикъ* и объясняется съ *Издателями*: зажать ротъ критикъ... *понашему* не знаю какъ назвать... *своенравная, она* ... Кажешся Русскіе классики избѣгають галлицизмовъ и предоспавляютъ ихъ самозванцамъ романшикамъ.

На слова *Классика*: *пора истинной, классической литературы у насъ миновалась*—*Издашель* возражаетъ: *а я такъ думалъ, то еще не настала.*

Спранно спашать *Классика*, но еще спраннѣе *Издателя*. Помнишся, что у

нась былъ Державинъ, Богдановичъ, Озеровъ, Капнищъ; что мы имѣемъ Карамзина, Дмипріева, Жуковского, Бапюшкова, Крылова.... Не уже ли сіи писатели не произвели ничего классическаго и даже еще не настала пора классической словесности? Чего же ожидаешь Издапель?

Далѣе *Классикъ* жалуется, что завелась какая-то школа новая, никемъ непризнанная, кромѣ себя самой, неслѣдующая никакимъ правиламъ, кромѣ своей прихоти, искажающая языкъ Ломоносова, пишущая наобумъ, щеголяющая новыми выраженіями, новыми словами. *Издатель* опвѣчаетъ: взятыми изъ *Словаря Россійской Академіи* и коимъ новые поэты возвратили въ языкъ нашъ право гражданства.

Что завелась новая школа, то очевидно; что она искажаетъ языкъ Русскій, образованный Ломоносовымъ, это совершенно справедливо; что пишешь на обумъ, щеголяешь спранными выраженіями—можно судить изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ: Шлегель и Гжа Спаль не облечены въ лапы свицоваго педаншва—опъ нихъ не несетъ схоластическою важно-

стию—правила ихъ не *налагаютъ* съ важностью — не всѣ изъ насъ *поддаются* заманчивости, и пр. Слова: *несетъ*, *налагать*, *поддаваться*, безъ сомнѣнія, находясь и въ Словарѣ Россійской Академіи; но сочепаніемъ на удачу разнородныхъ словъ писателя часно составляють выраженія не красивѣе карпины живописца, который, по словамъ Горація, хотѣлъ бы предспавить голову челоуѣка съ конскою шею и окончить фигуру рыбимъ хвостомъ.

Humano capiti, cervicem pictor aequinam
Iungere si velit, et cat.

Если допустить: правила *налагаютъ*, *поддаваться* заманчивости, *несетъ* важностию — то почему не сказать: *лежащее* оспроуміе, *тербитъ* древность, *выконюжить* лавры, и ш. п.

“До сей поры, продолжаетъ *Издатель*, мы руководствуемся болѣе употребленіемъ, которое *свернуто* бытъ можеть употребленіемъ новымъ., — Но мы уже имѣемъ сполько изящныхъ образцовъ, что наконецъ можно заимствовать изъ нихъ постоянныя правила употребленію словъ и языка.

“Развѣ прикажете подчинить языкъ поэтовъ нашихъ Китайской неподвижности?», спрашиваетъ *Издатель*.

—Однакожь и не *Китайской пестротѣ* — могъ бы возразить *Классикъ*.

“Смотрите на природу, продолжаетъ *Издатель*. Лица человѣческія, составленныя изъ однихъ и тѣхъ же частей, вылиты не всѣ въ одну физиогномію, а выраженіе есть физиогномія словъ.”

Но какова физиогномія? Опъ иной избави Богъ! По своему нраву природы много уродливыхъ лицъ; по крайней мѣрѣ не нужно вводить пугалищъ въ изящныя искусства.

Далѣ *Издатель* открываетъ, что *Ломоносовъ* ввелъ въ *Русскій языкъ* *Германскія формы* и бралъ съемки съ *формъ Германскихъ*.

Замѣшимъ, что *Ломоносовъ* бралъ съемки въ расположеніи своихъ *Одъ*, въ размѣрѣ стиховъ; но не оковывалъ *Русское слово* *Германскими цѣпями*.

“Возьмите при знаменитыя эпохи въ исторіи нашей литературы; вы въ каждой найдете оппечатоковъ *Германской*. Эпоха преобразованія, сдѣланная *Ломоно-*

совымъ въ Русскомъ стихопворствѣ; эпоха преобразованія въ Русской прозѣ, сдѣланная Карамзинымъ; нынѣшнее волненіе, волненіе романпическое и прошивузаконное, если пакъ хопите назватъ его, не явно ли показывающъ господствующую наклонность липшпературы нашей?,,

Главною черпою Нѣмецкой Липшпературы еспъ опвлеченность въ поняпійяхъ и углубленіе въ чувствахъ. Перо Шиллера и Гете умѣло дашь сему прелеснь, равно какъ и перо Жуковскаго; но сія опвлеченность мыслей покрывается не-проницаемымъ мракомъ, и углубленіе чувствъ переходить за предѣлы природы въ пворенія многихъ Геніевъ - самозванцевъ, терзающихъ умъ и слухъ.—Гдѣ же нашель Издапель въ произведеніяхъ нашего Испоріографа оппечапокъ Германской Липшпературы? Гдѣ менѣ опвлеченности, какъ не въ его сочиненіяхъ? Гдѣ менѣ изысканности, менѣ напряженія въ чувствованіяхъ? Кшо болѣ умѣль прорашъ души природою, какъ не онъ? Если въ сёмъ случаѣ можно найши сходство между нимъ и Шиллеромъ, шо очевидно, что изящное еспъ достояніе общее всѣмъ

писателямъ.—Природою прогали Гомеръ и Анакреонъ, Софокль и Еврипидъ, Виргилій и Овидій. Въ твореніяхъ Карамзина, въ эпохъ сдѣланной имъ въ образованіи Русской прозы, найдемъ такой же оппечашпкъ словесности Греческой, Римской, какъ Нѣмецкой и Французской. Онъ не подражалъ никому исключительно, подражалъ изящному — списывалъ — природу. Онъ представилъ не *сѣлки*, а *образцы*.

“Смотрите, бесѣдуетъ Издапелъ о *распространяющихъ владычество Германскихъ Музахъ*, смотрите, и во Франціи—въ государствѣ, которое по крайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи едва не оправдало чесплюбиваго мечпанія о *Всемірной державѣ*, и во Франціи сіи хищницы приемлютъ уже нѣкоторое господство и выпѣсняютъ мѣспныя наслѣдспвенныя власпи. „

—Не думаю, чпобъ можно было выпѣспнить блаженной памяти Расина, Мольера и другихъ. Такіе писатели едва ли посупяптся своими мѣспами.

“Мы еще не имѣемъ *Русскаго покроя въ литературѣ*, можетъ быть и не будетъ его, потому что нѣтъ; но во вся-

комъ случаѣ Поэзія новѣйшая, такъ называемая романпическая, не менѣе намъ сродна, чемъ Поэзія Ломоносова, или Хераскова, копорую вы силишесь выспавишь за классическую.,,

Зима въ Россіадѣ и описаніе *Сѣвернаго сіянія* въ Пешпріадѣ принадлежишь къ чершамъ народной Поэзи. — Кпо въ нихъ не увидишь *Русскаго покроя*? Впрочемъ всѣ произведенія писашелей, какой бы ни было націи, имѣють и покрой ея. *Слово о Полку Игоря*, *Русскія Пѣсни* и *Русскія Сказки* имѣють свой народный харакперъ. Во многихъ Одахъ Державина, въ *Душенькѣ* Богдановича, въ *Повѣспяхъ* Карамзина, въ *Басняхъ* Крылова, въ *Русланѣ* и *Людмилѣ*, даже въ *Пригудницѣ*, присвоенной Русскому языку гениемъ Дмишріева, видень равно образчикъ Русскаго покроя, какъ въ *Недорослѣ*, *Бригадирѣ* и *Своей сѣмлѣ*. Мы, въ Одахъ, въ *Басняхъ*, въ *Комедіяхъ* уже имѣемъ Русскій покрой. Должно желашь имѣшь болѣе писашелей, копорые опбросивъ опъ Французской Словесности правила, спѣсняющія полешь Генія, опъ Нѣмецкой напыщенности и шуманную опвлечен-

ность, соединяли бы, подобно Карамзину и другимъ, вкусъ и блескъ ума, съ чувствомъ и пылкостью воображенія, и приспособили сїи достоинства изящнаго къ Русскимъ нравамъ, языку и духу народному.

“Опшечашокъ народности, мѣстности, по мнѣнію Издашеля, составляетъ, можешъ бышь, главное, существеннѣйшее достоинство Древнихъ и утверждаетъ ихъ право на вниманіе потомства. Глубокомысленный Миллеръ, не даромъ во Всеобщей Исторіи своей указалъ на Капулла въ числѣ источниковъ,, и прог.

Глубокомысленный Миллеръ вѣроятно указалъ и на другихъ Римскихъ Поэтовъ, кромѣ Капулла, ибо не въ одномъ Капуллѣ видны черты Римской мѣстности и народности, говоря словами Издашеля, изобрѣшенными Г. Беспужевымъ. Всякій Историкъ можешъ найти въ поэсахъ, гдѣ бы ни было, опшечашокъ мѣстности и народности. Она не въ правилахъ, но въ чувствахъ, говоритъ Издашель. Прибавимъ: у всѣхъ народовъ и даже у всѣхъ писателей, неберущихъ

взаймы ума и чувствительности. — Историк можешь ссылаться на Державина и других наших Поэтовъ, какъ на Кашулла, если будешь въ творенія поэтовъ искашь карпины народныхъ нравовъ. *Народность и мѣстность* были до-споинспвомъ древнихъ и новыхъ хорошихъ писателей, о которыхъ, можешь бышь, они и не думали. Разница только въ томъ, что у Арабскихъ писателей своя *мѣстность и народность*... у Нѣмецкихъ — Нѣмецкая, у Русскихъ — Русская. Безъ сомнѣнія прекрасная Идиллія Г. Гнѣдича: *Рыбаки*, въ которой на берегахъ Невы рыболовы играютъ на цѣвницахъ и говорятъ о богахъ, не представляешь въ сихъ чертахъ народности — но это уже *ошибка* Писателя. Безъ сомнѣнія и поэтъ не принадлежишь къ народнымъ писателямъ, кто въ 12 стихахъ къ Петербургскому пріятелю клянется богами, благодаритъ боговъ, рядится въ вѣшную Еллинскую одежду и кудрявитъ Русское слово въ какую-то языческую фризурю.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЕРРАТА ДВУХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ НА КАВ- КАЗЪ.

*Amicus Plato, amicus Aristoteles, sed magis amica
veritas.*

Немудрено, и слѣдственно извини-
тельно ошибаешься Путешественнику,
когда описываешь онъ мѣста, мало из-
вѣстные, о которыхъ трудно, или не-
возможно имѣть достоверныя свѣденія;
темъ не менѣе пребудешь справедливостью
обнаруживаешь передъ читающею публи-
кою погрѣшности сихъ описаній, чтобы
однихъ не ввести въ заблужденіе, другихъ
предостеречь отъ бесполезныхъ споровъ.
Какъ бы маловажны ни были замѣчанія
такаго рода, польза ихъ очевидна.

Да будешь чистосердечное сіе при-
знаніе единственною моимъ оправдані-
емъ предъ двумя почтенными путеше-
ственниками, которыхъ описанія имѣлъ
я случай повѣрить на мѣстѣ. Не въ одно
время и въ разныя эпохи жизни обозрѣ-
вали они южную Россію. Нѣкоторые пред-
меты производили различныя чувствованія
въ душѣ ихъ; другіе много измѣнились

съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ ихъ первый Пущешешвенникъ. Безполезно было бы сравнивать на каждомъ шагу ихъ наблюденія, и мое намѣреніе естъ только показать небольшія ошибки, замѣченныя въ обоихъ писателяхъ. Начнемъ съ послѣдняго. *Путешествіе къ Кавказскимъ водамъ, Г. Г—ва*, помѣщенное въ *Сѣверномъ Архивѣ* на 1823 годъ прѣбуешь слѣдующихъ поправокъ.

На страницѣ 66 (№ 1) *Подкумокъ* названъ прозрачнымъ. Нельзя приписать ему этой чести. Наши Кавказскія рѣки вообще не походятъ на Германскій Рейнь, который чистыхъ струй своихъ не мущишь удивительною быспропою. Не успуаюшь онѣ ему въ одной сей скорости печенія.

Раздѣленіе горъ на чепыре степени не ново и справедливо; но описаніе каждой цѣпи весьма не вѣрно. *Первая*, говоришь Пущешешвенникъ, *покрыта зеленью и украшена разнородными деревьями*. Въ Сѣверныхъ предѣлахъ Кавказа не рѣдко попадаются обнаженныя вершины; видъ ихъ вообще щемъ менѣ привлекателенъ, что недоспаешъ имъ лучшаго

украшенія природы—лѣсовъ. По этой по-
лосѣ и кустарника, очень мало. Вторая
(сказано шамъ же) составлена изъ ка-
менныхъ утесовъ, съ торгашими по бо-
камъ большими деревьями, устлана по
мѣстамъ обгорѣлою отъ жаровъ травою
и съдыми мохоми. Вторая степень за-
ключаетъ въ себѣ много ровныхъ поверх-
ностей, съ глинистою покрывкою, бо-
лѣе другихъ богата лѣсомъ и состоить
изъ древнихъ известковыхъ горъ. Что го-
ворить Авторъ о вѣтромъ разрядѣ, то
справедливѣе отнести къ прешему ши-
ферному хребту, о которомъ упомянуто
только, что надъ нимъ плаваютъ сѣдые
облака снѣжнаго цвѣта!!! Четвертая цѣль
граничная, покрывшая вѣчнымъ снѣгомъ,
по удостовѣренію его, возвышаетъ душу
и приводитъ въ удивленіе своимъ видомъ.
Подъ сею спашею охотно подписываю
утвердительное *probatum*; но чрезъ нѣ-
сколько спрокъ принужденъ опять под-
нять споръ объ именахъ Эльбруса. Мало
того, что гора сія названа имъ непра-
вильно *Эльберузолъ*, Г. Г. хочешь, еще
увѣришь насъ, что ей даютъ безъ различія
проименованія *Шата* и *Казбека*. Но Каз-

бекъ есть совсемъ другая, опдаленная гора, при подошвѣ которой проложена единственна чрезь Кавказскій хребеть дорога въ Грузію мимо Моздока и Владикавказа. Русскіе никогда не смѣшиваюшь Казбека съ Шапъ - горою, разумѣя подь симъ послѣднимъ именемъ одинъ Эльбрусь.

Въ изчисленіи цѣлипельныхъ испочниковъ, кажепся, еспь пакже невѣрносшь. *Кисло-жельзный* ключъ находипся въ 12 верспахъ не ошь *кисло-холодныхъ* водъ, но развѣ ошь *горягихъ сѣрныхъ*: ибо на семь распояніи дѣйспвипельно выпекаешъ минеральный испочникъ сего свойства изъ одной горы съ *теплымъ жельзнымъ*.

На стр. 68 Путешественникъ разскаываетъ, что *по дорогѣ есть селенія: Шотландское и Нѣмецкое.*—Близъ цѣлипельныхъ водъ основана одна шолько колонія иноспранная, и ша въ споронѣ ошь Георгіевекой дороги.

На стр: 71 сказано глухо, что Главнокомандующій въ Грузіи *А. П. Ермоловъ* разводитъ садъ. Конечно положено основаніе сада на *Кислыхъ водахъ*; но нашъ Авшоръ не упоминаешъ, что обо-

зрѣваль любопытное эпо мѣсто, описываетъ положеніе однихъ *горячихъ* водъ, и шемъ заспавляетъ думать, что вышеупомянутый садъ разводитися при сихъ послѣднихъ, чего однакожь на дѣлѣ нѣтъ.

Безъ сомнѣнія одна поспѣшность виною сихъ небольшихъ упущеній. О тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Сочинителю удалось пробыть долѣе, Публика въ нравѣ ожидаетъ описаній полнѣе и основательнѣе. Эта надежда родитъ справедливое желаніе, чтобъ нашъ Пупешеспвенникъ издалъ поскорѣе полное собраніе своихъ пупешевыхъ записокъ.

Перейдемъ шеперь къ другому сочиненію *о Полуденной Россіи, изданному Г. И—вымъ въ 1802 году*. Приближаясь къ Кавказскимъ водамъ (см: шомъ IV. стр: 30.) оспанавливаеця онъ въ слободѣ *Гишпагирѣ*. Смѣю увѣришь почтеннаго Пупешеспвенника, что въ семь имени первую букву *Г.* надобно замѣнить буквою *Б:* первая ошъ Сшаврополя къ Георгіевску шпанція называется Бишпагирскою. Такую же поправку слѣдуетъ сдѣлать и на стр: 70. Въ изчисленіи Кавказскихъ народовъ занимающъ у него не послѣднее

мѣсто какіе-то *Тегинцы*: вѣроятно Авторъ разумѣлъ здѣсь спрашныхъ Чеченцовъ.

Ошибки сіи можно опнеспи на счепъ наборщика; но чему приписашь погрѣшность гораздо важнѣйшую въ описаніи мѣстоположенія *Горытхъ* водъ (спр: 98)? *Г. И*—вѣ увѣряешь, что сѣрный горячій *ручей*, на которомъ успроены ванны, спруишся по скапу горы Бешпау; вмѣсто того, сѣрные ключи, давно извѣстные своими цѣлебными силами, исшекають изъ горы Машуки, совершенно опдѣленной опъ пяпиглавой Бешпау. Машука, пакъ какъ и Змѣиная, Лысая и нѣсколько другихъ неравной высоты, принадлежашь шолько въ системѣ Бешповыхъ горъ, котороря сами по себѣ служашь опдаленнымъ аванпоспомъ высочайшему хребту Кавказскому.

На слѣдующей спран. упоминаешся Черкесское селеніе: *Траликъ*. Это вѣроятно Трамовъ ауль, нынѣ уже несуществующій.

Послѣдуемъ далѣе за нашимъ Путешественникомъ. Опъ Екашеринграда до Кизляра прекращашь онъ свои наблюде-

нія, оправдываясь передъ друзьями горестнымъ попеченіемъ о заболѣвшихъ своихъ людяхъ. Изъ Кизляра рѣшается ѣхать чрезъ Куманскую степь до Аспрахани и не одинъ разъ (спр. 103 и 157.) разстояніе между обоими городами полагаетъ въ 500 верстъ. Онь скучнаго путешествія по безлюдной пустынѣ переѣздъ сей можетъ показаться въ пять сотъ миль; въ самомъ же дѣлѣ онь Аспрахани до Кизляра менѣе 400 верстъ.

Замѣтитъ еще надобно, что Нагаи, копорыхъ путешественникъ называетъ общимъ именемъ Тапсаръ, кочуютъ въ войлочныхъ кибиткахъ, или шапрахъ, а не въ арбахъ, какъ сказано на спр. 108. Арбы служатъ имъ для перевоза сихъ кибитокъ, съ ихъ семействами и домашнимъ скарбомъ, и суть не что иное, какъ длинныя шельги о двухъ высокихъ колесахъ.

Въ изчисленіи разноплеменныхъ жителей Аспрахани (спр. 124 и 125.) два раза повпоренный пропь *тысяча народовъ* напомнили мнѣ Французскую поговорку: Un bon mot répeté perd tout son prix. Сочинитель не хотѣлъ принять на себя

шрудъ назвашь каждый изъ сихъ народовъ; спало бышь нечему удивляпсья, если въ роспись не попали Киргизы и Бухарцы. Но нельзя не изумишья, находя въ ней *Кабардинцевъ*, и зная очень хорошо что воинспвенный сей народъ совсемъ не занимаешя поргвлею и ни малъйшихъ сношенй съ Аспраханскимъ Начальспвомъ не имбешъ. Я по крайней мъръ не видалъ ни одного Горца въ Аспрахани и никакъ не могу поняшь, зачемъ было залепъшь пакъ далеко пъмъ *Черкесамъ*, копорые плъняли шамъ нашего пушешешвенника своимъ ростомъ, одеждою и красошою.

Не знаю я пакже, что разумбешъ онъ подъ словомъ: *Дервишъ*, говоря о жрецъ Аспраханскихъ *Индъйцевъ* (спр. 143 и 125.) Извбшно, что Дервишами называешя родъ магомепанскихъ опшельниковъ, или шруженниковъ, а наши Индъйцы, какъ самъ Авпоръ разказываешъ, держашя Браминскаго исповданя. Въ семъ послбднемъ богослуженie предоспавлено одной каспъ, отъ копорой и вбра получила свое названie.

На спр. 131, вмбсто Козацкой слободы на берегу Волги прошивъ Аспрахани

не должно ли лучше поспавить Тапарскую слободу. Равнымъ образомъ не выгоднѣе ли будешъ разкидашь виноградные сады по разнымъ рукавамъ Волги и нарочно изрышымъ каналамъ, нежели спѣсняшь ихъ на одномъ берегу эшой рѣки, какъ замѣчено на спр. 135.

Армянскіе купцы въ Аспрахани особенно понравились Сочинителю своею ласкою, добросердечіемъ и просшотою (спр. 158). Ума и ласковоспи, въ нужномъ случаѣ, имъ не занимашь спашъ; но вообще, чшобъ Армяне были добросердечны и просшодушны, въ шомъ очень можно усумнишься.

Послѣднее замѣчаніе позволяю себѣ сдѣлашь объ имени необыкновеннаго мужа, копораго Евангелическіе брапья почиташошъ основашелемъ своей секшы. Въ Германіи, своемъ опечесшвѣ, извѣспенъ онъ подъ именемъ Цинцендорфа; но Путешешвенникъ нашъ въ описаніи Сарпинской колоніи (Сарепны) сосшощей изъ однихъ Гернгуперовъ, придумалъ назвашъ его Зинзендорфомъ (спр. 185), слѣдуя конечно нѣжному Французскому произношенію Нѣмецкой буквы: z. Имѣя въ

нашемъ языкѣ равносильную букву: ц, не для чего было, кажется, измѣнять наспо-ящее названіе лица историческаго. Но что можеть проливустать духу времени? Вспомнимъ, что это писано за двадцать лѣтъ, когда умягченія такого рода были во всеобщей модѣ, когда еще не видали мы на сценѣ ни брадашаго спароспу Клементья, превращеннаго въ интереснаго Клемана *); ни новаго Стерна со своей смѣшной каррикатурой.

Прочія части сочиненія Г. И — ва я не имѣль случая повѣришь собспвеннымъ своимъ наблюденіемъ. Но говоря о Кавказской границѣ, непроспипельно было бы не отдать полной справедливости шрудамъ С. М. Броневскаго, издавнаго недавно системапическое и сполько же вѣрное, сколько подробное описаніе сего любопытнаго края. Жаль шолько, что его новѣйшія извѣспія о Кавказѣ не приведены къ совершенному окончанію — еще

*) Прекрасная Комическая Опера: *Несчастіе отъ кареты*, въ которой прикащикъ Клементій, или Clément, имѣеть не послѣднюю роль, играна и напечатана гораздо прежде. Пупеществія въ Полуденную Россію Г. И. Изд.

болѣ жаль, что сопровождающая ихъ карна мало соотвѣтствуетъ достоинству книги; но тому, какъ мнѣ хорошо извѣстно, виною многія обстоятельства, копорыхъ не возможно было почтенному Авшору ни предвидѣть, ни отвратить.

Правдомилъ Онцицибъ.

ПУСТЫНЯ.

Не рѣдко вечеромъ, при солнечномъ закатѣ,
 Нося въ душѣ своей сокрытую печаль,
 Сажусь подъ древній дубъ, крушой горы на
скалъ,
 И взоры томные я простираю въ даль.

*

Здѣсь мушный шокъ шумишь, умноженный
ошъ бури,
 И пѣнная на немъ волнуется бразда;
 Тамъ дремлетъ озеро—и шихихъ водъ въ ла-
зури
 Блишная свѣшился вечерняя звѣзда.

*

Вершины дальнихъ горъ, увѣчаныхъ елями
 Зари послѣдній лучъ зашишь еще слегка,
 И полная луна съ сребристыми лучами
 Вспаешъ, и кашится сквозь шонки облака,

*

Ошь колокольни шамъ высокой и спарин-
ной
Прошяжный, шомный звонъ разносится во-
кругъ;
Прохожій слушаешь — и колоколь пусшын-
ной
Сь послѣднимъ звукомъ дня свой смѣщи-
ваешь звукъ.

*

Прияшныхъ видовъ сихъ холонокровный
зритель,
Не зрю я прелестей природы въ красопахъ;
Скишаюсь по землѣ, какъ чуждый посѣпи-
шель,
Какъ призракъ жалобный холмовъ окреш-
ныхъ спранъ.

*

Напрасно мыслію спремлюсь въ страну
далѣку
И весь обширный сей я пробѣгаю свѣшъ,
Ошь юга къ сѣверу, ошь запада къ востоку
Напрасно!—счасшіе нигдѣ меня не ждешъ.

*

О вы! любезныя мнѣ сельскія картины!
Чшо измѣнило васъ? Гдѣ ваша красота?
Лѣса, холмы, ручей, прелестныя долины!...
Одной не спало здѣсь—и всюду пуштоша!

*

Взойдешъ свѣшило дня и сядешъ въ лѣсъ
дремучій,

Что нужды? — все равно для сердца моего,
 Лазурь на западъ, или густыя тучи;
 Мнѣ солнце новое не скажешь ничего.

*

И еслибъ могъ ему 'соупшствовашь въ по-
 лешѣ,

Вездѣ увидѣлъ бы пустыни лишь однѣ.

Ничто меня не льспишь во всемъ простран-
 номъ свѣшѣ;

Во всей подсолнечной ничто не нужно мнѣ.

*

Не можешъ бышь его печенья за предѣломъ,

Гдѣ солнце новое на новыхъ небесахъ;

Когда бы не былъ я къ землѣ прикованъ
 шѣломъ,

Узрѣлъ бы въявь шо, что видѣлъ лишь въ
 мечсахъ.

*

Зачемъ же не могу парить къ тебѣ по волѣ,

Невѣдомая цѣль желаній всѣхъ моихъ?

Зачемъ я ошаюсь въ плачевной сей юдолѣ,

Коль сердцемъ опчужденъ всѣхъ радостей
 земныхъ?

*

Падешъ изсохшій лиспъ съ древесныя вер-
 шины,

Вечерній дунешъ вѣшрь, и мчишь его въ
 поля;

И я опшверженный, какъ лиспъ, среди долины:

О вѣшры бурные, умчите и меня!

П. М — б.

СОЛОМА.

На что, скажите, нѣшь стиховъ?
 Мы пѣли славу, шумъ сраженій,
 Луну, ручьи и толубковъ,
 И шьму различныхъ привидѣній.
 Тотъ славишь прелесшь красомы;
 Вино припнѣе другому;
 Недавно кто-то пѣлъ цвѣшны —
 Позвольше мнѣ вамъ спѣшь солому.

*

Солома остиаешь кровь,
 Гдѣ земледѣлецъ обишаетъ;
 И утомленный отъ шрудовъ
 Онъ на соломѣ ошдыхаетъ.
 Склонясь главой на мягкой пухъ,
 Богачъ, въ великолѣпномъ домѣ,
 Безсонницей шерзаетъ духъ —
 Бѣднякъ спишь крѣпко на соломѣ!

*

Солома, прешворясь въ нарядъ,
 Красавиць хипрою рукою,
 Нескромный ошражаетъ взглядъ,
 И защищаетъ ихъ отъ зною:
 Пышавсь сей покровъ сорвашъ,
 Зефиръ шруднися попустому:
 А право жаль! —какая снашь
 Чшобъ розы прашанъ подъ солому.

•

Твердяшь, что будто въ старину
 Любовь спрашилася измѣны,
 И рыцарь, любя одну,
 Не зналъ желаній перемѣны;
 Теперь же спрось вся на словахъ,
 Съ любовью вѣрность не знакома,
 И нѣжность въ пламенныхъ сердцахъ
 Сгараетъ почно, какъ солома.

*

А ты, поварищъ мой, поэтъ
 Неупомимый и бездарный!
 Прими мой дружескій совѣтъ,
 Оставь свой прудъ неблагодарный.
 Напрасно вялый духъ сокрышь
 Желаетъ словъ надушныхъ въ громъ;
 Ты мнишь на лаврахъ опочишь,
 И ахъ! проснешься на соломѣ.

П. М.

~~~~~

ВЕСЕЛЫЙ ВЕЧЕРЬ.

Вчера, какъ и всегда въ продолженіи года, послѣ обыкновенныхъ дневныхъ, касающихся до службы занятій, собрались мы вечеромъ къ любезному нашему командиру, Подполковнику N.. на чай; и между прочимъ, покуривая прекрасный, Турецкій шабачокъ—завели рѣчь о *непостоянствѣ артиллерійскихъ выстрѣловъ.*

Множесство естественныхъ и случайныхъ причинъ, опклоняющихъ полеты ядеръ *отъ прямого къ цѣли направленія* — завязывали и приято продолжали нашъ разговоръ.

Время лепѣло, какъ пушечное ядро, по ешь: сперва быспро, попомъ пише, пише, и—унося непримѣпно со всѣми сладкими и блестящими *принадлежностями* полу-пустый проспывшій самоваръ, непримѣпно ослабѣвало нашъ разговоръ и приближало часъ разлуки... Вдругъ, къ общему всѣхъ насъ удовольствію, ближайшій отъ нашего Шшаба помѣщикъ—любезный, храбрый, украшенный орденами и уволенный за ранами въ опставку, Гусарскій Полковникъ *** является въ команду!

Неожиданное посѣщеніе любезнѣйшаго Полковника—сосѣда совершенно уничтожило наши, уже *наизлетѣ*, разсужденія и споры, и чрезвычайно какъ всѣхъ обрадовало, темъ болѣе что сосѣдъ только. что возвращался изъ губернскаго города, всегда богатаго политическими и неполитическими новостями, разными анекдотами, смѣсю и всякою всячиною.

Пока дорогій нашъ гость, при помощи нашей, скидываль съ себя дорожную шубу; пока опспегиваль немилосердную свою саблю и расправляль спрашныя усы; пока начались и продолжались дружескія съ обѣихъ опоронъ привѣщствія и первыя, обыкновенныя—о здоровьѣ, погодѣ и дорогѣ—вопросы: во всѣ эпѣ минушы, неперпѣливое наше желаніе узнать новости—*росло въ квадратноиѣ содержаніи временѣ*, и выводило изъ перпѣнія любопытство.

Напослѣдокъ, слава Богу! кончилось ушомисельное предисловіе; приказано гоповить чай, въ ожиданіи котораго почтеннѣйшій нашъ Гусаръ задымилъ трубку, сѣлъ, и—о радости!—свѣжія, забавныя, невѣроятныя новости и анекдоты — успокоили наше любопытство и оживили бесѣду.

Вниманіе, съ которымъ мы слушали рассказы веселаго Гусара, видимое на лицахъ каждаго удовольствіе, улыбки, громкій смѣхъ и хохотъ—доespoйно награждали его за пруды и увеличивали жаръ краснорѣчія.

Наконецъ, къ доверщенію приятнѣй-

шаго вечера, когда опять, со всѣми принадлежностями и припасами, подали на споль кипящій самоваръ—закипѣла смѣсь и всякая всячина!

Вошь одинъ изъ его красивыхъ разсказовъ, за испину коего Гусарь—ручался Гусарскою честію; сверхъ сего справедливостъ слѣдующаго приключенія ушверждалась слѣдующимъ началомъ:

“Тысята шесть сотъ...да! нѣшь, виновашь! тысяга семь сотъ девяноста.... девяноста ше...не помню хорошенъко котораго года; но очень помню, что это случилось зимою, и именно въ Ноябрьскую ночь, во время порядошнаго мороза и мятели.—Нѣкшо, немолодой, но превеселаго характера человекъ, возвращаясь—изъ веселой компаніи навеселѣ домой—заблудился. И не удивительно онъ оставилъ компанію не прежде, какъ уже было гораздо за полночь; къ тому же, подымающійся съ вечера сильный воспочный вѣпръ нагналь черные, густые облака, и задвинувъ ими свѣшь яснаго мѣсяца, увеличиваль шемношу ночи мяпелью. Ко всему этому, надо еще прибавишь и то, что немолодому, веселому навеселѣ че-

ловѣку, по выходѣ изъ гостей, слѣдовало идти направо, пройдя въпра—къ шеапру; а онъ, будучи въ хорошемъ расположеніи, заблагоразсудилъ пустишься по въпру, налѣво — къ кладбищу!..и—чрезъ добрый часъ, пушешествуя по колѣно въ снѣгу — вдругъ, неожиданно напкнулся на гробовую плиту!..

Тпру!..стой!..куда?.. вскричалъ удивленный пушешественикъ, опершись на могильный камень. *Это кладбище!..* продолжалъ онъ шемъ же шеномъ, и въ шомъ же положеніи озираясь вокругъ себя. *Дѣло!..огень къ стати!..* говорилъ онъ, не много погодя, обыкновеннымъ голосомъ: *здѣсь можно отдохнуть и съ силами собраться! Привалѣ!!..* И вопъ немолодыѣ, веселый навеселѣ чловѣкъ, подъ въпренную спорону высокой могилы садился и опдыхаенъ... Проходяиъ около шрехъ чепвершей часа.

Въ продолженіи пушешествія и привала, бурливый до шого въпръ примѣшнымъ образомъ начиналъ спихашъ, спихашъ, и наконецъ чушь вѣялъ: успокоилась мяшель; черные, послѣдніе облака, очищая воспокъ—шянулись на западъ, и

свѣшляя, полная луна вступала въ свою должность.

Между шемъ, какъ все сіе, разспроенное вѣспромъ, вновь успроивалось и приходило въ прежній порядокъ; немолодой веселый на веселѣ человѣкъ, почувсвовалъ ознобъ: сперва въ ногахъ, потомъ выше, выше ... во всемъ пѣлѣ.. и наконецъ пошянуло его ко сну! А то и другое, онъ слыхаль, и на эшошъ разъ вспомнилъ — чувсшвуютъ замерзающіе пупешеспвенники.

Эта страшная, мѣлкнущая въ его головѣ, мысль сильно пошрясла веселое его расположеніе, и засшавя думашъ о походѣ, напонила — для избѣжанія опаснаго сна — пѣнюхашъ шабачку.

И вошъ, не мѣшкая вѣнимаешъ онъ изъ кармана бумажную Московской фабрики шабакерку, раскрываешъ и разгребая большимъ и указащельнымъ пальцемъ шабакъ — прилаживаешся взяшъ поболѣе щепощку ... Вдругъ чувсшвуетъ, что кашешся его руки что-то щеплое!... Взглядываешъ ... и — о сшрахъ! — видитъ: пропшянувшаяся изъ могилы рука беретъ его шабакъ! ... *Караулъ!...грабятъ!...рѣжутъ!*...

закричалъ онъ, вскочивъ, опъ изумленія и страха, и безъ памяти во весь *опорѣ* пустился бѣжать куда глаза глядѣли....

Чрезъ нѣсколько минушь, по милосши добраго случая, вбѣгаетъ онъ въ первую, ближайшую опъ кладбища улицу, и перваго дома сколоченныя изъ барочныхъ досокъ вороша — загремѣли подъ его кулаками! Домъ эпошь принадлежалъ *Н. Н.*, хозяйнъ, жена его и всѣ, кромѣ маленькихъ дѣшей, уже не спали.

Разумѣлся, что необыкновенный громъ и прескъ ворошь — всѣхъ въ домѣ перепугаль, и всѣ, кто могъ, и кому надлежало, какъ на пожаръ, выскочили на дворъ.

Тысячу разъ громкими, соединенными вмѣспѣ голосами, кричали: *кто тамъ? ... кто тамъ? ...* Не было опвѣпа! — но вороша гремѣли и прещали! ... Чшо дѣлашь! ... Наконецъ, съ общаго согласія, рѣшили опворить калишку. Робко, одинъ за другимъ, вылѣзая на улицу, и шихо окружая все еще гремящаго человѣка... схватили — и безчувственнаго внесли въ комнашу.

Сперва было всѣ, кромѣ опышнаго хозяина, сочли его за сумасшедшаго: *Н. Н.*

уптверждалъ, что это плусть, припворив-
 шійся пьянымъ. Но потомъ, когда уже не
 молодой, за нѣсколько предъ симъ минусть,
 веселый навеселѣ челоуѣкъ опомнился—и
 увѣрившись, что онъ находишся между
 живыми и не накладбищѣ, началъ имъ раз-
 сказывать все случившееся съ нимъ по-
 подробно; когда наконецъ дошло дѣло до вы-
 сунувшейся изъ могилы руки: тогда всѣ
 мужчины, женщины и даже самъ N. N.
 оробѣли: у всѣхъ морозъ по кожѣ поди-
 ралъ, дыбылись волоса, захвапывало духъ
 и всѣ — шворя молишву и креспясь —
 пятались въ передній уголь подъ образа.

Между шемъ наспуало ушро; начи-
 нало разсвѣпашь. N. N., съ призванными
 бупочниками и объявишелемъ ночнаго
 приключенія, пуспился въ походъ; благо-
 получно прибыль на кладбище; и вскорѣ,
 по слѣдамъ объявишеля, опыскали шу
 могилу, подлѣ кошорой онъ прошедшую
 дѣлалъ привалѣ.

Разсыпанный пабакъ и выпечан-
 ное на снѣгу недавно сидѣвшимъ челоуѣ-
 комъ мѣспо—по повѣркѣ ясно оказались
 принадлежащими немолодому, веселому
 навеселѣ челоуѣку, и ясно доказывали спра-

ведливостъ его *показанія*. Приспустили къ дальнѣйшему розысканію дѣла: и вскорѣ замѣтили, что въ шомъ боку могилы, подлѣ котораго прошедшую ночь началъ было замерзашъ немолодой, веселый навеселѣ человекъ—замѣтили два небольшіе, чупъ чупъ выдавшіеся и ничемъ не связанные камня. Одинъ изъ бупочниковъ, догадливѣе и смѣлѣе прочихъ, полкнулъ въ нихъ ногою и—камни повалились въ могилу! .... Въ шу же минушу: *Кто тамъ пришелъ тревожить мертвеца?* раздалось опшуда глухо...

Всѣ, кромѣ смѣлаго и догадливаго бупочника, какъ дождь, въ разныя спороны — брызнули опъ могилы прочь, и давай Богъ ноги! Объявишель ночнаго происшествія и *N. N.* неслись по одному направленію къ часовнѣ, и поперемянно, одинъ другаго обгоняя—вломилсь въ нее разомъ.

Вслѣдъ за ними — выскочилъ изъ могилы мертвецъ и пуспился было въ лѣсъ; но смѣлый, догадливый бупочникъ—припавшійся за высокій монументъ — вспрѣшилъ мертвеца кулакомъ, и шакъ ловко срѣзалъ его съ ногъ, что шопъ,

опомнившись — увидѣлъ себя въ шюрмѣ и въ цѣпяхъ!

По допросу оказалось, что мнимый мерзвецъ — былъ бѣглый пресупникъ, который по ночамъ скрывался и покойно спалъ въ могилѣ; а днемъ, кой-гдѣ и кое-какъ, промышлялъ себѣ на пищу и шабакъ!

Смертельная охота понюхать табакку — открыла его убѣжище и доспойно наказала.

М. Вод—Рашковъ.

Книжныя Извѣстiя.

1824.

1. *Мнемозина, собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издаваемая Кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ. Часть I. Москва. Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра. У Содержателя А. Похорскаго.*

Издатели въ полной мѣрѣ заслуживаютъ признательность читающей Публики, совершенно выполнивъ обѣщанное въ объявленіи о *Мнемозинѣ*: въ наше просвѣщенное

время это довольно рѣдко, и мы радуемся за издашелей и за чипашелей.

Прозаическія спашьї въ *Мнемозинѣ* отличаются чистымъ, правильнымъ языкомъ, чуждымъ уродливыхъ существительныхъ и перековерканныхъ прилагательныхъ. Первая прозаическая спашья: *Старіки, или островъ Панхай*, написана со всею оспроуміемъ и веселостію, свойственнымъ сапирическому предмету. Вторая спашья: *Извлеченіе изъ Записокъ Генералъ - Маіора Д. В. Давыдова о кампаніи 1808 года въ Финляндіи*. Кто не знаетъ нашего Паршизана-Писателя? Говоришь ли о достоинствахъ его слога? О его выразительномъ изложеніи мыслей? Лишнее! Давыдовъ извѣстенъ, какъ отличный лишператоръ, и чипашели *Мнемозины* съ удовольствіемъ и пользою прочшуть его Записки.

3. *Отрывокъ изъ путешествія по Германіи В. Кюхельбекера*. Авторъ описываетъ Дрезденскую каршинную галерею — краснорѣчиво излагаетъ свои мысли о красотахъ и недоспашкахъ великихъ художниковъ — плѣнительно описываетъ каршины Мешю, Дау, Башпониѣву Магдалину; попомъ рассказываетъ о свиданіи своемъ съ Геше, де Вешпе, и пр. Всѣ шесть писемъ написаны пламеннымъ слогомъ, и чипашель можетъ быть недоволенъ только однимъ: зачемъ Г. Кюхельбекеръ напечаталъ только шесть пи-

семь?—4. *Адо, Эстонская Повѣсть*, его же Г. Кюхельбекера. Благородный, возвышенный слогъ, новосць лицъ и мѣста, характеры дѣйствующихъ, все показываетъ отличный талантъ и познанія автора. 5. *Извлечение изъ письма къ Е. А. Э—у Гна М.* знакомитъ насъ съ Юкагирами и счастливыми способностями Автора этого письма, умѣвшаго рассказать на четырехъ страничкахъ много новаго, занимательнаго и любопытнаго. 6. *Листки, вырванные изъ Парнасскихъ вѣдомостей К. Одоевскаго.* Вотъ отрывокъ изъ этихъ любопытныхъ листковъ:

Уставъ Геніальнаго скопища.

а) *О Геніѣ и его должности.*—Геній есть человекъ, одаренный чемъ — то необыкновеннымъ, неизъяснимымъ, новымъ; для того, чшобъ быть *Геніемъ*, не требуется ни обширныхъ познаній, ни ума высокаго; по-требно только, чшо бы онъ всею опъ другихъ былъ отличенъ.

Внезапно пораженный вдохновеніемъ *Геній* выдумываетъ *систему*, или другими словами какое либо мнѣніе, какого до тѣхъ поръ не слыхано было Для распространенія онаго мнѣнія, *Геній* имѣетъ много сподручниковъ, изъ коихъ первый—*Подгеній*.

б) *О Подгеніѣ и его должности.* — *Подгенію* не позволяется выдумывать своего

собственнаго мнѣнія, или системы; онъ долженъ только спарашся о распространѣніи и приложеніи повсюду мыслей *Генія*: только по окончаніи двухъ годоваго безсмертія сего послѣдняго — *Подгеніи* можешь произнести какое либо свое собственное сужденіе. — Сверхъ того *Геній* чрезъ своего *Подгенія* сообщается съ

c) *Генеральными писарями*, коихъ должность: чипашь сочиненія одного *Генія*, объ нихъ только и разсуждашь, ихъ только и хвалишь; ставишь изъ нихъ однихъ эпиграфы на своихъ собственныхъ сочиненіяхъ; пишашь посланія другъ къ другу, въ коихъ выхваляшь *одного Генія*; спарашся — поддѣлаться къ его слогу, рабски подражаешь ему, сверхъ того не забывашь величать его *преобразователемъ языка отечественнаго*, и при малѣйшемъ чѣемъ либо покушеніи на славу его — грозно омокашь свои перья въ чернила! *Геній* же, въ благодарность за сіе, поставишь себѣ за непремѣнную обязанность, при всякомъ случаѣ, называшь своихъ *переписчиковъ* — *людьми съ дарованіями*.

d) *Геніяльные рассыльщики* составляютъ послѣдній и многочислѣннѣйшій классъ *Геніяльнаго скопища*. Они большею частію состоятъ изъ *любителей*, копорые ничего не пишутъ, ничего не чипають; но какъ скоро *Геній* почувствуешь себя беременнымъ — новымъ

какимъ-либо швореніемъ, но не медля распускающъ слухъ о шомъ по цѣлому городу — или развозящъ наскоро списанные опривки изъ швореній *Генія* и его *перепистиковѣ* и съ поржесшвеннымъ видомъ, за шайну, показывающъ каждому встрѣчному и поперечному. — Замѣшшь должно, чшо когда при *разсылщикахъ* будущъ хвалищъ кого либо, шолько не ихъ *Генія*, шо они должны, сохраняя глубокое молчаніе, хоромъ пожимащъ плечами; но шакащъ и значительнo киващъ головою, когда дѣло дойдешъ до самаго *Генія*, и проч. ... (сшран. 179 — 181.)

Переводъ *Многолибравѣ* изъ *Жанѣ Поля* заключаешъ прозаическія шашыи *Мнемозины*.

Между стихошвореніями опличаешся прекрасный опривокъ изъ Комедіи: *Аристофанѣ* Князя Шаховскаго. *Святополкъ окаанный*, соч. Кюхельбекера, напечатанный въ *Полярной Звѣздѣ* на 1824 годъ, перепечашанъ въ *Мнемозинѣ* съ большими перемѣнами и совсемъ въ другомъ видѣ. Изъ двухъ эпиграммъ Кн. Вяземскаго, помѣщенныхъ въ *Мнемозинѣ*, первая давно уже напечатана въ *Благонаибренномѣ* *) При книжкѣ приложены ноты двухъ романсовъ изъ *Водеви-*

---

*) См. *Благ.* 1820, № II, сшран. 129.

ля: *Кто братъ? Кто сестра?* Сочинишель музыки, Г. Вершовскій, извѣстенъ своимъ счастливымъ паланшомъ. Жаль, что слова сихъ романовъ не показывающъ счастливаго паланша родишеля ихъ.

Подписка на *Мнемозину* принимается въ Москвѣ, въ Театральной Типографіи Г. Похорскаго, что у Арбашскихъ ворошь, въ домъ Каммергера **Ө. Ө.** Кокошкина, и во всѣхъ Московскихъ книжныхъ лавкахъ. — Цѣна за всѣ четыре части на хорошей бѣлой бумагѣ, напечатанныя чешскими липперами, съ карпинками, ношами и виньетами, въ красивой картонной обершкѣ и съ золошымъ обрѣзомъ, 50 р., а безъ золошаго обрѣза 25 р. ассигнаціями. Тѣмъ же кошорые благоволяшъ подписашься вдругъ на 10 экз. сдѣлана будешъ ушпунка по 5 р. съ каждаго экземпляра. Иногородные прилагающъ на пересылку за 4 фунта.

Р.

2. *Сотиненія Владислава Александровита Озерова. Въ двухъ тастяхъ. Новое изданіе. Иждивеніемъ И. Заикина.* С. П. б. въ шип. Медицинскаго Департаменша Минисперспива внушреннихъ дѣлъ. Въ большую 8 ку.

Изъ швореній незабвеннаго *Владислава Александровита Озерова* напечатаны были о-

собо: въ 1794 году *Элоиза къ Абеларду* (*Ирода, вольный переводъ съ Французскаго*) — самый первый и не весьма удачный опытъ его въ Поэзи; въ 1805 Трагедія: *Эдипъ въ Авинахъ*, а въ 1807 *Фингалъ и Димитрій Донскій*. Въ 1816 и 1817 г. вышло вдругъ два изданія полныхъ его сочиненій въ двухъ частяхъ *). И въ шомъ и въ другомъ, кромѣ чешырехъ Трагедій, оставшихся въ здѣшнемъ репершуарѣ и доставившихъ Авшору безсмертіе, помѣщены: извѣстіе, или лучше сказать, разсужденіе о жизни и сочиненіяхъ *В. А. Озерова* (статья, заслуживающая всякое одобреніе какъ по основательности мыслей, такъ и по благородству слога) и къ сожалѣнію — его мѣлкія стихотворенія, большею частію Оды и Басни. Всѣ сіи стихотворенія — какъ замѣчаешь весьма спра-

---

*) Первое изъ нихъ напечатано иждивеніемъ здѣшняго Книгопродавца И. Глазунова въ большую осмушку весьма мѣлкимъ шрифтомъ, а послѣднее въ чешвертку Содержашелемъ Театральной типографіи А. Пахорскимъ. Въ обоихъ изданіяхъ довольно орфографическихъ ошибокъ; но въ семь отношеніи они несравненно исправнѣе, нежели особо напечатанныя Трагедіи: *Эдипъ, Фингалъ и Димитрій Донскій*.

ведливо разборчивый его Жизнеописатель и Кришикъ, Князь П. А. Вяземскій — “не свидѣтельствующъ о пищическомъ дарованіи, развернувшемся въ Трагедіяхъ, а Лирическія пѣсни доказываютъ, что Озеровъ не былъ Лирикомъ., Тоже самое можно сказать и о его Басняхъ, которыя вѣроятно писаны были имъ для одного польско опыта. Стихосложеніе въ нихъ тяжелое и неправильное; нѣтъ точности и приличія въ выраженіяхъ; нѣтъ въ разсказѣ не только пищической живописи, составляющей отличительное достоинство Баснописца—Поэта, но даже простоты и естественности. Есть однако же нѣкоторыя прелестныя черты Философіи и просвѣщенія, на примѣръ въ Баснѣ: *Волки и Овцы*.

Гдѣ нѣтъ заботы, тамъ крѣпкъ сонъ

И въ другой: *Оселъ и Собака*.

А сахаръ нынѣчѣ дорогой!

Издатели поступили бы гораздо лучше, если бы вмѣсто всѣхъ сихъ стихословеній (копорохъ Владиславъ Александровичъ, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ никогда издавъ въ свѣтъ) напечатали при его превосходныхъ Трагедіяхъ основательные и насъавительныя разборы оныхъ, написанныя знамени-

шимъ нашимъ Поэтомъ и Криптикомъ А. Ф. Мерзляковымъ.

Нынѣшнее изданіе, по справедливости, имѣешь предъ обоими прежними, большое преимущество какъ со стороны типографической щеголевашости, такъ и въ отношеніи къ исправности самаго текста. Въ сочиненіяхъ В. А. Озерова, изданныхъ Г. Пахорскимъ, многіе стихи исправлены весьма удачно лучшими нашими лингвистами. Въ новомъ изданіи Редакторъ (Издатель *Благонамѣреннаго*) сдѣлалъ также, въ *однихъ только словахъ*, нѣкоторыя переправки и означилъ при концѣ книги какъ прежній текстъ, такъ и новыя въ ономъ перемѣны, отдавая то и другое на судъ просвѣщенныхъ любителей опечесшвенной Словесности *). Озеровъ, равно какъ и Державинъ,

*) Обвиняютъ Редактора въ томъ, что онъ осмѣлился переправить нѣсколько стиховъ Озерова. (см. 17 № *Сына Отечества* и 8 й *Литтературныхъ листковъ*). Не по дурно, что онъ переправилъ стихи Озерова; а то, что переправя ихъ, не умолчалъ о томъ, какъ другіе. Впрочемъ Редакторъ весьма благодаренъ Г. С - ву за его откровенныя, скромныя и истинно благонамѣренныя замѣчанія, хотя со многими изъ нихъ

былъ великій Поэтъ, но не всегда, какъ и поэтъ, искусный стихослагатель (versificateur). Эпошь недоспапокъ ешь, шакъ сказать, неизбѣжная дань, заплаченная ими шому времени, въ копорое начали онѣ писашь, не учась къ сожалѣнію *классически* Словесности и не имѣвъ тогда образцовъ исправнаго стихосложенія. Несмотря на все эпо—долго, долго Державинъ не будешь имѣшь у насъ соперника въ Одахъ, а Озеровъ въ Трагедіяхъ.

Эдипъ, Фивгаль, Димитрій, Поликсена

Въ попомсшвъ поздномъ будушь живъ.

При семь новомъ изданіи, кромѣ *Предисловія* опъ Редактора, присовокуплены: 1) Выписки изъ *Обозрѣнія Русской Литтературы* за 1815 и 1816 годы и изъ *Опыта Краткой Исторіи Русской Литтературы*, изд. Г. Гречемъ, содержація въ себѣ крашкія извѣстія и разсужденія о жизни и швореніяхъ покойнаго В. А. Озерова; 2) Надгробіе ему, соч. А. И.; 3) Басня: *Пастухъ и Соловей*, посвященная первому нашему Тра-

---

и не согласенъ. Въ слѣдующей книжкѣ *Благонамереннаго* напечатаны будущъ возраженія, или аншикрипики на шу и на другую спашью.

гику искреннимъ почиташелемъ его дарованій и опличнымъ Поэтомъ К. Н. Башюшковымъ *); и 4) Снимокъ (fac simile) съ оригинальнаго письма В. А. Озерова, писаннаго имъ къ нынѣшнему Издашелю его Сочиненій И. И. Заикину въ 1809 году, литографированный Г. Бегровымъ:—Сіе послѣднее можешъ служить доказательствомъ скромности почтеннѣйшаго Сочинителя, неразлучной никогда съ истинными и великими талантами. *Признаюсь вамъ—говоришь онъ въ этомъ письмѣ—что и на первое изданіе нѣкоторыхъ моихъ Трагедій я согласился по однимъ убѣжденіямъ моихъ приятелей, никогда не бывъ любопытенъ видѣть въ печати то, что я писалъ единственно по склонности моеи къ театральнымъ зрѣлищамъ и безъ всякаго исканія званія Автора и Стихотворца.*

Новое изданіе Сочиненій В. А. Озерова продается въ книжныхъ лавкахъ Заикина подъ № 18, 19, 20, 25 и 26. Цѣна за обѣ часши въ бум. 20 р.

И.

---

*) Басня сія не сочинена Г. Башюшковымъ, какъ полагають Г. С...въ (см. 17 № Сына Отечества, стр. 135), но переведена изъ Флоріана, а Флоріанъ взялъ ее у Лессинга.

Благотворенія.

Въ VI N^о Благонамѣреннаго (стр. 44.) означено подробно, что Издашедь получилъ, съ 12 ч. Марша по 27 ч. того же мѣсяца, ошъ неизвѣстныхъ благотворителей для раздачи бѣднымъ . . . . . 215 р.

Послѣ того получено имъ еще:

27	Марша	10—
31	— — —	25—

Въ Апрѣлѣ:

1	. . . . .	10—
—	. . . . .	50—
2	. . . . .	25—
3	. . . . .	25—
—	Изъ Вятки, при письмѣ вдовы, купеческой жены Федосьи Хохряковой ошъ 18 Марша, лошерейный билетъ въ	50—
4	. . . . .	25—
5	. . . . .	25—
—	. . . . .	25—
—	. . . . .	15—
—	черезъ книжный магазинъ покойнаго В. А. Плавильщикова ошъ А. Ис. по порученію дамы	25—
15	Изъ Казани при запискѣ ошъ 27 Марша	50—
	(въ помѣ числѣ для вдовы Е. В. II - ой съ дѣшыми 25 р.)	

16	,	. . . . .	13 р.
21			10—
23			10—

Всего по 1 ч. Маія . . 608 р.

Изъ оныхъ роздано:

Вдовамъ :

Титулярной Совѣшницѣ *Шершенковой*,
кошорой мужъ служилъ письмоводи-
шелемъ въ Морской Типографіи, и
по смерти своей, послѣдовавшей 51
ч. минувшаго Марша не оставилъ
несчастной вдовѣ своей ничего, кро-
мѣ добраго имени, весьма значитель-
наго для нее нажишаго по необходи-
мости долга, и восьми малолѣтнихъ
дѣшей, изъ кошорыхъ одно еще груд-
ное *) . . . . . бор.

Титулярной Совѣшницѣ *Леонтьевой* съ

---

*) Несчастливая вдова *Шершенкова* проси-
ла слезно Издателя *Благонимѣреннаго* изъ-
явить душевную ея благодарность почтен-
нѣйшей и неизвѣстной благошворительни-
цѣ за присланныя къ ней 3 ч. Апрѣля чрезъ
Г. Директора Морской Типографіи 25 р.
О если бы Богъ и добрые люди пособили ей
приспроишь къ мѣспу бѣдныхъ ея сиротъ!

пятью малолѣпными дѣшми, немѣющими по крайней нищеть никакой почти обуви и одежды. Сие несчастное сѣмейство живеть на Петербургской сторонѣ, 3 кваршала въ домѣ подь N° 797 . . . . . 55 —

Е. В. П — ой съ пятью малолѣпными дѣшми . . . . . 35 —

При ней было прежде восемь чело-вѣкъ дѣшей. Богъ ушѣшилъ бѣдную вдову и приспроилъ къ мѣсту проихъ спаршихъ сыновей ея: одинъ опредѣлень къ должноти, а двое помѣщены въ казенныя училища. Теперь остающа на ея попеченіи пятеро малюшокъ: 3 дочери и 2 сына, изъ коихъ спаршей 11, а младшему только 3 года. *Е. В. Полякова* имѣеть нынѣ жительство въ Рожественской части, 1 кваршала въ Лосевой улицѣ, въ домѣ Тип. Сов. Калипина подь N° 110:

Зайцовой . . . . . 25 —

Бурковой . . . . . 15 р.

Сія почтенная спарушка имѣеть жительство 4 Адм. части, 5 кваршала, близъ церкви Покрова Богородицы, въ домѣ мѣщанина Сапунова подь N° 415, вмѣстѣ съ прежнею благодѣтельницею своею, престарѣ-

лою и больною купеческою дочерью .
 Маленькою, съ кошорою двадцать уже
 лѣтъ раздѣляешь послѣдній кусокъ
 хлѣба.

Брандтѣ (имѣющей отъ роду слиш-
 комъ 80 лѣтъ, разбитой параличемъ
 и живущей Лишейной части, 3
 кваршала, въ Ишаліанской улицѣ, въ
 домъ Каммеръ-лакейши Александро-
 вой подъ № 235) . . . . . 15 р.

Бѣльской	10 —
Кувовлевоу	10 —
Гинблатѣ	10 —
Коровиноу	10 —
Кудлау	10 —
Коневскоу	10 —
Афанасьевоу	10 —
Сороновоу	10 —
Логиновоу	10 —
Чушиноу	5 —
Филатовоу	5 —
Ширяевоу	5 —
Царцсвоу	5 —
Рагульскоу	5 —
Булавкиноу	5 —
Геттерѣ	5 —

Бѣднѣйшимъ тиновникамъ:

Нов.	35 —
Кард	30 —

Соп.	25 р.
Арх.	20 —
Монт.	10 —
Зильт.	10 —
Пѣт.	10 —
Лог.	5 —

Пожилыиѣ двѣщалиѣ и сироталиѣ:

Михайловыиѣ	25 —
Ивановой	13 —
Алекс.	10 —
Исаковой	10 —
Яковлевой	10 —
Бѣдному мѣщанину Яковлеву, лишенно- му ума	20 —
Женѣ больнаго мѣщанина Скорнякова	10 —
На погребеніе бѣднѣйшему чиновнику Петр.	25 —
Увѣчному Арх. помощнику Елед.	10 —
Всего	608 р.

Сверхъ того прислано къ Издателю *Благонамѣреннаго* 2 ч. Маія ошъ неизвѣснаго чрезъ лавку Книгопродавца И. В. Сленина *собранныхъ для Гжи Ст. Сов. Бѣльской* (см. VI № *Бл.*) *семдесятъ пять* рублей, кои на другой же день доставлены ей и приняты ею съ благодарностію.

Послѣ того 9 ч. сего же Маія мѣсяца Издашель получилъ лично ошъ неизвѣстной дамы въ пакетѣ за печашью подъ лишерями: S. P. двѣстѣ рублей для раздачи бѣднымъ. О употребленіи сихъ денегъ сообщено будетъ въ слѣд. N^o.

И.

~~~~~

НАДГРОВІЯ

Софѣ Дмитріевнѣ Пономаревой *)

1.

Все скрышо здѣсь: и умъ и красота,
Любезность, дарованья,
Вкусъ шонкій, остроша,
Приятныя и рѣдкія познанья,
И непришворная, прямая доброша.

2.

Нерѣдко въ пишинѣ ночной
Сей скромный памятникъ Камены окружающъ

И съ Граціями здѣсь рыдающъ
О милой ихъ сестрѣ родной.

3.

Не долго здѣсь она цвѣла,
Прервала рано жизни узы,

*) Любезнѣйшей, остроумнѣйшей женщины, съ рѣдкими дарованіями и образованіемъ. Она скончалась, послѣ продолжительной и мучительной болѣзни, 4 ч. сего

Была, какъ Грація, мила
И образована, какъ Музы. **)

И.

~~~~~

Эпиграммы.

I.

Герой безсмыслицы, фанатикъ!
Твой подвигъ знаменишь, блистателемъ
успѣхъ . . . .

Гордися, Аристархъ-Романникъ:
Всѣ на тебя, а ты—одинъ на всѣхъ!

2.

Нѣшь, стрѣлы вѣрно ты бросаешь . . .
Не бось, не урони лишь духа своего!
Вѣдь ты попась въ Безсмысліе желаетъ—
Ты прямо въ цѣль и попадаешь .

Не . . . Рса . . .

Маія. Подъ предсѣдательствомъ ея было
здѣсь дружеское лирическое общество.
(См. *Благ.* 1821, N° XI и XII)

**) Послѣдніе два стиха взяты изъ
прежней моей надписи къ ея портрету.
(См. *Благ.* 1820, N° XVIII.)

3.

Забавна иногда насмѣшка надъ собой.
 Гудинь, зная самъ, что слишкомъ онъ извѣ-
 спенъ
 И громко всѣмъ крича: “я безприсраспенъ
 чеспенъ!,,
 Смѣшишь невинною насмѣшкою шакой!

ii.

~~~~~

Н. В. При семъ прилагается *Оглавле-
 ніе XXV части*, которое слѣдовало помѣ-
 стить при VI N^o.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. N° IX.

ПРОВИДѢНІЕ УПРАВЛЯЕТЪ СУДЬБОЮ ЦАРСТВЪ *).

O Dieu, par quelle route inconnue aux mortels
Ta Sagesse conduit ses desseins éternels!—

Esther de J. Racine.

Судьба древнихъ царствъ имѣеть тѣ-
сную связь съ исторіею Іудеевъ. — Го-
сподь употребилъ Ассиріянь и Вавило-
нянь для наказанія своего народа, Персовъ
для возшановленія его, Александра и пер-
выхъ преемниковъ для покровишельства,
извѣснаго Антиоха съ наслѣдниками для
испытанія, Римлянъ для защищенія отъ
Сирійскихъ пирановъ, копорые сильно
покушались на его свободу. Полиптиче-
ское бышіе Іудеевъ даже подъ властію

---

*) Переводъ изъ Боссюэповой Исторіи:
Discours sur l' Histoire Universelle. Tome III,
chap. 1.

Римлянь продолжалось до Иисуса Христия. Но когда Иудеи не признали и распяли Его; тогда мстящая рука шѣхъ же самыхъ Римлянь сдѣлалась слѣпымъ орудіемъ гнѣва Господня, и изпребила народъ неблагодарный. Господь, положивъ воздвигнушь въ по же время новый народъ ошъ всѣхъ спранъ, прежде соединилъ земли и моря въ одной державѣ. Взаимное сношеніе споль многихъ и споль различныхъ народовъ, нѣкогда чуждыхъ другъ другу, и попомъ соединенныхъ подъ власпію Римлянь, было однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ, копорья Провидѣніе употребило къ разпространенію Евангелія.

Ежели Римская Имперія въ продолженіи шрехъ сошъ лѣтъ преслѣдовала народъ Божій; по сіе же самое гоненіе утвердило Церковь Христіянскую, и во всемъ блескѣ открыло славу ея, вѣру и терпѣніе. Наконецъ Римская Имперія смирилась, и уступая крѣпости сильнѣйшей, непобѣдимой Десницы, съ крошестію приняла въ свои объятія шу Вѣру, которую споль долго преслѣдовала съ шакимъ упорствомъ и жестокостію. Императоры хотѣли покорить Христіянскую Церковь

своею властію; но Она утвердила Царство духовное, которое Иисусъ Христосъ желалъ разпространить по всей землѣ.

Когда наступило время паденія Римской Имперіи, въ которое должна была она, со щещною надеждою на безсмертіе, подвергнуться участи прочихъ царствъ: тогда Римъ, сдѣлавшійся добычею варваровъ, сохранилъ древнее величіе только могущесвомъ Вѣры Христовой. Народы, вшоргшіеся въ Имперію Римскую, мало помалу научились благочестію Христіянскому, которое смягчило ихъ грубость; и каждый изъ Царей ихъ, занимая въ народѣ своемъ мѣсто Императоровъ, предпочишалъ воѣмъ шишulamъ сего верховнаго сана славнѣйшее шишло Покровишеля Церкви.

Здѣсь являющія тайныя судьбы Божіи въ разсужденіи Римской Имперіи и самаго Рима—судьбы, опкрышыя духомъ Свяшымъ Іоанну Богослову, сему великому мужу, Апостолу и Пророку, изъяснившему оныя въ Апокалипсисѣ.

Римъ, соспарѣвшійся въ идолопоклонствѣ, чувствоваль величайшую трудность освободиться отъ онаго даже и въ прав-

леніе Христіянскихъ Императоровъ; и Сенатъ считалъ для себя честию — защищать боговъ Ромула, коимъ приписывалъ всѣ побѣды древней Республики *). Это знаменитое сословіе наскучило уже Императорамъ своими предсавленіями, пребуя возспановленія идоловъ своихъ и почиая изпребленіе закоренѣлаго въ Римѣ суевѣрія великимъ для имени Римлянъ оскорбленіемъ. Инакъ общеспво сіе, заключающее въ себѣ все величіе Государства — безчисленное множеспво народа, даже и знапнѣйшіе вельможи не могли избавишься опъ своихъ заблужденій ни проповѣдію Евангельскою, ни видимымъ исполненіемъ древнихъ пророчеспвъ, ни обращеніемъ почпи всѣхъ прочихъ спранъ и самыхъ Царей, коихъ повелѣнія ушверждали Вѣру Христіянскую. Напропивъшого оні не пресавали порицашъ Церковь Христову, кошорую, какъ и предки ихъ, обвиняли во всѣхъ несчастіяхъ Имперіи, и всегда спремились къ возобновле-

---

*) Zozym IV. Orat. Sym. apud. Amb. tom 5. lib 5. ep. 30. Aug. de civ. Dei I. 1. etc.

нію прежнихъ гоненій; но въ семь случаѣ препяшствовала имъ власть Императоровъ.

Такія обшояшельства продолжались еще и въ четвершомъ вѣкѣ, и даже около спа лѣтъ послѣ Конспаншина Великаго; наконецъ множество кровавыхъ опредѣленій Сенапа прошиву вѣрныхъ и вмѣстѣ громкіе крики испуленнаго народа Римскаго, жаждущаго крови Христіанской—крики, раздававшіеся въ Амфитеатрѣ, исполнили мѣру злодѣяній; и Господь предаль варварамъ сей градъ, упоенный, по словамъ Святаго Іоанна, кровію мучениковъ. *) Господь воздвигъ на него шѣ же спрашныя казни, коими пораженъ Вавилонъ: симъ именемъ названъ и самый Римъ. Этошъ новый Вавилонъ, подражающій древнему и шакже надменный своими побѣдами, шоржешвующій среди насладеній и сокровищъ, зараженный идолослуженіемъ, гонитель народа Божія, подобно первому, падаешъ съ ужаснымъ шумомъ, какъ Свя-

---

*) Apocalyps. XVII. 6.

пыйъ Иоаннь описываетъ его разрушеніе.

*) Слава побѣды его, кои приписывалъ онъ своимъ богамъ, исчезла! и самъ онъ до-спался въ добычу варварамъ послѣ двухъ, или трехъ-кратнаго покоренія, разграбленія, опустошенія и разрушенія. Мечъ варваровъ щадилъ однихъ Хриспіанъ. Новый градъ Хриспіанскій выходилъ изъ пепла перваго—и въ сіе - по время послѣ нашествія варваровъ, совершается побѣда Церкви Христовой надъ Римскими богами, кои не только повержены въ прахъ, но и совсемъ забыты.

Такъ Царства міра сего служили къ разпространенію Вѣры и къ сохраненію народа Божія! И для того Господь повелѣлъ пророкамъ своимъ предсказать пре-емственную судьбу Царствъ вмѣстѣ съ различными политическими переменами въ сословіи своего народа. Во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія Навуходоносоръ назначается бичемъ народовъ гордыхъ и особливо народа Іудейскаго, неблагодарнаго къ своему Творцу. За двѣспѣ

---

*) Apocalyps. XVII. XVIII.

лѣтъ до своего рожденія Кирь наименованъ возшановишелемъ народа Божія и разрушишелемъ надменнаго Вавилона. Паденіе Ниневіи предсказано споль же ясно. Въ чудесныхъ видѣніяхъ Даниила представляется взору нашему картина проходящихъ въ одно мгновеніе Монархій: Вавилонской, Мидійской, Персидской, Македонской и Греческой. Жестокіе поступки извѣснаго Богопрошивника Антіоха здѣсь также предсказаны, какъ и дивныя побѣды народа Божія надъ симъ дерзкимъ гонителемъ. Здѣсь открывається паденіе славнѣйшихъ Монархій, разрушающихся одна за другою; и новое Царство Іисуса Христа описывается споль живыми и разительными чертами, что не возможно не видѣть его. Это есть Царство Святыхъ Ошца Небеснаго, Царство Сына Человѣческаго, Царство, которое должно существовать среди развалинъ всѣхъ другихъ царствъ, и шолько ему одному обѣщана вѣчность.

Судъ Божій надъ величайшею Римскою Имперіею также не скрытъ ошъ насъ: онъ возвѣщенъ намъ усшами Свяшаго Іоанна Богослова. Римъ почувствовалъ

и самъ тяжесъ десницы Божіей, и былъ примѣромъ правосудія Вышняго, какъ и другіе. Но онъ избавился конечной гибели: Христіанство, просвѣтившее всѣ народы, очистило его отъ языческа наказанія и сохранило его существованіе.

Такъ всѣ великія царства, бывшія на земли, содѣйствовали различными способами къ благосостоянію Вѣры и къ славѣ Божіей, какъ самъ Господь возвѣстилъ намъ о томъ чрезъ своихъ Пророковъ.

Читая во многихъ мѣстахъ Священнаго Писанія, что цѣлый сонмъ Царей обратился въ нѣдра Церкви, и что они содѣлаются покровителями ея и защитниками — мы узнаемъ подъ сими именами Императоровъ и другихъ Государей Христіанскихъ: споль знаменитое пророчество прямо указываетъ на шѣхъ Царей, коихъ благочестивѣйшіе предки отличались покровительствомъ и утвержденіемъ Церкви Христовой.

Итакъ Господь, приемля намѣреніе употребить различныя царства къ наказанію или къ испытанію, къ распро-

спраненію, или къ защитѣ своего народа, и желая явить себя виновникомъ столь дивнаго совѣща своего, открылъ пайну сію Пророкамъ, дабы они предсказали исполненіе Судебъ его. И какъ оныя царства входили въ составъ плана, предназначеннаго Богомъ, относительно избраннаго имъ народа; но самая сія причина показываетъ. для чего Духъ Святой предвозвѣстилъ судьбу оныхъ царствъ пѣми же вдохновенными устами, копорыми изъяснены послѣдующія перемѣны въ благосостояніи вѣрныхъ.

Чемъ болѣе научаемся мы вникашь въ сіи великія событія и разсматривашъ причины оныхъ, темъ болѣе удивляемся судьбамъ Провидѣнія. Должно приобрести заблаговременно такія понятія, дабы съ каждымъ днемъ живѣе объяснялись онѣ въ умѣ нашемъ; должно учиться понимашъ опредѣленія вѣчной Премудрости, копорая управляетъ дѣлами человеческими.

Господь не всегда повелѣваетъ Пророкамъ открывашъ волю свою въ разсужденіи пресполовъ и царствъ возвышаемыхъ, или разрушаемыхъ; но въ многократныхъ царственнхъ переворотахъ

о коихъ сказано выше—въ сихъ славнѣйшихъ примѣрахъ показываетъ онъ свое могущество надъ всѣми государствами, и внушаетъ повелителямъ двѣ главнѣйшія истины: во первыхъ, что Онъ одинъ основываетъ царства и ввѣряетъ Своимъ избраннымъ; во вторыхъ, что Онъ можетъ употреблять ихъ въ предназначенное время и въ предначертанномъ порядкѣ для исполненія воли своей, относительно къ своему народу.

Вошъ истины, кои должны содержать всѣхъ Государей въ совершенномъ повиновеніи Господу, и всегда обращать вниманіе ихъ на повелѣнія его, для содѣйствія ко славу Божіей во всѣхъ случаяхъ, предсавляющихся имъ по волю Провидѣнія.

Но жребій царствъ, судя и почеловѣчески, весьма поучителенъ, а особливо для сильныхъ земли, коихъ гордость — обыкновенная спутница споль знаменитаго состоянія—чрезвычайно унижается при семь зрѣлищъ: ибо, ежели люди научаются смиренію, видя смерть великихъ; по сколько должна поражать ихъ смерть даже и самыхъ царствъ! — И гдѣ

найдушь они лучшей урокъ ничтожности величія человеческого?

Итакъ, когда проходяшь мгновенно предъ нашими взорами великія Монархіи, потрясавшія всю вселенную; когда видимъ древнихъ и новыхъ Ассиріянъ, Мидянъ, Персовъ, Грековъ, Римлянъ, слѣдующихъ и падающихъ, такъ скажешь, другъ за другомъ: тогда споль страшное разрушеніе разительнo убѣждаетъ насъ, что нѣтъ ничего прочнаго въ семъ мірѣ, и что непостоянство и превращеніе есть удѣлъ, свойственный дѣяніямъ человеческимъ!

242.

НѢЧТО О ГОЛЛАНДСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ И ИЗВѢСТНЫХЪ НЫНѢШНИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

Ни одинъ писатель въ Голландіи не живетъ своими сочиненіями. Хотя авпорство во многихъ земляхъ приноситъ скудный доходъ, но въ Голландіи и того нельзя получить. Большая часть писателей состоитъ изъ ремесленниковъ, купцевъ, механиковъ. Юристы, врачи, духовные рѣдко занимающія сочиненіями. Какъ ско-

ро авторъ кончилъ свое твореніе—то, согласясь въ цѣнѣ съ книгопродавцемъ, печатаетъ оное на свое иждивеніе; ибо ни одинъ книгопродавецъ не возьмется быть издавателемъ: это средство здѣсь совсемъ не въ употребленіи. Если имя автора слишкомъ извѣстно, то значительное количество экземпляровъ рассылается по провинціямъ на комиссію къ значнѣйшимъ книгопродавцамъ, которые, по прошествіи назначеннаго времени, все непроданное число книгъ возвращаютъ обратно сочинителю.

Если сочиненіе состоитъ въ нѣсколькихъ частяхъ, то сперва одна выходитъ въ свѣтъ; это наблюдается не только при изданіи стихотвореній и театральныхъ пьесъ; но романовъ и повѣстей, какіе бы они не были: оригинальные, или переводные. Число выходитъ три, или четыре мѣсяца, пока явится второй томъ; а для романа, въ трехъ и болѣе частяхъ, потребно продолженіе цѣлаго года. Сочиненія отличныхъ писателей не удостоиваются втораго писанія; этой чести не заслужилъ и Бильдердикъ, ихъ величайшій нынѣшній Поэтъ.

Хотя Голландія не имѣетъ недостатка въ опечесивенныхъ писателяхъ, но главный оборотъ книжной торговли ея составляютъ переводы. Первое мѣсто занимаютъ Французскіе романы. Въ такъ называемомъ легкомъ чтеніи очень мало оригинальнаго на Голландскомъ языкѣ. Число всѣхъ ихъ романовъ и повѣстей едва ли простирается до десяти, и здѣшняя публика такъ не привыкла къ опечесивеннымъ сочиненіямъ, что авторъ, для поддержанія своего славолюбія и показанія своей собственности, на заглавномъ листѣ нарочно прибавляетъ: *niet vertaald* (не переведено). Въ противномъ случаѣ всякая книга почитается не оригинальною, а *vertaald*.

Голландская Драма занимаетъ одинакую степень съ повѣстями и романами. Голландцы имѣютъ нѣсколько драматическихъ писателей, весьма ими уважаемыхъ; но ни одно изъ ихъ произведеній не появляется на сцену, которой репертуаръ состоитъ изъ однихъ переводовъ съ Нѣмецкаго, Французскаго и Англинскаго языка, и припомъ Нѣмецкія и Англинскія піэсы переводятся на Голландскій языкъ съ Французскаго.

Фондель почищается Голландскимъ *Шекспиромъ*. Соотечественники называютъ его *Царемъ Поэтовъ*. Онъ умеръ въ 1679 году въ глубокой старости. — Въ честь его выбита была медаль съ надписью: D'oudste en grootste Poet (древнѣйшій и величайшій Поэтъ); а въ 1772 году въ новой церкви, въ Амстердамѣ, сооруженъ памятникъ, на которомъ, вмѣстѣ съ пышной эпитафией, вырѣзано одно имя сего славнаго мужа.

Изъ многихъ его Трагедій, по сіе время удержалась на сценѣ только одна, подъ именемъ: *Гисбертъ Амшель*. Содержаніе оной: осада города Амстердама Испанцами. — Гисбертъ Амшель, Начальникъ гарнизона, получаетъ чрезъ посланнаго извѣстіе (въ весьма просшранной рѣчи) о подступленіи непріятели и приговореніи къ нападенію. Амшель тотчасъ раздаетъ нужныя приказанія для опраженія враговъ. Въ одно мгновеніе сцена перемѣняется во внутренность женскаго монастыря, гдѣ изъ-за раскрашенныхъ спекольныхъ рамъ видны монахини, копорыя, послѣ шоржественнаго молчанія, начинаютъ пѣть полунощныя псалмы. Музыка сооп-

вѣтствуетъ важности предмета и производитъ сильное впечатлѣніе. Среди сихъ священныхъ пѣснопѣній слышны вдали военные клики и шумъ, копорые мало помалу приближаются и приводящъ монахинь въ изумленіе и замѣшательство; однакожь пѣніе продолжается до пѣхъ поръ, пока Испанцы разламываютъ монастырскую рѣшетку и съ обнаженными мечами врываются и нападаютъ на поющихъ монахинь. Крикъ и смятеніе дѣлаются несшерпимыми. Монахини на колѣняхъ умоляютъ о пощадѣ и занавѣсь опускается. Не успѣешь оглянувшись, какъ оный опять поднимается, и шумъ начинается побіеніе монахинь, копорыхъ Испанцы большею частію поражаютъ въ грудь. Амспель принужденъ къ опспунленію, оказавъ чудеса храбрости. На побѣгѣ является ему и его сѣмейству Ангель въ облакѣ, и ушѣшая, предсказываетъ, что имя его переживетъ отдаленнѣйшее потомство и что горедъ Амспердамъ достигнетъ величайшей славы и обладанія несмѣтными сокровищами. — За нею обыкновенно дается спаринная народная Комедія: *De Bruiloft van Kloris en Roosje*

(Свадьба Клорида и Розы), которая есть вѣрное изображеніе свадебныхъ обрядовъ, въ старину у Голландцевъ наблюдаемыхъ. Актеры являюся въ костюмахъ семи соединенныхъ Провинцій; опрятность и разнообразіе въ одеждѣ предспавляетъ приятное зрѣлище.

Бильдердикъ написалъ много Трагедій, изъ которыхъ, вѣроятно, ни одна не была на сценѣ, хотя онѣ съ давняго времени въ рукахъ Публики. Супруга его, не менѣе извѣстная пиитическимъ палантомъ, недавно напечатала цѣлую книгу Трагедій своего сочиненія въ ожиданіи награды, обѣщанной однимъ Липпературнымъ Общеспвомъ за лучшую Голландскую Трагедію; но обманулась въ своей надеждѣ.

Въ Амстердамѣ есть Нѣмецкій, Французскій и Голландскій театръ. Во Французскій сѣзжается отборное общеспво; а какъ просный народъ вовсе въ него не ходитъ, по содержаніе сего театра для любительей стоить не дешевле Испаліанской Оперы въ Лондонѣ.

Голландцы величаютъ себя опличными знашоками въ изящномъ, строго

наблюдаютъ драматическое единство, и всѣ Трагедіи ихъ писаны въ стихахъ съ римами. Безспорно, что въ нихъ встрѣчаются прекрасныя мѣста; но онѣ слишкомъ распянушы.

Голландцы спраснио любящъ древнихъ классиковъ, и главныя заслуги Фонделя состоятъ въ счастливыхъ подражаніяхъ *Виргилію* и другимъ древнимъ Поэтамъ.

Многіе ученые Общества въ Амстердамѣ извѣстны подъ названіемъ: *Коллегій*, копорыя помѣщаются въ весьма красивыхъ зданіяхъ; шамъ курящъ табакъ, пьющъ кофе, вино, ликеры и играющъ въ карты. Число членовъ такой Коллегіи проспирается обыкновенно до 200.

На большихъ споллахъ разложены всякаго рода журналы и газетшы Голландскія, Англійскія, Французскія и Нѣмецкія. Есть также библіотеки и билліардныя комнашы. Здѣсь введено въ обычай пищъ кофе въ 12 часовъ; въ это время бывающъ самыя многолюдныя собранія въ обществыхъ. Нѣкопорые изъ сихъ клубовъ состоящъ изъ купцовъ, маклеровъ, банкировъ; а другіе изъ адвокатовъ, но-

шаріусовъ, врачей и духовныхъ. Поэты и оспряки принадлежатъ къ обществу купцевъ. Иностранцы вводятся членами и на цѣлый мѣсяць имѣють свободный входъ. Тутъ встрѣчаются люди изъ всѣхъ странъ свѣта; иностранцы находятъ сіи общества во всякомъ отношеніи для себя выгодными, да и уроженцы проводятъ тамъ большую часть своего времени.— Другой родъ клубовъ исключительно посвященъ литературнымъ занятіямъ. Познанія и вкусъ въ наукахъ и изящныхъ искусствахъ суть перья пипла членовъ, которые принадлежатъ ко всѣмъ классамъ и званіямъ. Собранія бывають одинъ разъ въ недѣлю. Засѣданіе открывается какой нибудь литератураторъ личнымъ разсужденіемъ. Потомъ на кафедрѣ являються другіе члены, которые занимають общество своими пипическими вдохновеніями. Нигдѣ такъ спрашно не любяшь спихотворства, какъ здѣсь, и клубы весьма способствують распространенію онаго, доставляя Поэтамъ случай читать свои произведенія предъ избраннымъ обществомъ, столь щедрымъ на похвалу.

Послѣ выслушанія диссертаціи о древней, или новой липпературѣ какого нибудь Лейденскаго, или Упрехтскаго Профессора, обращаетъ на себя вниманіе общества купецъ, или фабрикантъ. Онъ читаетъ своего сочиненія Оду о величїи Голландїи, о славѣ ея авпоровъ, и п. п.; за нимъ являетъся его прикащикъ съ Балладою, переведенною съ Нѣмецкаго, если Муза его оскудѣла; потомъ какой нибудь старый негоціантъ описываетъ въ спискахъ различныя измѣненія и перевороты торговли, случившіеся при его жизни.

Въ сихъ бесѣдахъ, которыми, кажется, никто не скучаетъ, участвуютъ и женщины; не рѣдко и онѣ всступаютъ на кафедру и своими плавными спрофами приводятъ слушателей въ восторгъ и удивленіе. Впрочемъ въ декламациі онѣ дѣйствуютъ съ большею силою и вдохновеніемъ, чѣмъ прилично прекрасному полу. Извѣстно, что Голландцы весьма горячась въ публичныхъ лекціяхъ: нельзя изъяснить, съ какимъ проворствомъ дѣлаютъ они жесты, взмахивая руками по на шею, по на спину; но женщины въ мимикѣ гораздо ихъ превосходятъ.

Одному Голландцу свойственно слушать сіи безконечныя чтенія и съ перпѣніемъ ожидать знака къ рукоплесканію. Сей знакъ неминуемо слѣдуешь за всякимъ сочиненіемъ, или декламаціею, какъ бы они ни были худы, и обыкновенно даешь однимъ изъ духовныхъ, копорый всякую конченную піэсу напередъ съ важностію выхваляешь.

Вечеромъ позволяешь въ сихъ клубахъ куришь шабакъ. Тогда въ залахъ бываетъ шакой дымъ, что перваго орашора скорѣе можно слышать, чемъ увидѣшь, да и то, когда сидишь вблизи, что весьма шрудно; ибо опъ тѣсношы шолпящихся декламаторовъ нѣшь возможности пройши къ переднимъ мѣшпамъ. Чай, вино, ликеры, пирожное, и проч. супъ главныя принадлежности сихъ вечернихъ бесѣдъ.

Голландскія газетшы заключають въ себѣ выписки изъ иносшранныхъ листовъ; но въ нихъ нѣшь ни слова о внутреннихъ извѣшпіяхъ. Гагскія и Бриссельскія газетшы имѣють привиллегію печашать говоренныя въ ихъ Парламентѣ рѣчи; однакъ не имѣють онѣ орашорскаго до-

сноинства, ибо Голландскіе депушаты не опличаются ни малѣйшимъ щаланпомъ въ краснорѣчіи. Ни одно имя не упошребляется у нихъ въ переносномъ смыслѣ. Сіе сословіе начерпываетъ законы, совѣщаетъ о государспвенныхъ дѣлахъ, ославляя безъ вниманія внушреннія, и не возбуждая любопытства въ полицикахъ и иносшранныхъ публицистахъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что занимашельнѣйшій предметъ сихъ газетъ сославляютъ ежегодныя переѣзды депушатовъ изъ Брисселя въ Гагу, а опшуда въ Бриссель, и что въ одномъ засѣданіи говорили рѣчи по на Фламандскомъ, по на Французскомъ и попомъ на Голландскомъ языкѣ, причемъ Президентъ засшупалъ мѣсто шолмача. Ни одна газета еще до сихъ поръ не осмѣлилась разобрать и объяснить полишическихъ спашей.

Періодическихъ изданій весьма много.—Большая часть печашается въ Брабантѣ на Французскомъ языкѣ и онѣ лучше расходяшся опечеспвенныхъ. Самые лучшіе Журналы на Голландскомъ языкѣ. *De Letteroeffening* (лишперашурныя упражненія) и *De Recensent* Голландскіе кришиче-

скіе Журналы вообще ниже посредственныхъ: они занимаются одною придиркою къ словамъ, и мнѣнія ихъ основаны болѣе на педанствѣ, нежели на вкусѣ и знаніи. *De Weegschaal* (вѣсы) и *De Euptonia*—еже-мѣсячныя изданія самаго послѣдняго достоинства.

Хотя Голландцы приписываютъ себѣ изобрѣшеніе книгопечатанія, однакожь въ шеперешнее время у нихъ нѣтъ изданій, опличающихся совершенствомъ и великолѣпиемъ. Обыкновенно печатають они на худой бумагѣ. Учебныя книги весьма скудны наружнымъ видомъ. Въ 1820 году одинъ Ропердамской Книгопродавецъ издалъ первый Альманахъ на Голландскомъ языкѣ.

Знамениыые Университеты въ Голландіи: Лейденскій и Упрехтскій, утратили свою прежнюю славу. Число студеновъ не значительное. Превосходное Медицииское. Училище болѣе не существуетъ. Лучшіе Голландскіе врачи получаютъ образованіе въ Эдинбургѣ. Лекціи въ обоихъ Университетахъ преподаются на Латинскомъ языкѣ. — Сколько прежде въ Голландіи было распростране-

но классическое воспитание, сколько нынѣ осматривается оно въ небреженіи, не смотря на преобразование ученія, послѣдовавшее за семь лѣтъ предъ симъ. Въ Роттердамѣ находится одна только Гимназія, въ которой считается тридцать студентовъ. Извѣстнѣйшіе Профессора: *Зигенбекъ*, *Боргеръ* и *Фанъ-деръ Пальмъ*. Два послѣдніе духовнаго званія и почитаются за величайшихъ ораторовъ. Студенты обучаются въ квартирахъ своихъ учителей. Здѣшнее Духовенство приноситъ существенную пользу, имѣетъ большее вліяніе и пользуется высокимъ уваженіемъ. Голландецъ привѣтствуетъ пасторовъ своихъ: *Domine*; сіи знаютъ всѣхъ своихъ прихожанъ, помогаютъ имъ словомъ и дѣломъ, и многіе сельскихъ жителей и помѣщиковъ получаютъ домашнее продовольствіе, ибо доходы ихъ весьма ограничены.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ земскія школы, какъ хорошимъ устройствомъ, такъ и многочисленностію. Здѣшніе крестьяне лучше образованы, чѣмъ во Франціи и Англіи: почти все умѣютъ читать и писать. До Французской ре-

волюціи не обучали въ школахъ Грамматики, но нынѣ она вездѣ введена. Правительство содержишь Коммиссію для испытанія учителей юношества. Кандидаты раздѣляются на 7 классовъ, и никто не имѣеть права преподавать другой предметъ, кромѣ того, къ которому Коммиссія признала его способнымъ. Сіе заведеніе, при всей очевидной пользѣ, не сооществуетъ своей цѣли отъ того, что члены сей Коммиссіи не всегда имѣють потребныя качества: ибо обыкновенно опредѣляются изъ купцовъ и лавочниковъ, которые не весьма свѣдуши по учебной части. Особенно, когда дѣло идетъ о принятіи учителей иностранныхъ языковъ, то нерѣдко экзаменаторъ не знаетъ того языка, которому кандидатъ обучать желаетъ. Учители, какъ и всѣ промышленники безъ различія, должны ежегодно покупать папены для безпрерывнаго опправленія своихъ занятій, платя соразмѣрную своимъ доходамъ сумму денегъ. Голландцы всѣми средствами помогаются публичныхъ должностей и званій: ибо они льстятъ ихъ самолюбію. Членъ Коммиссіи испытанія съ важностію мор-

щипъ чело свое, когда предспавляешся ему кандидапъ. Съ иностранцами обращающся они гораздо надмениѣ.

Никогда въ новѣйшя времена Голландія не славилась шакимъ множесливомъ писателей, какъ нынѣ. Упомянемъ о первокласныхъ: *Фейтѣ*, помѣщикъ Гвельдерландскій, вѣрояшно по причинѣ глубокой своей спароспи, проименованъ Царемъ нынѣшнихъ Поэповъ. Его сочиненія наиболѣ писаны въ духѣ Августа Лафоншена; почему и слогъ называется Германскимъ. *Фердинандѣ и Юлія*, чувствившельный романъ и *Гетѣ Граафѣ*, спихошвореніе, супъ отличныя его произведенія.— *Бильдердикѣ* почищается величайшимъ Голландскимъ Поэпомъ. Онъ сначала былъ Адвокатомъ и имѣетъ большія познанія; По характеру и предмету его сочиненій, сравнивается онъ съ Лордомъ Вейрономъ. Впрочемъ сколь бы ни обширны были свѣденія Бильдердика, но высокомѣріе и надменность его безпредѣльны: онъ опвергаетъ величайшихъ Поэповъ всѣхъ націй и обо всякихъ литерашурныхъ заслугахъ отзывается съ пренебреженіемъ. Сочиненія его служатъ разипельнымъ

тому примѣромъ. Онъ жилъ нѣсколько времени въ Англіи, гдѣ по его увѣренію, оказалъ важныя услуги шамошнимъ Поэтомъ, научивъ ихъ Поэзіи!

Послѣ него *Толленсѵ*, купецъ, поргующій въ Ропердамѣ красками, счищается первѣйшимъ Поэтомъ. Однакожь приспращеніе его къ Музѣ не мѣшаетъ ему ежедневно ходишь на биржу и занимаешь своими порговыми дѣлами. Лучшія его сочиненія суть *мѣлкія стихотворенія*. По желанію Правительсва написалъ онъ *народныя пѣсни*.

Всѣ почти опличные писатели, кромѣ Бильдердика, суть кавалеры ордена Льва.

Кампенѵ, весьма уважаемый Прозаикъ. Онъ былъ недавно, а можешь бышь и пеперь, подмасперьемъ у Лейденскаго печашника. Лучшее его сочиненіе: *Исторія Французской Имперіи, въ Европѣ 3 часпи*. — *Лоосѵесѵ*, знашный шипографщикъ въ Гарлемѣ. Тому чепыре года, какъ онъ умеръ. Его: *Приключенія Сусанны Бронкгорстѵ*, романъ въ 6 часпяхъ, заслуживаетъ перевода на всякій языкъ.

Сѵ Нѣл. В. Половцовѵ.

Еще нѣсколько словъ о Бахтисарайскомъ фонтанѣ, не въ Литературномъ отношеніи.

Новая Поэма Пушкина явилась на горизонтѣ Липшерапуры въ бурѣ споровъ, въ вихрѣ крипикъ. Дай Богъ, что бы такое явленіе сопровождалось добрыми слѣдствіями, а нынѣшній годъ былъ гибельнымъ для поддѣльнаго пустоцвѣша Крипиковъ, началомъ новаго переворота дѣлъ по книжной торговлѣ: такъ говорю по купеческой привычкѣ, будучи старымъ книгопродавцемъ и отъ сердца желая событія моихъ предвѣщаній, не только для общей пользы, но и для собратіи моей книгопродавцевъ С. Пешербургскихъ и Московскихъ. Всѣмъ будетъ хорошо, имъ не меньше другихъ, если еще не болѣе.

Не прогая Крипиковъ по части Липшерапурной, нѣкто извѣстный много уважаемый Писатель, которому нѣтъ нужды подписывать своего имени (Нов. Руск. Лип. XIII), рѣшился дать совѣтъ благій и хорошій книгопродавцамъ нашимъ: отъ лица ихъ благодаря почтеннаго Писателя, осмѣливаюсь сдѣлать маленькія поправки въ спашѣ его и прибавишь отъ себя нѣсколько словъ.

Бахтисарайскій фонтанъ купленъ не книгопродавцемъ *Нономаревымъ*, а книгопродавцемъ *Ширневымъ*. Первый, имѣя болѣе свободнаго времени оплущашься опъ лавки своей на Никольской улицѣ, гдѣ у него книги продаются, покупаются и любяются, былъ только посредникомъ между книгопродавцемъ и почтеннымъ Издашелемъ Княземъ П. А. Вяземскимъ, получилъ за работу 500 руб. и слѣдовашельно—не поспоришь, если на то спраш. *Нов. Руск. Литтературы*, имя его замѣнишь именемъ *Ширяева*.—Не знаю, что значишь громкошь книгопродавца и имени его; но если надобно хвалишь, то похвалимъ кого должно.

Просимъ чашателей *Нов. Русской Литтературы*, замѣшивъ сію поправку, замѣшишь и другую, если угодно. *Ширяевъ* выдалъ за рукопись 3000 руб., принялъ на свой счетъ печашанье 500 руб., присовокупя къ тому плашу посреднику, и что въ *Бахтисарайскольб фонтанъ*, не съ большимъ 500 спиховъ, выходишь, что книгопродавцу, каждый спихъ пришелся не за пять, а почти за восемь рублей.

Такой примѣръ (не говоря о другихъ) доказывашель несправедливосшь мнѣнія нѣкоторыхъ, будшо книгопродавцы причиной жалобъ Публики и Писашелей.

Книгопродавецъ—купецъ. Онъ торгуешь

книгами, какъ другіе купцы торгуютъ сахаромъ, перцемъ, корицею, и. е. въ гражданскомъ обществѣ, онъ дѣлается *посредникомъ*, который беретъ у *производителя* (Писателя) его издѣлье, передаетъ *потребителю* (читающей Публикѣ) и беретъ проценты за трудъ. Не вините *посредника*, если издѣлье нейдетъ у него съ рукъ и онъ худо плашитъ *производителю* — виноватъ *производитель*, или *потребитель*, а вѣрно не посредникъ ихъ...

Не буду говорить о *Европейской* читательности нашихъ читателей, которые не читаютъ Русскаго, потому что въ немъ нѣтъ чего-то *Европейскаго* — нѣсколько словъ о книгопродавцахъ:

Кто спойдетъ за кулисами, для того исчезаетъ предельно Оперы; кто заглядываетъ въ Пансіонъ какого нибудь Monsieur N. N. за два дни до экзамена, того не всегда очаруютъ успѣхи учениковъ — Увы! книгопродавецъ за сценою липперашурныхъ кулисъ, часто бываетъ испиннымъ зрителью авторскихъ декорацій и скромнымъ хранителемъ шайнъ экзамена Публики.

Порадуемся не дороговизнѣ стиховъ Пушкина; но тому, что онъ *пишетъ хорошо*: экономическіе расчеты — слѣдствіе этого; смѣемъ увѣрить, что не книгопродавцы бываютъ причиною *противныхъ слѣдствій*...

Если бы могли, опъ лица ихъ, въ раз-

рѣшеніе разныхъ сочиненій, упростишь Русскихъ Авторовъ, пишашъ не думая о разсчетахъ, внимаешь звону лиры, а не звону денегъ—вѣришь, что хорошее оцѣнишься и безъ спараній автора, пускаешь только будешь оно хорошо; упростишь *не многихъ* — избранныхъ пишашъ *больше*, толпу — *неизбранныхъ* пишашъ *меньше*, если нельзя уже имъ пробыть безъ писающа—и всѣхъ вообще и хорошихъ и худыхъ лишператоровъ — не дѣлаешь лишпературныхъ лигъ, спекуляцій и ошкуповъ! Если бы мы могли доказать, что голова, занятая разсчетомъ какого нибудь дѣла, не вмѣститъ эстетическихъ его отношеній—но, примѣръ убѣдительнѣе: Беспушевъ и Рылѣевъ не думали о разсчетахъ, издавая *Полярную Звѣзду*; лучшіе Поэты и Прозаики наши не думали о разсчетахъ, отдавая произведенія свои для сего изданія — и въ слѣдствіе безкорыстнаго производства изящнаго — золото полилось къ нимъ съ похвалами! Если догадливые спекулянты на будущей годъ, по слѣдамъ ихъ, издадутъ нѣсколько альманаховъ, предвѣщаемъ Публикѣ, что альманахи упадутъ въ лишпературномъ достоинствѣ, а Господамъ Лишператорамъ — *съ разсчетомъ экономическимъ* — *ошибку въ сольдѣ кредита по ихъ контрактамъ!*

ПОКОРЕНІЕ ПЕЛОПОНЕЗА ИРАКЛИДАМИ.

Изъ Гиллисовой Исторіи *).

Греція воспоржествовала надъ Троею; но сіе поржество было печально. За бѣдствіями войны слѣдовали несчаспія на морѣ, раздоръ военачальниковъ, разрушеніе союза.

Впрочемъ сіи зоключенія не столько были поразительны, сколько внушенія вражда и мяшежь, возженный своеволіемъ

---

*) Исторія древней Греціи, отъ перво-бышнаго состоянія оной до раздѣленія Македонскаго Государства, содержащая въ себѣ Исторію поселеній и завоеваній Греческихъ, также Исторію Словесности, Философіи и изящныхъ искусствъ. Въ 4хъ часпяхъ. О переводѣ сей книги, на Русскій языкъ объявлено особою Программою. Трудившійся въ переводѣ избралъ сей шрудъ пошому особенно, что изданная имъ сокращенная Исторія, соч. Гольдсмита, можешь служишь какъ бы введеніемъ въ сію Ишорію, которую, по многимъ отношеніямъ, можно назвашь въ своемъ родѣ единшвенною. *Перев.*

народа, и воспламененный гордостью вельможъ въ долговременное и неблагополучное осуществленіе ихъ Царей. Побѣдоносный Агамемнонь едва спустился на опечаленную землю, какъ и лишенъ былъ жизни развратною его женою и вѣроломнымъ убійцею. Сынъ его Орестъ нашелъ защиту въ Афинахъ прошиву гоненій похищателя престола. На осьмомъ году своего изгнанія онъ возвратился съ принявшими его спору и осуществилъ ненавистнымъ злодѣямъ — Эгисту и Клитемнестрѣ. — Орестъ царствовалъ въ Аргосѣ, но уже не съ такою славою, съ какою управлялъ подданными его родителями.

Царство Аргосское никогда не получало своего древняго преимуществва.

Справданія и бѣдствія Улисса сколько извѣстны, что не нужно говорить объ оныхъ. Терпѣніемъ и мужествомъ сей герой возвратилъ царство Итакское, хотя пролилъ кровь значительныхъ своихъ подданныхъ. Если Исторія подробно показала непримиримую вражду гражданъ, господствовавшую въ другихъ странахъ Греціи: то вѣроятно представила бы отвратительную картину

коварства и жестокости; а непрестанно повсюду одни и те же злодеяния и бедствия, упоминала бы внимание и оскорбила чувствительность читателей. Но хотя описание частных и скоро-изменявшихся последствий от сих беспорядков не занимательно и бесполезно: но не менее того достойно примечания, что все они постоянно способствовали къ ослабленію Греческихъ народовъ. Маловажны ихъ событія, въ печеніи чешырехъ послѣдующихъ столѣтій, вовсе не соотвѣтствуютъ блистательности не только Троянскаго, но даже Аргонавтскаго похода.

Исторію сего продолжительнаго періода древніе писатели изображаютъ не съ должною ясностію и полнотою; лѣтосчисленіе онаго не приведено въ надлежащую точность. При всемъ томъ событія, или сами по себѣ занимательныя, или имѣвшія постоянное дѣйствіе на доисторическія времена Грековъ, которыхъ и составляютъ предметъ сего шворенія, могутъ быть изложены ясно и кратко. Желая сохранить неразрывную связь въ повѣствованіи, мы раздѣлимъ на три ча-

спи происшествія, одно за другимъ слѣдовавшія и клонившіяся къ одной и той же цѣли. Въ семь намѣреніи вопервыхъ Разсмотримъ переселенія разныхъ поколѣній, или обществъ, случившіяся въ пѣсныхъ предѣлахъ Греціи; вовторыхъ заведеніе новыхъ поселеній въ отдаленныхъ странахъ Европы, Азии и Африки, а въ третьихъ внутреннія перемѣны, во всѣхъ почти земляхъ происшедшія отъ того, что въ оныхъ введено было правленіе Республиканское вмѣсто Монархическаго.

Въ семь волненій и въ сихъ движеніяхъ наконецъ найдемъ основаніе порядка и устройства. Говоря о переходеніяхъ народовъ, послѣдовавшихъ въ отдаленныя времена, изобразимъ общіе перевороты и непрестанную вражду, начало и усовершеніе единственныхъ установленій, которыя соединили, образовали и украсили разсѣянныя и нынѣ еще распостраняющіяся по всѣмъ странамъ міра племена Греческія.

О переселеніяхъ, бывшихъ послѣ Троянскаго похода, Историки хотя упоминають, но не объясняютъ оныхъ. Главную причину сихъ переселеній можно найти въ Гомерѣ, котораго наславившеля-

ныя и вмѣстѣ приащныя шворенія, однѣ могутъ вѣрно руководствоваться насъ по спранамъ древней Греціи, покрывшимъ мракомъ. По словамъ сего безсмертнаго Пѣснопѣвца, домашнія несогласія, но болѣе неушверженное закономъ обладаніе землею, побуждали Грековъ, хотя знакомыхъ уже съ земледѣліемъ, часто перемѣняясь жилища. Понятіе объ ошдѣльномъ владѣніи землею болѣе всего принуждаетъ людей жить постоянно на одномъ мѣстѣ. Корысполубіе не позволяетъ людямъ оспавлять поля, ими воздѣланныя и украшенныя, а гордосць препящспвуецць имъ разлучиться съ владѣніями, полученными въ наслѣдство. Сіи спрасши, покрывшія мрачныя долины и необишаемыя горы Сѣвера прекрасными и многлюдными городами, а шемъ болѣе непозволяющія другимъ спранамъ міра оспаваться ненаселенными, не произвели бы шакого дѣйспвія на народъ, почишающій землю собспвенностію общества, а не каждаго гражданина порознь. Въ шакомъ народѣ люди привязаны къ обишаемой ими землѣ, шолько какъ члены общества часшнаго. Но когда представляешся имъ

хоня маловажная невыгода въ опечесствѣ, или когда они прельщаются другими видами внѣ предѣловъ земли ихъ: тогда по единодушному согласію выходящъ они изъ владѣній своихъ, дабы совокупными силами и мужествомъ приобрѣсшъ жилища болѣе безопасныя, или болѣе приятныя. Сими причинами побуждаемое племя Віошянь, вскорѣ послѣ войны Троянской, овладѣло плодородными долинами Фессалійской Арнеи. Воишельныя шолпы Фессаліянь шемъ же безпокойнымъ духомъ побуждены были ославить жилища ихъ предковъ. Новые выходцы успремилась съ мянжежнымъ насиліемъ на безоружныхъ Віошянь, копорые такимъ образомъ, полѣ шесшидесяти лѣтъ опъ покоренія Трои, соединились со своими соплеменниками въ древнемъ Кадмовомъ царствѣ.

Спусшя двадцать лѣтъ послѣ сего происшествія, переселеніе, болѣе многочисленное, совершенно измѣнило дѣла Пелопонеза. Слѣдствіемъ онаго было то, что новые жители поселились на всѣхъ западныхъ берегахъ малой Азіи. Враждующія между собою племена Персея и Пелопса издревле спорили о власши надъ пе-

луоспровомаъ Греціи. Счасіе Пелопидовъ превозмогло. Одержавъ поверхноспъ надъ врагами, Пелопиды ихъ преслѣдовали. Попомки и сподвижники великаго Геркулеса, знаменишѣйшаго Героя изъ Персеева племени, будучи лишены принадлежавшихъ имъ владѣній, были изгнаны изъ опечесшва. Изгнанники сперва приняты были Аѳинянами, копорые по челоуѣколюбію, или по дальновидной полишикѣ своей, сдѣлали Ашпику, со времяъ царспвовавшаго въ ней Тезея, убѣжищемъ несчастныхъ. Предводившій изгнанниками Гилль въ послѣдствіи времени усыновленъ былъ ошъ Эпалія, пресшарѣлаго Царя Дарійскаго. Смершъ благоушеля Ираклидовъ вскорѣ сдѣлала ихъ власнишелями сей горисшой обласши. Но пустыни Эшы и Парнасса не могли удовольспвоуашъ людей, копорыхъ предки наслаждались драгоуѣннѣйшими владѣніями. Врожденная Ираклидамъ гордосшъ долговременно унижаема была возраспавшимъ величіемъ Пелопидовъ и славою Агамемнона. Послѣ внезапныхъ бѣдспвій, постигшихъ сего Государя, Пелопиды двукрашно, хошя безъ всякаго успѣха, покушались прорвашься

сквозь Коринѣскій перешеекъ и возвра-
щипь свои древнїя владѣнїя въ Аргосѣ и
Лакедомонѣ.

Попомки въ пяпомѣ колѣнѣ опѣ Гер-
кулеса: Тимень, Крэфоншъ и Арисподемъ
наученные несчастїями лѣтъ прежнихъ,
оставили наконецъ бесполезное намѣре-
нїе заняшь Пелопонезъ сухимъ путемъ.
Но рѣшась употребить всѣ свои силы
къ возвращенїю наслѣдственнѣхъ владѣнїй,
они съ возможною поспѣшностїю гото-
вили перевозныя суда въ удобной къ по-
му пристани. Сїя пристань находилась
на сѣверномъ концѣ Коринѣскаго залива.
Опѣ совершившагося въ ней упомянуша-
го событїя она получила имя Навпакта,
которое сохраняла и послѣ. Воинствен-
ные и хищные Эполяне, коихъ предводи-
тель Оксиль почитался близкимъ род-
ственникомъ Геркулесовыхъ попомковъ,
охотно раздѣляли труды съ Греками, же-
лая раздѣлить съ ними и корысть, ожи-
даемую опѣ похода Ираклидовъ. Доряне,
жившіе въ окрестностяхъ горы Пинда,
охотно оставили мрачныя и уединенныя
лѣса свои, дабы найти владѣнїя въ спра-
нѣ болѣе приятной и болѣе воздѣланной.

Оживленные такою помощію Ираклиды усугубили свое раченіе. Они пригошвили все нужное къ нападенію: но надѣясь на оружіе свое, не излишнимъ считали употребить и хипроспъ. Тайными происками преклонили на свою сторону нѣкопорыхъ Лакедемонянъ, и, не пускаясь въ море, опрядили часпъ легковооруженнаго войска. Появленіе онаго на перешейкѣ отвлекло шуда силы неприятелей. Послѣ чего суда Ираклидовъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, достигли восточныхъ береговъ Пелопонеза. Гераклиды высадивъ на землю сподвижниковъ своихъ безъ всякаго сопротивленія, напали на беззащитныя земли, копорыя почитали принадлежавшими имъ по праву. Сіи земли содержали въ себѣ весь полуостровъ, исключая лежавшую въ средоточіи обласпъ Аркадію и приморскія страны Ахаіи. Пяпъ другихъ обласпей заняшы ими въ одно время, хопя разными средспвами. Лаконія предалась завоевателямъ; Аргось призналъ власпъ ихъ; Коринѣъ, Элида и Мессинія покорены оружіемъ. Послѣдоваль совершенный переворотъ. Оный произведенъ съ небольшимъ кровопролитіемъ, но

съ великимъ угнепениемъ прежнихъ жителей, изъ кошорыхъ одни оставили опшечешво, а другіе обращены въ рабство.

Сб Англинскаго. — А. Огинскій.

МИХАИЛЬ ЧЕРНИГОВСКІЙ *).

Природа тихо засыпала.
 Луна, смошрясь изъ облаковъ,
 Сіянемъ слабымъ озаряла
 Вершины шелковыхъ шапровъ;
 Все сшихло въ полъ, все дремало.
 Заснулъ войнолюбивый Ханъ
 И смолкъ Ордынцевъ грозный спанъ.
 Ничшо ихъ сна не прерывало.
 Порою лай Ташарскихъ псовъ
 И шойношъ конской раздавались,
 И спражи вѣрныя съ холмовъ
 Въ шиши ночной перекликались.
 Все спишь въ безмолвіи кругомъ
 Лишь Князь Чернигова несчастной,
 Приговоренный злымъ врагомъ
 Къ кончинѣ скорой и ужасной,
 Не спишь съ своими въ шъмѣ ночной —

---

*.) Изд. Благ. искренно благодаритъ неизвѣснаго молодого Поэша за *Михаила Черниговскаго* и слѣдующія два стихошворенія.

И съ умиленною душой
 Псалмы чишаешь громогласно:
 Онъ швердъ—въ спрадани его
 За вѣру казнь не ужасаетъ.
 Феодоръ добрый, утѣшаетъ
 Въ несчастьи Князя своего.
 Напрасно вѣрная дружина
 Спрадальца хочешь умолишь,
 Велньямъ грознымъ усшупишь
 Орды—обширной Властелина ...
 Не измѣнился Михаилъ—
 И, полный ревностью священной,
 Боярамъ Русскимъ говорилъ:
 “Умру отъ злобы разъяренной,
 Паду за вѣру—въ грозный часъ....*)
 Но брашья! грѣшный и смиренной
 Не погублю души для васъ!,,
 И свергнувъ маншю злешую,
 Примолвилъ съ швердосшью: “друзья!
 Возьмите славу прочь земную;
 Небесной славы—жажду я!,,—

Текушь минушы. Засвѣшилось
 Злашее солнце въ небесахъ.

---

*) Волхвы, или Жрецы Ташарскіе говорили Князю что предъ вспушленіемъ въ спавку Ханскую, ему должно пройти рядъ священныхъ огней и поклониться кумирамъ Ордынскимъ; Михаилъ опшвергнулъ ихъ предложение—и былъ осужденъ къ смерти.

Все быспро въ спанѣ пробудилось
 И оживилось все въ шапрахъ.
 Мечи Ташаръ гремяшъ и блещущъ;
 Вояре Русскіе препенущъ;
 Убійцы подали сигналъ—
 Какъ шигры, бросились Ташары —
 На Князя сыплюшя удары—
 И окровавленный онъ палъ.
 Но душу Богу возвращая,
 За вѣру праощевъ молясь,
 Не ослабѣлъ душею Князь.
 Ордынской злобѣ уступая —
 “Я Хрисціанинъ,,—онъ шепшалъ,
 И край родный благословлялъ.
 Опсшупникъ вѣры Хрисціанской,
 Доманъ, покорный волѣ Ханской *),
 Главу несчастному опсѣкъ.
 Шумя, спруи кровавыхъ рѣкъ
 Собою землю обагрили.
 Но ими лютоспи своей
 Они еще не уполили
 И Федоръ палъ опъ ихъ мечей . . .

Но живы въ памяти людей
 Сыновъ Чернигова спраданья;
 Ихъ незабвенныя дѣянья
 Прейдушъ къ попомкамъ позднихъ дней.
 Они мученьями своими

---

*) Жишель города Пушивля.

Вънецъ, неплѣнный обрѣли—
И Россіяне нарѣкли
Друзей Опечесшва Свяшными.

ПАСТУШКА И СТАРЕЦЪ.

(Изъ Constant Dubos.)

Старецъ.

Что дѣлаешь ты здѣсь, красавица моя?
Что сердца своего миръ кропкой возму-
шило?
Скажи, лишилъ ли кто тебя овечки ми-
лой,
Иль о возлюбленномъ скорбишь душа твоя?

Пастушка.

Нѣтъ, дней моихъ любовь еще не возму-
щала,
Ягненка моего волкъ хищный не стра-
шишь;
Но сердце бѣдное по махери грустишь—
Я съ смертію ея все въ міръ поперяла.

Старецъ.

Млеко моихъ овецъ, плоды моихъ трудовъ,
Пастушка, раздѣлю охотно я съ тобою.

Приди, невинная—опъ въпровъ и громовъ
Тебя подъ сѣнію моею я укрою.

Пастушка.

Увы! подъ бременемъ несчастія и лѣпъ
Ужель родишель мой умрешъ безъ вспомо-
женья?
Онъ воспихаль меня, я имъ узрѣла свѣшъ—
И мнѣ ли не подашь сшрадальцу ушѣшенья?..

Старецъ.

Къ чему, красавица, къ чему возобновляшъ
Свои несчастія близъ машерней могилы?
Оспавъ сіи мѣша: тебя, о другъ мой ми-
лый,
Мученья новыя лишь будущъ здѣсь терзашъ.

Пастушка.

Увы! лишь только здѣсь отраду обрѣшалъ,
Лишь здѣсь люблю бродить съ печальною
душой,
Въ слезахъ о счасіи минувшемъ вспоми-
наю.
Ахъ! дай мнѣ слезы лишь близъ машері
драгой!

НА СМЕРТЬ М.

Чшо наша жизнь?—одно мгновенье,
 Невѣрныхъ радостей для смертнаго удѣла!
 Нашъ М...оплелъ въ небесное селенье—
 И кругъ друзей осиротѣлъ —
 Давно ли оживлялъ бѣсѣды шны собою?
 Давноль съ друзьями ликовалъ?...
 Но насъ кончины прозвучалъ —
 И наши радости сокрылись за шобою!
 Ни добрая душа, ни юность не спасли
 Тебя отъ смерти непреклонной
 И рано ладонь благовонной
 Надъ гробомъ друга мы возжгли.

П Ъ С Н И.

I.

1 й голосъ.

Ярко солнышко блеститъ,
 Знойный лучъ его палитъ;
 Оподземъ въ шѣни древесной
 Отъ трудовъ своихъ.

2 й голосъ.

Колыша ручья пошокъ,
 Вѣетъ тихій вѣшерокъ;
 Онъ смягчаетъ жаръ полдневный—
 Спанемъ работашъ.

1 й голосъ.

Слышишь! свищеть соловей;
 Нѣжной пѣсенкой своей
 Онъ зоветь, въ пиши дубравной,
 Насъ вкусишь покой.

2 й голосъ.

Нѣтъ, онъ нѣжно шакъ свиспишь,
 Чшо бы шрудъ нашъ усладишь;
 Силы всѣ свои собравши,
 Спанемъ работашъ.

1 й голосъ.

По шравѣ ручей журчишь;
 Мнишся мнѣ, онъ говоритъ:
 “Полдня часъ насшалъ; оставъше
 Трудъ на время свой.”,

2 й голосъ.

Видишь, пчелка по цвѣшамъ,
 На лугу порхаетъ шамъ;
 Подражая ей, любезный!
 Спанемъ работашъ.

1 й голосъ.

Льещя градомъ пошь съ меня,
 Не могу шрудиться я;

Подкрѣпивъ себя покоемъ,
Сшанемъ работашь.

2й голосъ.

Ну теперь и я гошовъ
Опдохнушь въ шѣни дерѣвъ,
Чшобъ собрашься съ новой силой
Трудъ нашъ продолжашь.

Оба.

Сладко сладко опдыхашь,
Ушомившись работашь;
Трудъ веселю приправа,
Счасшя вина.

2.

Давно ли Зефиры порхали, рѣзвися,
Съ цвѣшка на цвѣшокъ?
Давно ли кришальный, по лугу вѣся,
Журчалъ ручеекъ?
Сшенаньемъ встрѣчала дубровна пѣвица
Явленье зари,
И блескомъ зашила, давно ли, денница
Кришальны струи?
Но все миновалось, съ весною увяла
Природы краса,
И памъ, гдѣ душисны цвѣшы окропляла
Вечерняя роса,
Гдѣ Нимфы встрѣчали веселой шолпою

Свѣтъ психой луны,
Тамъ радости сгибли шамъ снѣжны зимою
Проспершы холмы.

Не такъ ли жизнь наша въ заботахъ про-
мчишся

И юности цвѣтъ,
Не такъ ли весеняго блеска лишшся
Съ печеніемъ лѣтъ?—

Не такъ ли ушѣхи, веселья, мечпанья
Ошъ насъ оплешяшъ?

Не такъ ли печали, напасши, спѣ аданья
Жизнь нашу стубяшъ?

Но снова природа ошъ сна пробудшся:
Луга разцвѣшупъ,

Игривыхъ Зефировъ сонмъ легкій про-
мчишся,

Ручьи пошекупъ.

Лишь мы не дождемся дней юности нѣж-
ной;

Минувшихъ ушѣхъ;

Сспремшся къ могилѣ—удѣлъ неизбѣжной;
Она скроешъ вѣхъ!

3.

Люблю тебя! ужель презрѣнье
За спрасъ въ награду получу?
Уже ли вѣчное мученье
Невольнымъ чувствомъ заслужу?

Люблю тебя! взаимность въ спрасши
 Мечшой пусть будетъ для меня;
 Могу спрадашь, шерпѣшь напасши,
 Но не могу забышь тебя.

*

Люблю тебя! пускай преграду
 Положитъ счастью люшый рокъ;
 Въ печали шу найду опраду,
 Чшо полюбимъ тебя я могъ.

*

Любя тебя—гошовъ на муки,
 Коль счастье шемъ шебѣ куплю:
 Снесу всѣ шягосши разлуки,
 Тебя другому усшуплю.

*

Любя тебя—шогда завяну,
 Какъ вянешъ безъ росы цвѣшокъ;
 Винишь въ жеспокосши не спану,
 Ропшашъ на свой не буду рокъ.

*

Любя тебя—сойду въ могилу
 И вздохъ послѣдній испущя,
 Скажу я имъ, шебѣ, чрезъ силу:
Люблю тебя, люблю тебя!

Казань.

Пот...нѣ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ НОВОЙ ПОЭМЫ ГРАФА Д. И. ХВОСТОВА *).

Инвалидъ, объявляя чипапелямъ 1 го Маія сего 1824 года о гуляньи, копорое каждогодно бываешъ въ Екашерингофъ, присовокупляешъ, что Графъ Д. И. Хвостовъ сочинилъ описательную Поэму на сей случай. Знаменишый Авпоръ, желая угодишъ Публикъ, медлишъ печатаніемъ своихъ стиховъ по той причинъ, что дѣлаешъ къ онымъ рисунокъ для гравированной карпинки. Расположеніе сего стихотворенія, копорое *Инвалидъ* удостоилъ назвашъ Поэмою, ешъ слѣдующее. Авпоръ начинаешъ картиною весны; описывая пустошу обильнаго прекрасными зданіями С. Пепербурга въ день гулянья, предспавляешъ ѣдущихъ на легкихъ по рѣкѣ судахъ, на парадъ и въ экипажахъ; попомъ изображаешъ разныя группы гуляющихъ. Къ самому вечеру, исполнясь восторга, видишъ Музу, копорая ему вѣщаешъ о подвигахъ ИМПЕРАТОРА и при-

---

*) Прислаки ошъ неизвѣснаго.

помъ о возобновленіи ИМЪ гулянья, учрежденнаго ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ. Послѣ того онъ обращается къ Преобразителю Россіи, и изъявивъ ЕМУ должную дань благодарности, упоминаешь о новыхъ заведеніяхъ въ Екашерингофѣ при Графѣ Милорадовичѣ, именно: о фермѣ, или домѣ хозяйства, о библиотекѣ, о воксалѣ, о горахъ, о дѣпскомъ садѣ, о розовомъ полѣ, и проч. Выпишемъ нѣсколько мѣспъ для нашихъ читательницъ.

I.

О Май! ... владычество весны! ...

Наперсникъ милый древней Лады!

Тобою вновь дышатъ отрады,

Цвѣтки въ подножіе даны.

Весна! пиръ цѣлыя природы!

Весна! настали хороводы;

Весна! и зашумѣли воды.

Весною пшички по ушрамъ

Поюшь съ воспоргомъ пѣснь Аврорѣ,

Поюшь, какъ Фебъ, спускаясь въ море,

Ввѣряешь лучъ златый водамъ.

Зефиры нѣжные, крылашы,

Гулянья въ знаменитый день

На воздухъ сыплюшь аромашы,

Качая бѣлую сирень.

2.

Нева, богашая судами,
 Плѣняешь восхищенный взоръ;
 Лучь Феба, какъ алмазь, фосфоръ
 Горишь, сливаясь съ водами.
 Толпишься къ приспани народъ,
 Слѣша на яликъ и элбошь:
 Иной лешишь подъ парусами;
 Иной съ сѣдыми волосами...
 Иная двухъ дѣшей — сынковъ
 Сажаешь въ каперъ съ собою;
 Иная, плышь боясь водою,
 И глазъ не спустишь съ берегомъ.

3.

Всѣ возрастны изъ всѣхъ земель
 Въ одну веселья мешаешь цѣль.
 Свой плащъ съ киспями золошыми
 Изволилъ щеголь развернуть,
 Буквальникъ рядомъ съ запяшыми,
 И всѣ къ Екаш-рингофу въ пушь,
 Коль спанешь вѣшеръ шихо душь.

4.

Въ свободномъ праздничномъ народѣ
 Вдругъ поселянки не по модъ
 Свои зашѣяли игры:

Въ шубейкѣ, ленштѣ, сарафанѣ,
 Съ дѣпиной въ голубомъ кафшанѣ,
 Сшупя на мягкіе ковры,
 Услыша звукъ рожка, свирѣли,
 И милыя издавно прели,
 Съ разумникомъ пошли плясать.

Такъ ловко, живо, спройно, плавно
 Съ Огюспомъ Колосова славно
 Одна насъ можешь восхищать.

Бруманъ, ремесленникъ извѣстной,
 Погодой пользуясь прелестной,
 Работу опложа на срокъ,
 Избравъ подъ деревомъ лужокъ,
 Съ супругой дочкой, самоваромъ,
 Со всею домкомъ, во фракъ сшаромъ,
 Изволишь подчивашъ госшей,
 Иль шупишь съ дочкою своей.
 Женихъ ея, сидящій рядомъ,
 Ласкается угрюмымъ взглядомъ
 И пошупленіемъ очей.

Невѣстѣ, въ знакъ любви и жару,
 Куришь ей подъ носомъ сигару.
 А сбипеньчикъ, спѣша пайкомъ,
 Поетъ: *иди гулять съ умоли*.

Онъ провожаешья шолпою
 Лимоновъ, апельсиновъ въ рядъ;
 А шамъ сшаринныхъ лѣшъ нарядъ,
 И кумъ цѣлуешься съ кумою.

5.

Уже вечерняя заря,
 Дубравы, горы озаря,
 Лучи просшерла пурпуровы
 На зданья сшарыя и новы.
 Нева, кичась богатшствомъ водъ,
 Въ заливъ пируешъ мирный входъ.
 Она, раскинувъ рукавами,
 Какъ лебедь чистая плывешъ,
 И осъненная древами
 На берегъ моряковъ зовешъ,
 Гдѣ вкуса новое явленье
 Искусшвъ съ природою сщъпленье.

6.

Огъ разъяренной въ бурю влаги
 На славномъ берегу Невы,
 Крушя хвостами, лежа, львы
 Сшрегутъ у павильона флаги.

7.

Подалѣ въ лѣску сръшную
 Я вновь крешьянскую избу,
 И по шропинкѣ шущъ гульбу
 Напрасно окончатъ мечшную.
 Тамъ оконъ сшворчашыхъ спекло,
 Сшолы, скамейки шесовыя,

Салфешки бранныя, простыя;
 Не ужель здѣсь забрель въ село,
 Приюшь просполудиновъ славный?
 И полдникъ повстрѣчалъ исправный,
 Гдѣ Русской гость, свой зная рядъ,
 Кричишь: “не нуженъ лимонадъ;
 Лишь былибъ пряники, орѣхи
 Послѣ обѣда для пошѣхи.,,

8.

Здѣсь вкуса шоржештво прекрасно;
 Увы! Екаш-рингофа Бардъ,
 Спремлюсь я воспѣвать напрасно,
 Что Русскій затѣвалъ Баярдъ;
 Трофеемъ новымъ, мирнымъ, яснымъ
 Онъ при Невѣ прославленъ сшалъ.
 Графъ Милорадовичъ подъ *Краснымъ*
 Быстрѣе молніи лешалъ.
 На Альпа гордыя вершины
 По бурнымъ облакамъ спупалъ.
 Герой въ чершюгахъ Мнемозины,
 Носишель мирнаго вѣнца
 ПЕТРОВОЙ у подножья славы,
 Онъ здѣсь устроилъ намъ забавы
 И всѣхъ обрадовалъ сердца.

ВЪ АЛЬБОМЫ.

1. N. N.

(Акростихъ.)

Альбомъ! скажашь ли имя той
 Навѣки, съ кемъ бы не распался? —
 Но ты болшливъ—бѣда съ шобой!
 Ахши! и самъ я проболшался.

И. М.

2. Сашенькѣ О ...

(Экспролитъ.)

Будь, Сашенька, умна,
 Добра шиха, скромна;
 Поменѣ рѣзвися,
 Поболѣ учися—
 И будешь всѣмъ мила.
 Дай Богъ, чшобъ не была
 Опшюдъ шы горделива,
 Капризна, прихоплива,
 Завидлива, ревнива—
 И будешь шы счасшлива.

МЫСЛИ ПРИ ГРОВѢ С. Д. П.

Ты ли это, Софія? Гдѣ живыи румянецъ, игравшій на прелесныхъ щекахъ твоихъ? Гдѣ пронзительные взоры, блиставшіе веселіемъ и оспроуміемъ? Гдѣ восхищительная улыбка? — Лице пвое покрыто смертною блѣдностію; глаза сомкнулись, сомкнулись навѣки. Видна еще улыбка; но это не улыбка радости, а горести, спраданія, смерти!

Не уже ли въ самомъ дѣлѣ спую передъ гробомъ твоимъ? Не уже ли во гробѣ ты, прелесная Софія? Давно ли въ сей самой комнатѣ восхищала ты насъ веселою своею бесѣдою? Гдѣ форпиано, на кошоромъ въ послѣдній разъ играла ты при мнѣ любимую мою арію? Не услышу ее болѣе никогда, никогда! Скоро раздасся здѣсь погребальное пѣніе, скоро оставишь ты прежнее жилище свое!

Рано пресѣклась жизнь твоя! Ни младость, ни прелести, ни дарованія, ни добродѣтели твои не отвратили роковаго удара неумолимой Смерти. Слѣзное чудовище! Зачемъ медлишь она поражать изверговъ, кошорые живутъ для однихъ

полюко злодѣяній? А ты желала ли когданибудь хопя малѣйшаго зла врагамъ своимъ? Рѣдкіе дары получила ты опъ природы; но самый лучший, неоцѣнимый даръ ея — былъ доброе, превосходное швое сердце .

Какъ скоро забывала ты наносимыя тебѣ оскорбленія! Съ какою любезностію и добродушіемъ принимала малѣйшее тебѣ угожденіе! Кто не любилъ тебя, Софія? Кто болѣе тебя имѣлъ средствъ нравиться уму и сердцу? Самая Зависть не могла не признавать въ тебѣ многихъ совершенствъ: теперь опдасъ она тебѣ полную справедливость. Смерть, одна полюко Смерть обезоруживаетъ Зависть и Злобу.

Забуду ли когданибудь счастливые часы, проведенные вмѣстѣ съ тобою? Вижу, какъ теперь, волшебные швои взгляды, очаровательную улыбку; слышу, кажешся, какъ ты говоришь, читаешь. Ты была украшеніемъ, душою дружескихъ нашихъ ученыхъ бесѣдъ; ты оживляла ихъ своею любезностію и оспроуміемъ. — Ты родилась для славы, для счастья. Судьба, казалось, улыбалась тебѣ...обманчивая, вѣроломная улыбка!....

Свершился печальный и священный обряд! Родственники, друзья, служители прощаются навсегда съ тобою. Несчастный супругъ швой въ опчаяніи; малюпка сынъ не въ силахъ удержашь слезъ своихъ и рыданій; на всѣхъ лицахъ вижу непришворную печаль и соболъзнованіе. Съ шрепешомъ прикладываю усша мои къ холодному челу швоему. И вошь уже шонкое покрывало задернуло блѣдное лице швое, зазвучала гробовая крышка... Прощи, Софія! прощи навѣки!

Иду въ безмолвіи за гробомъ швоимъ. Куда провожаемъ шебя, Софія? Туда, опкуда никогда уже не возврапишься! Будемъ приходишь къ шебѣ, но не увидимъ, не услышимъ шебя!... Доспигли жилища мершвыхъ! Оспановилась печальная колесница. Руки родственниковъ и друзей несущь шебя сквозь надгробные памяшники къ могилѣ. Медленно опуспился въ могилу блеспящій гробъ. Сухая земля и песокъ сыплютсь на бархашь и золошо. — Съ послѣдними звуками погребальнаго пѣнія канула шуда крупная слеза искренней дружбы.

5 Мая 1824.

И.

Опвѣсть Господину С . . . на его разборъ 1 й часпи *Мнемозины*, помѣщенный въ 15 N° *Сына Отечества*.

Не знаю, кемъ писанъ, помѣщенный въ 15 N° *Сына Отечества* разборъ первой часпи издаваемой Княземъ Одоевскимъ и мною *Мнемозины*.—Несмотря на то, что нѣкопорыя мнѣнія Сочинителя сей спашьи, какъ мнѣ кажется, не совершенно справедливы—я не подозреваю его ни въ *лигнолѣ*, ни въ *лѣстномлѣ пристрастїи* *) (*предубѣжденїи?*), и потому-то считаю прияпною для себя обязанноспїю опвѣчать ему.

Начну съ признанїя.—Спрого Г. С. . . . судишь о наружномъ видѣ *Мнемозины*, но къ несчастїю . . .

On fait ce que l'on peut,
Et ne pas ce que l'on veut.

Въ слѣдъ за симъ грознымъ приговоромъ, сказавъ о *Старикахъ Острова Панъ*

---

*) Слова Г. С. . . .

Жаи Кн. Одоевскаго, что мысль, служащая основаніемъ сей спашьъ весьма остроумна; что въ ней еспь счастливыя выраженія и вѣрныя замѣчанія, Г. Рецензентъ спрашиваетъ:

Когда же складны сны бывають?

Такимъ вопросомъ, по моему мнѣнію, не должно бы оканчивашься сужденіе о спашьъ, достоинствѣ коей признаетъ самъ Г. Рецензентъ.

Далѣе, разбирая мое описаніе Дрезденской галлерей, онъ предполагаетъ, что художникъ можетъ изобразить — *идеаль безобразія*. Что такое идеаль безобразія? Не все ли это равно, что *свѣтлая тьма*, или *знойный морозъ*?

Г. Рецензентъ находитъ слишкомъ рѣшительнымъ мой приговоръ, что Рубенсъ лишень всякой прелести. Увѣренъ, что въ моемъ обозрѣніи Дрезденской галлерей много ошибочнаго, много незрѣлаго; увѣренъ, что теперь на каршины, составляющія сіе собраніе, я самъ сморѣлъ бы совершенно другими глазами — оппечаталъ же я свою спашью именно и единственно для того, что бы она

вспрѣшила просвѣщенныхъ, умныхъ противниковъ, и что бы шемъ обратила вниманіе нашихъ липператоровъ и путешешвенниковъ на теорію изящныхъ искусствъ вообще и живописи въ особенности.—Но дабы убѣдиль меня въ томъ, что и Рубенсъ можеть быть прелестнымъ, Господину Рецензенту, кажется, надлежало бы привестъ другія доказательствъ, а не указать мнѣ на шакъ называемую Исторію Маріи де Медичи - рядъ сухихъ, холодныхъ, иносказательныхъ картинъ, находящихся въ Луврской галлерей, произведеній доспойныхъ примѣчанія—по одной своей огромности. —

Г. Рецензентъ спрашиваешь, гдѣ я нашель, что краски Рембранта мушны? и увѣряешь, что въ нѣкоторыхъ цоршрешахъ, находящихся въ С. Петербургской Эрмишажной галлерей онъ, по ешь, Рембрантъ блиспаешь *всею (?) свѣжестью, несмотря на разстояніе вѣковъ (?)*, которые не могли его потемнить въ *своелѣ полетѣ (?)*. Галлерейю Дрезденскую помню лучше С. Петербургской Эрмишажной, ибо по моемъ возвращеніи изъ за границы не удалось мнѣ вновь посѣпиль

сію послѣднюю. — Ипакъ, бышь можеть, Г. Рецензеньшъ правъ; но онъ забываетъ, что говорю о Дрезденѣ, а не о С. Пешербургѣ, объ историческихъ картинахъ, а не объ лиценачерпаніяхъ—(*лиценатертамія*—съ позволенія Господина Рецензеньша.)

Долгъ платежливъ красенъ; на вопросы Господина Рецензеньша осмѣлюсь я предложить ему вопросъ: гдѣ Г. Рецензеньшъ нашель, что нахожу больше прелести въ картинахъ Альберша Дюрера и Луки Кранаха, нежели во всѣхъ произведеніяхъ Фламандской школы?

Въ отношеніи къ искусству, *прелести, обдѣлкѣ*, говорю (на 78 стр. *Мнел.*), что лучшее мною видѣнное произведение старинной Нѣмецкой школы, *Мадонна Гольбейна* *можетъ* выдержашъ сравненіе съ картинами лучшаго времени Нидерландской школы: гдѣ же шущъ предпочпеніе? — Что же касается до *Поэзіи*, это иное дѣло. Чувства, шеплошу и вдохновеніе—испинныя, главныя достоинства прямой Поэзіи—я почно въ самыхъ безобразныхъ созданіяхъ Луки Кранаха и Альберша Дюрера вспрѣчалъ чаще, нежели въ большей части *выглаженныхъ* вы-

ещенныхъ порожденіяхъ Фламандской
киспи.

Г. Рецензентъ недоволенъ моимъ сло-
гомъ; спрашно бы было опвѣчать: “вы
ошибаетесь, Г. Рецензентъ, слогъ мой
хорошъ!”, — Ишакъ, ограничиваюсь полько
объявленіемъ, что въ ію часъ нашего
изданія вкралось, безъ нашей вины, множе-
ство опечашокъ. Эшо насъ конечно не
оправдываетъ и не можетъ оправдать
въ глазахъ нашихъ читателей, копорымъ
наши обспоятельница неизвѣсны и
копорымъ до нихъ нѣтъ никакой нуж-
ды. — Сверхъ того, Господинъ Булгаринъ
говоритъ, что на счетъ опечашокъ мож-
но опнесши многое: и тогшо смѣшно бы
было назвашъ опечашками всѣ погрѣш-
ности, вспрѣчающіяся въ нашей *Мнемо-
зинѣ*. — Впрочемъ не сомнѣваюсь, что бла-
гонамѣренный (въ испинномъ смыслѣ се-
го слова) Рецензентъ мой, помѣспившій
свою каршину въ *Сынѣ Отечества*, повѣ-
ритъ мнѣ, что *раковидная* вмѣсто рако-
винная, *полеты* вмѣсто *портреты*, *сы-
нове* вмѣсто *сыны* почно и ничшо иное
какъ опечашки.

Наконецъ я долженъ извинишья пе-

редь своими чипашелями, что въ своемъ опвѣстѣ на разборъ Господина С... сколько говорю о самомъ себѣ: самъ почтенный мой Рецензентъ подалъ мнѣ къ тому поводъ, ибо распространяется всего болѣе объ моихъ спашьяхъ.

Еще упомяну, что Господинъ С..., говоря объ опривкахъ изъ прекрасной Комедіи Князя Шаховскаго, спрашиваетъ: "для чего въ оныхъ вспрѣчающіяся слова шрудныя для выговора и для понятія, напр. *нелжевтныя цуста?* "Нелжевтный слово, по моему мнѣнію, весьма понятное, *приятное* слуху, а для выговора *ни* мало незапруднишельное.

Въ заключеніе благодарю Господина С... за его разборъ спрогий, но умный, неприспраспный, писанный со всемъ благородствомъ, долженспвующимъ опличать испиннаго лишперашора, опъ Ариспарха въ родѣ шѣхъ, изъ которыхъ одинъ въ *Литтературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* также разбиралъ *Мнемозину*, или, лучше сказать, всячески силится изковеркашь, изуродовашь и обругашь ее.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.
 ~~~~~

Объявленіе о новой книгѣ.

Любители Христіанскаго благочестія и опечесшвенной Словесности извѣщаются о вышедшей въ свѣтъ новой книгѣ, подъ названіемъ: *Надгробныя Слова Флешьера, Епископа Нилскаго* — переведенной съ Французскаго языка на Россійскій. Сія книга состоишь изъ 19 печатныхъ листовъ и 8 Надгробныхъ Словъ, именно: 1) Герцогинѣ де Монпозье; 2) Герцогинѣ Эгильонъ; 3) Маршалу Тюреню; 4) Президенту Ламуаньону; 5) Маріи Терезіи Австрійской, Королевѣ Французской и Наварской; 6) Лешельеру, Французскому Канцлеру; 7) Маріи Аннѣ Христиинѣ Баварской, Дофинѣ Французской; 8) Карлу Сеншъ-Мору, Герцогу де Монпозье, Перу Франціи. Въ началѣ книги предложено краткое описаніе жизни и характера Автора.

Что касается до достоинства сихъ Словъ, то извѣстно, что Флешье занимаетъ отличное мѣсто между знаменитыми Французскими Церковными Орапорами. Вотъ что говоришь о Надгробныхъ Словахъ его г. Монжень:

“Надгробное Слово до Флешьера состояло въ искусствѣ прелесныхъ вымысловъ. Оно было совершенно *свѣтское* искусство, копорому, не имѣя въ виду ни Истины, ни

Религiи, писатели сего рода посвящали ложныя добродѣтели великихъ людей и — часшо самое величiе. Но мудрый Флешье, похваляя умершихъ, думаль единшвенно о томъ, что бы давать уроки живымъ и оплакивать величiе человѣческое, по причинѣ сопровождающей оное суешы, или смерти оное разрушающей. Мало было того, что бы происходишь изъ знашнаго рода, имѣшь высокiя достоинства, или предложить великiя награды, дабы заняшь мѣсто между безсмертными его Ироями. Дабы не обманушь истину, Флешье хвалиль одну добродѣтель; дабы не льспишь изображаемымъ лицамъ, онъ спарался снимать свой каршины съ одной изящнѣйшей природы; всѣ его Ирои суть Ирои образцовые, шакъ какъ и всѣ его сочиненiя. Посему ты удивляешся, видя въ душѣ одного человѣка душу многихъ великихъ мужей—душу Завоевателя, Мудреца, великаго Градоначальника и искуснаго Полищика. Флешье возвышенъ, разнообразенъ, обилень, и принимаетъ всѣ виды людей даровитыхъ и добродѣтельныхъ. Обольщенiе столь у него сильно, что думаешся, будшо дѣйствительно видишь все то, что только чипаешь, или слушаешь. Съ книгою въ рукахъ ты переносишь къ осадамъ городовъ и сраженiямъ. Тебя плѣняешь Орашоръ и — ты заняшь однимъ Ироемъ;

говоришь Флешье и — ты видишь одного Тюрена. Искусство совсемъ закрываетъ Орашора, и выказываетъ только великаго Градоначальника, или великаго Полководца.,,

Желающіе имѣть сію книгу могутъ получить ее у самаго Переводчика, *Надворнаго Совѣтника Иродіона Яковлевича Вѣтринскаго*, живущаго близъ Знаменья, на Невскомъ проспектѣ, въ новомъ домѣ купца Лапашина, въ среднемъ этажѣ подъ № 112; также въ книжномъ магазинѣ Сленина у Казанскаго моста, въ домѣ Кусовникова; въ книжныхъ лавкахъ Заикина противъ Госпиного двора подъ № 18, 19, 20 и 25; въ книжныхъ лавкахъ Свѣшниковъ въ Госпиномъ дворѣ по суконной линіи подъ № 14 и 16. Цѣна экземпляру здѣсь въ С. П. бургѣ въ бумажномъ переплетѣ 5 руб. Съ пересылкою въ другіе города 6 рублей.

*Выписки, Извѣстія и Замѣтанія *)*

Гг. Рецензенты *Мнемозины*, кажется, не могутъ, или не хотятъ понять наспо-ящаго назначенія оной: привлечь разнообразіемъ и познакомить наши общества пакъ

*) Сообщены.

называемаго *хорошаго тона* съ понятіями, копорья нѣскольکو повыше обыкновенныхъ журнальныхъ. Рецензенты нападають болѣе всего на наружную оболочку эпюго изданія и представивъ его наспоющимъ *Альманахомъ*, съ-сей только почки зрѣнія судяють объ немъ—когда Издатели напрошивъ брали себѣ въ образецъ лишь содержаніе, или лучше сказашь внутреннюю, а не наружную форму альманаховъ, и предназначають *Мнемозину* — какъ увидяшь изъ слѣдующихъ частей — не для однѣхъ дамъ, но даже для ученыхъ.

Издашель *Дальскаго Журнала* извѣщаетъ, что въ Москвѣ было публичное испытаніе учащихся въ Архитекшорской школѣ при Кремлевской Экспедиціи *); но намъ кажется, что подобнаго испытанія не бывало и вѣроятно не будетъ. — “Главноконандующій “Кремлевскою Экспедиціею вручилъ вѣкопоруимъ изъ *посѣтителей*, и въ томъ числѣ *“дальмѣ* награды (состояція въ книгахъ) *“за отличіе!!* **).

*) *Дальскій Журналъ* No 7, стран. 31.

**) Тамъ же, стран. 32.

“Господа Одоевскій, Кюхельбекеръ, Вас,
 “Головинъ и особливо просто Головинъ,
 “суть такія звѣздочки на горизонтѣ, даже
 “ошечешвенной Словесности, копорыхъ,
 “безъ помощи микроскопа и замѣшишь шруд-
 “но., — Такъ напечатано въ 7 N^о Далскаго
 Журнала на сшран. 28. Помилуйше! и на
 звѣзды въ микроскопъ не смотряшь; а какъ
 разсмашривашъ звѣздочки...помощію микро-
 скопа? И что это за звѣздочки на горизон-
 тѣ даже ошечешвенной Словесности?—*Даже!*
даже! — не можно выразишьса *гаже*.

Зачемъ ꙗпадашь на пушешествія, въ
 копорыхъ самыя мѣлочныя обспояшельсшва
 описаны съ искусствомъ, очаровывающимъ
 чинашеля? Пусть подобныя Авшоры напол-
 няюшь листки *приятнымъ изліяніемъ сво-*
ихъ чувствованій при видѣ горы, рѣки, кустот-
ковъ, рутейковъ и передаютъ потомству любо-
пытныя извѣстія, какимъ образомъ пожилая,
курносая Нѣлка въ тепликѣ бранилась съ пья-
*нымъ мужемъ своимъ сапожникомъ *)*. По-
 добныя выписки, изобличая Кришика въ
 желаніи привязывашься къ словамъ, пока-
 зываюшь съ шемъ *вмѣстѣ* его *безсиліе*. И

*) Литтературныя Листки N^о 6, сшран. 229.

какъ печашать о томъ въ Журналъ, гдѣ можно найши еще забавнѣйшія новости — для попомства...не говоря уже о современникахъ, напр. что въ респорациі Талона, по примѣру *знаменитаго* Верри, удовлетворяють всѣ гаспрономическія прихоти; что какой-то Госпожѣ Добровой понадобилось бальное плашье; что въ Англинскомъ магазинѣ *принимаютъ ребенка какъ вельможу* . . и проч. и проч.

Въ какомъ городѣ ни появлялась Опера: *Волшебный Стрѣлокъ* (Freushütz), вездѣ принимали ее съ необыкновеннымъ воспоргомъ, вездѣ давали ее сряду нѣсколько десяшковъ разъ, вездѣ слышна была музыка счастливаго Вебера: въ гостинныхъ, въ клубахъ, въ респорацияхъ, на прощуарахъ. Какой-то добрый Нѣмецъ пошребоваль себѣ чрезъ газеты каммердинера съ однимъ условіемъ: *ничего не пѣть изъ Волшебнаго Стрѣлка*.

Выписки изъ путешествія Г. Н. Н.

Въ городѣ N., по достовернымъ исчисленіямъ, въ прошедшемъ 18.. году продано игорныхъ картъ въ пятьдесятъ разъ болѣе по продажной цѣнѣ, нежели книгъ.

Въ городѣ N. осмнадцать лѣтъ уже существуетъ Англинскій клубъ; но до сихъ

поръ не чувствуюшъ еще надобности въ хорошемъ училищѣ. Есть и учители, но нѣтъ учениковъ.

Въ городѣ *N.* есть псарни, въ кошорыхъ находяшся собаки цѣною въ 300 рублей и болѣе; но ни въ одномъ домѣ библіотеки, копорая споила бы по крайней мѣрѣ содержанія псарни.

Въ городѣ *N.* часто по цѣлымъ часамъ случалось мнѣ слушашъ пракпашы о расположеніи игры и скачкѣ собакъ; но въ при недѣли моего тамъ пребыванія только однажды разговоръ о Словесности и Музыкѣ, и что между дамами.

Въ городѣ *N.* считающъ весьма обыкновеннымъ проиграшъ въ вечеръ, въ висшъ, 300 р. и непроспительнымъ моповшвомъ заплашишъ въ годъ за журналъ 30 р.

~~~~~

Эпиграмма.

“Повѣрь же мнѣ онъ *геній*—не поршной:
Какъ мѣришъ онъ своимъ аршиномъ
смѣло!

Въ *покроб* у него что за приемъ *лихой*!

Какъ *рѣжетъ* масшерски!.,—Пускай все это
дѣло;

Но плохо *шетъ*, такъ и поршной *плохой*.—

ій.

~~~~~

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. № X.

ЕЩЕ ОБЪ АЛЬБОМАХЪ.

*(Письмо къ Издателю Благонамѣреннаго
изъ Георгіевска.)*

Ахъ! еслибъ знали вы, почтеннѣйшій Издапель Благонамѣреннаго, каково захватъ изъ Пешербурга слишкомъ за двѣ тысячи верспъ и не имѣтъ возможности запасись книгами? Какую цѣну даешь погда періодическимъ изданіямъ! Врядъ ли найдется купецъ, который бы оцѣнилъ дороже собспвенный свой поварь! Повѣрише ли, чшо съ меньшимъ неперпѣнимъ голодный ждесть обѣда, часовой смѣны и школьникъ праздниковъ, чемъ нашъ брашь провинціаль почшы, съ которою надѣеся получишь новенькіе номера Журналовъ. Особенно ... позвольте польспишь вамъ ... Благонамѣренный вашъ намъ очень нравишся. Можешъ бышь и пошому, чшо страждетъ пестротою содержанія — шолько нравишся. Опъ души

смѣемся мы—и Маскѣ съ двумя спутниками; и страданіямъ упустившаго изданіе Полярной звѣзды Мотылькова; и торжественному собранію баловней-поэтовъ, хопя очень увѣрены, что вы не бывали членомъ эпаго общеспва. Но довольно! Взялъ перо не съ шемъ, что бы превозносишь похвалами *Благонамѣренный*, а хочу поговорить съ вами о альбомахъ, по случаю напечатанной въ послѣднемъ номерѣ объ нихъ спашьи... изъ вашего альбома.

Г. Сочинишель раздѣляетъ альбомы:

1. На альбомы Тщеславія.
2. — — — Спекулаторовъ.
3. — — — Липператоровъ.
4. — — — Аршистовъ.
5. — — — Женцинь.
6. — — — Дѣвиць.
7. — — — Мужей.
8. — — — Молодыхъ людей.
9. — — — Ученическіе.

Пропускаю альбомы *Тщеславія* и *Спекулаторовъ*, пошому что существованіе первыхъ и цѣль вторыхъ — еспь чиспья деньги; оспанавливаюсь на *альбомахъ Литтераторовъ*.

Альбомы Литтераторовъ.

“Въ 8 д. лиспа, въ проспомъ сафьян-
 “номъ переплетѣ, съ надписью: *Памят-*
 “*никъ дружбы*, или подобною, и съ эпи-
 “графомъ собсшвеннаго сочиненія. Въ
 “пакихъ альбомахъ хорошія оригиналь-
 “ныя піэсы, какъ друзей - Липперашпо-
 “ровъ, шакъ и его неприяшелей. Рисун-
 “ковъ мало—болѣе каррикашуръ.,,

Самое правильное опредѣленіе; но альбомъ ли это? Какое удовольствіе, для того только, чтобъ имѣть почеркъ извѣснаго, или неизвѣснаго липперашпора отдавашъ альбомъ свой... неприяшелю? Дружба же между Липперашпорами, если не ошибаюсь, чрезвычайно рѣдка, и—сами согласитесь Г. Издашель — чупь ли не похожа на шу, копорую шакъ прекрасно описалъ Крыловъ, въ одной изъ своихъ Басень. Но ежели увасъ, Гг. Липперашпоровъ, посшавлено за неперемѣнное правило имѣть каждому липперашпурный альбомъ—шо не лучше ли сдѣлашъ шакъ: двумъ, или шремъ Липперашпорамъ сосшавитъ Комишель, занятія кошораго сосшояли бы на первый разъ въ шомъ, что бы нарѣзашъ пошребное количештво

Голландской бумаги, въ 8 д. лиспа. Потомъ разослать по одному изъ эпихъ лоскушечковъ къ каждому Липшерапору, желающему имѣть альбомъ, для помѣщенія на ономъ *хорошей оригинальной писи* — и, когда напишуть-оправить всѣ лоскушки въ липографію, для напечатанія сколько нужно будетъ экземпляровъ. Такимъ образомъ сохранился бы драгоценный почеркъ каждого Липшерапора, и слѣдующаго опредѣленію Липшерапурныхъ альбомовъ, одна часъ была бы кончена — не достаешь каррикашуръ. Для этого пусть Комиссія назначитъ Гг. Липшерапорамъ нѣсколько собраній и пригласитъ нѣсколько рисовальщиковъ. Много, очень много видалъ я молодыхъ людей, которые лишь задумаютъ еще глуповитъ себя въ липшерапоры — какъ вдругъ... одинъ перяешь зрѣніе и вооружаешь огромными очками; другой... опъ солнца ли, или, чпобъ не смопрѣшь на обыкновенныхъ людей...нахлобучиваешь на лобъ шляпу, и перемѣняя походку, ходишь мѣрнымъ авшорскимъ шагомъ; прерцій...сынъ нѣги и безпечности, нарочно, или нѣшь засыпаешь каждую минушу—даже и щогъ

да, когда друзья его засыпають, читая его Элегію, и ш. д. Судя по эшимъ госнодамъ—извините провинціальную мою опкровенность, Г. Издапель, и всѣ Гг. Липперашоры! — я позволяю себѣ думать, что нѣсколько собраній вашихъ какъ людей, уже давно занимающихся не земнымъ, уже привыкшихъ сочинять въ умѣ своемъ какую нибудь Оду...въ то время, какъ человекъ подаешь вамъ одѣваться... и задумываться надъ Посланиемъ... нюхая шабакъ — нѣсколько собраній вашихъ, говорю, дадутъ средства рисовальщикамъ снабдить липперашурный альбомъ и каррикашурами. Ихъ также можно оппечатать въ литографіи; а тамъ переплеша *rele mèle* съ оригинальными пізсами — разослать къ каждому липперашорному по альбому. Энаго мало! Чпо бы Комитетъ не имѣлъ издержекъ на бумагу, печатаніе, переплешъ, разсылку, и проч.— можно сдѣлать впредь ежегодное изданіе *Альбола Литтераторовѣ*, такъ какъ на примѣръ издается *Полярная Звѣзда*, на слѣдующихъ правилахъ: 1) Альбомъ раздается безденежно пѣмъ только Липперашорамъ, кошорые участвовали въ

первомъ изданіи онаго. 2) Съ неучаствовавшихъ въ первомъ изданіи, п. е. молодыхъ, или малоизвѣстныхъ Липператоровъ, буде опнесуся въ Комитетъ съ претребованіемъ себѣ лоскуточка бумаги въ 8 д. листа, для помѣщенія хорошей, оригинальной піэсы—брасть за шаковое удовлетвореніе ихъ просьбы извѣстную плату, смотря по талантамъ и наблюдая въ семь случаѣ обратное правило: *тебѣ больше, тебѣ меньше; тебѣ меньше тебѣ, больше.* 3) Открышь подписку на полученіе Альбома, какъ для Гг. желающихъ въ немъ участвовать, такъ и для прочихъ — и наконецъ 4) Объявишь опъ Комитета во всѣхъ Журналахъ, что пошь, кто помѣстницъ спашью своего сочиненія въ Альбомѣ Липператоровъ — ешь уже *литтераторѣ*; пошь же, кто будешъ имѣшь сей Альбомъ—*полу-литтераторѣ*! — Что скажете на это, Г. Издашель? Думаете ли, что мало найдется охотниковъ и участвовать въ такомъ Альбомѣ, и имѣшь его? Повѣрьте, что подобное изданіе, не только вознаградишь всѣ прежніе убытки Комитета; но чущъ ли не будешъ приносишь пользы больше, чемъ...

Альбомы Артистовъ.

Также пропускаю, пошому что самъ не аршисшъ..... “А вѣрно липперашоръ, пошому что говориль о альбомахъ Липперашоровъ?...”,—Нѣшъ! шочно шакъ, какъ не женщина — хопя сей часъ буду говориль о *Альбомахъ Женцинъ*.

Альбомы Женцинъ.

“Обыкновенно подарень мужемъ, въ “первый годъ брака ... и шю, что писалъ “онъ шюгда, служилъ дѣйствительнымъ “средствомъ бѣсилъ его. Альбомъ женцинъ не имѣеть особеннаго характера “и перемѣняется по обстоятельствамъ, “связямъ и капризу хозяйки. Замѣчатель- “но, что ни въ какомъ другомъ альбомѣ “нѣшъ шолько Элегій. ,,

“А мой альбомъ?...”,—скажешъ со вздохомъ Емилиа .. Увы, несчастная! о немъ ни слова! Его подариль шебѣ не мужъ и не въ первый годъ брака ... Еще прежде, прежде эшаго роковаго года, подариль его шебѣ другъ милый, другъ нѣжный!!!..Сама любовь чинила перо ему, когда счастливецъ!..онъ первый написалъ въ немъ шоль

памятный для тебя экспромптъ!.—Гнѣв-
ная судьба позавидовала тебѣ, Эмилиа!
вмѣсто мужа милаго, назначила она те-
бѣ супруга, кошорый ... молчу ужь о эк-
спромптъ!...не подарилъ тебя и альбомомъ
въ первый годъ брака. Справедливо поско-
вала, увядала ты, прелеспная! Безцѣнный
альбомъ, единспвенный памятникъ без-
цѣннаго друга, соспавлялъ все швое ушѣ-
шеніе. Какъ часпо, кроясь опъ людей, съ
прияшною груспію перебирала ты лис-
точки, находила экспромптъ и...задумыва-
лась! “Уже ли онъ больше не напишетъ?“,
говорила ты сама себѣ. Напрасныя на-
дежды! Онъ прошли...*вмѣстѣ съ годами!*..
Между шемъ альбомъ Эмилии опъ долгаго
лежанія испортился: бронза попускла,
сафьянъ полинялъ, цвѣпная бумажка по-
шеряла цвѣпъ, бѣлые листочки пожел-
шѣли....Чшо дѣлать? она вырвала шощь,
на кошоромъ написанъ былъ экспромптъ,
сожгла его въ печкѣ; а альбомъ, какъ сим-
воль самой себя, подарила своей подру-
гѣ.—Спрашивается: къ какому роду оп-
неспи шакон альбомъ? Онъ принадлежалъ
и принадлежишь женщинѣ; но подарень,
какъ мы видѣли, не мужемъ и не въ пер-

вый годъ брака; слѣдовательно мужъ не напишетъ уже того, что *служило бы вѣрнымъ средствомъ его бѣсить*. Нѣтъ правила безъ исключенія—скажете вы, Г. Издатель—согласенъ; но все таки опредѣленіе *Альбома Женщинъ* нахожу неполнымъ. Почему, напримѣръ, Г. Сочинитель, говоря ниже о *Альбомахъ мужей*, и сказавъ, что они *показываются только коротко знакомымъ* — не сказалъ и здѣсь того же?

Альбомы Дѣвицъ.

“Въ 8ку. Переплетъ обвернуть веле-
 “невою бумажкою... На первомъ листкѣ
 “совѣты машери и стихи брашьева. —
 “Французскіе, Англинскіе и Испальянскіе
 “стихи—выписки изъ Жуковского. Мно-
 “го рисунковъ карандашемъ; справки и
 “цвѣты между листами.,,”

Или Г. Сочинитель рѣдко видалъ, или худо разсматривалъ эти альбомы. Иначе замѣшилъ бы онъ гдѣ нибудь: на уголку, вверху, или внизу, на одномъ изъ шѣхъ самыхъ листочковъ, гдѣ Французскіе, Англинскіе и Испальянскіе стихи, выписки изъ Жуковского и рисунки—замѣшилъ бы,

говору, написанные, чуть примѣшно, карандашомъ: *je vous aime, ne t'oubliez pas*, и т. п. — Это минувшее и счастливое произведеніе молодого человѣка, судьба котораго зависить отъ перваго копильона! Съ шайнымъ препешомъ ждесть онъ сего копильона, въ продолженіи котораго узнаесть: примѣчены ли владѣтельницаю альбома и его сердца написанные имъ два, при слова? Не знаесть ли объ нихъ маменька, или брашцы? Осшанушся, или сопрушся они? — *Да-сѣ*, или *нѣтъ-сѣ* рѣшающъ его учасъ до слѣдующаго копильона! —

Альбомы Мужей.

“Храняшся у жень; показывающся
 “корощко знакомымъ. Обыкновенно ша-
 “кой альбомъ заключаесть въ себѣ нѣсколь-
 “ко нѣжныхъ спрокъ, написанныхъ же-
 “ною, когда она еще была невѣспою..”

Альбомы мужей, смощря по достоинству мужа, играющъ болѣе, или менѣ жалкую роль въ сравненіи съ другими альбомами. Альбомъ мужа, какъ вовсе ненужная вещь, лежишь у жены въ комодѣ, вмѣстѣ со спарымъ плашьемъ — и если

хранился, то развѣ до шѣхъ поръ, пока не вырѣжущся изъ него всѣ цвѣтныя листочки, на копорыхъ можно и написать и нарисовать для альбома шѣхъ коротко знакомыхъ, кому (какъ я говорила) давала она свой альбомъ.

Альбомы молодыхъ людей.

“Разныхъ форматовъ, въ сафьянномъ переплетѣ, безъ бронзы. Переплетъ изъ царапанъ и запяпанъ чернилами. Рисунки Козаковъ, Гусарь, Уланъ, и ш. п. Много измаранныхъ листовъ—много карликашуръ.,,

Слѣдуетъ прибавить: между всею этимъ венегрепомъ встрѣчается иногда листокъ, на копоромъ или пришивныя волосы, заплетенныя въ косичку и загнутыя кольцомъ, или вышитыя шелкомъ (большею частію алымъ) узелокъ, или написано дурнымъ почеркомъ: *Милай друкъ, пуцай сіе напаленаетъ валъ тое, которая любитъ васъ сердешно.* Первые слова имени и фамиліи. — Такой листокъ и хозяину и приятелямъ его служивъ неисчерпаемымъ источникомъ оспрошъ, самыхъ плоскихъ, копорыми

измараюшъ они нѣсколько лиспочковъ, близкихъ къ несчастному.—

Альбомы Ученицескіе.

“По большой части въ 16 д. листа,
 “въ зеленомъ, или черномъ переплетѣ.
 “Нѣтъ почти чистой спранички. Писа-
 “но размашистымъ почеркомъ и по ли-
 “нейкамъ. Рисунки: пѣхонные солдапы,
 “пушки, знамена—домикъ, изъ трубы ко-
 “шораго вѣшся дымъ; елка и подлѣ нее
 “грибъ. Подъ каждымъ рисункомъ под-
 “пись: *твой вѣрный и вѣтный другъ*, годъ,
 “мѣсяць и число.,,

Годъ, мѣсяць, число и *гасъ*—а иногда
 годъ не выславляешся. Сверхъ того на
 заглавномъ лиспочкѣ написано: *сей аль-
 бомъ принадлежитъ такому-то . . .* При
 фамиліи ужасный росчеркъ, къ копорому
 время опъ времени прибавляюшся еще
 новые крючки и черточки. Ежели ша-
 кой альбомъ заводишся передъ большими
 праздниками, или каникулами, то чаще
 всего чишаешъ:

Ручей два древа раздѣляешъ,

Но вѣшви ихъ сплешась распушъ:

Судьба два сердца разлучаетъ —
Но чувствва ихъ въ одномъ живушь.

Еще есть родъ альбомовъ — не знаю, случилось ли, вамъ Г. Издапель, видашь ихъ. Это альбомы про себя. Принадлежатъ исключительно молодымъ людямъ, чпобъ не обидѣшь ихъ, назвавъ мальгиками. Первоначальнымъ поводомъ — любовь. Разныхъ форматовъ, но непременно въ фунлярѣ. Хранятся подъ замкомъ и никому не показывающся...нѣсколько недѣль. На первой страничкѣ эпиграфъ: *Пройдетъ пять, шесть лѣтъ — я взгляну протцу...и, можетъ быть, плату!*...или подобный сему. На слѣдующей страничкѣ начинаеця описаніе знакомства съ домомъ. Слегка говорится о папинкѣ и маменькѣ, сесприцахъ и брашцахъ—буде имѣющся: но она, идеаль совершенства, предспавлена въ полной красотѣ. Ничшо не забышо: и бровки и глазки, и носикъ и рошикъ, и ручки и ножки. и...и проч. и проч. За симъ идешь лаконическій журналъ съ означеніемъ числь и дней — слѣдующаго, или подобнаго содержанія:

.) Видѣль памъ-шо. Взглянула необыкновенно мило.

.) Не смѣль ангажировашь на Вальсъ-Англезь — но въ Польскомь пожаль ручку...отвѣчала пемь же.

.) Получиль конфешку!..

.) Узналь, что на цѣлое лѣпо собираюшя ѣхашь на дачу ... всю ночь проплакаль!..

.) Передаль записочку, въ кошорой написаль, что умру, если забудешь меня!.

.) Получиль примиленькій отвѣпъ!

.) Еще не уѣхали; но не видаль.

.) Не видаль.

.) Не видаль.

.) Не видаль.

.) Уѣхали....

Послѣдніе *не видалъ* и *уѣхали* писаны наскоро. Симь оканчивается журналъ любви Молодой человекъ, разлучаясь съ милою на цѣлое лѣпо, шеряетъ съ нею всѣ свои надежды—а что за любовь безъ надежды? Злополучный, испытавъ сполько кораблекрушеній на морѣ Любви, сбрасываешь *наконецъ* пягопившія его узы, и слѣдуя болѣе разсудку, чемь сердцу — ищепь успокоенія въ мирной приспани кропкой дружбы.—Прежній журналъ зачерниваешься—начинаешься другой, и боль-

шею частію *вензелемъ* ... подъ нимъ надпись:

Се! вензель истиннаго моего друга, тѣлаго-то...имя, опечесство и фамилія—чинь, гдѣ служишь, и почпи весь формулярный списокъ. А какъ извѣстно, что въ наши времена за истинными друзьями остановки не бываетъ: по и Альбомы про себя скоро наполняются подобными надписями, изъ коихъ каждая непременно начинаешся словомъ: се!

Далѣ слѣдуешь:

- .) Одному *се* проигралъ въ банкъ....
столько - то.
- .) Другому *се* проигралъ....*столько*
- .) Третьему *се* *столько. ...*

Итого* . . . очень много!

.) Написалъ къ дражайшимъ родителемъ, что опасно занемогъ, шакъ что не надѣюсь скоро поправиться безъ значительныхъ издержекъ на лучшихъ медиковъ.

.) Получилъ деньги; едва могъ расплатиться съ проклятыми *се* — и остаюсь почпи безъ копѣйки. Ахъ! кто меня несчастнѣе!!!

Можешь бышь подобную записную книжку не согласишесь, г. Издашель, приняшь за Альбомъ—ипакъ вопъ вамъ еще родъ Альбомовъ. *Альбомы жалкіе, или несчастные.* — Сколько есть услужливыхъ друзей и приятелей, копорые, не дожидаясь просьбы, сами вызывающся на одолженіе: изобразить въ безсмыслицѣ чувства своей къ тебѣ преданности! Это одинъ случай; а сколько такихъ, гдѣ, изъ приличія, необходимо долженъ самъ просить ... чтобъ испортили швой альбомъ! И будь увѣренъ, что никакъ не догадаюпся поблагодарить и опказашься. Вѣчно нарисуюшь, или напишушь — и масперски! и особенно въ провинціяхъ, и особенно дамы! Хозяинъ самъ опрекаепся наконецъ опъ своего альбома и спыдипся развернушь его. Онъ не можешь любовашься уже и шѣми лиспочками, копорые были ему приятны, пошому что видишь свою ошибку, допусшивъ ихъ бышь въ шакой неровной компаніи.

Всѣ эти различные роды альбомовъ причиною того невыгоднаго мнѣнія, копорое имѣюшь о *альбомѣ*; а онъ, право ничемъ не виновашь, шочно шакже, какъ

и книга, если напечатанъ въ ней вздоръ. Не хочу, что бы альбомъ мой славился превосходными стихами, отличными ландшафтами, когда написать и нарисовать ихъ долженъ просить челоуѣка, мало мнѣ извѣснаго, котораго слѣдовательно не могу любить и уважать. Не дамъ также альбомъ своего и лучшему приятелю, если знаю, что не можешь онъ ни нарисовать, ни написать хорошо.

Имѣю честь быть, и проч.

Владѣтель своего альбома.

~~~~~

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

Повѣсть Элленшлегера.

Алберто, посредственный оперный пѣвецъ и плохой актеръ, рѣшился оставить свою родину — Туринъ, и отправиться въ Миланъ, въ твердой надеждѣ, что его тамъ гораздо лучше примутъ; ибо ему еще ни разу не удавалось заслужить одобренія Публики. Но въ этомъ случаѣ его всегда утѣшало изрѣченіе: *сб*

своей землѣ никто пророкомъ не бывалъ.
 —Ипакъ, изгошовивъ все къ опъѣзду, не доспавало ему шолько поварища, кошорый бы взялъ на себя двѣ прети пушевыхъ издержекъ и должностъ его камердинера. Такого сопупника надѣялся онъ найши въ сполярѣ Анпоніи, своемъ землякѣ, сосѣдѣ и неразлучномъ другѣ юности, кошорый былъ коша недалняго ума; но силенъ, добродушенъ, смѣлъ и вѣренъ. По неразумишельности своей онъ такъ приспрасшился къ Албершу, что не могъ безъ него обойтись и дѣлилъ съ нимъ все досужное время. Албершо всегда колко подпрунивалъ надъ простопою Анпонія, кошорый ни мало на шо не сердился. Въ ребячеспвѣ ему опъ Альберша крѣпко доспавалось, и надобно опдашь справедливостъ его шерпѣнію, онъ равнодушно переносилъ побои и даже внушренно радовался своей силѣ. Если бывало упрекали его въ безчувспвіи, шо, въ оправданіе свое, ссылался онъ обыкновенно на дворовую собаку Филакса, кошорая, позволяя маленькой Жоли кусать себя за уши, никогда на нее не огрызалась. — По воскресеньямъ, скидавая свой синій халапъ,

хаживаль онъ къ Албершу въ нарядномъ плашьѣ и былъ очень доволенъ, когда эпошь модникъ бралъ его съ собою за городъ и пироваль на его деньги.

Въ послѣднюю ихъ прогулку Албершо опкрыль ему свое предпріящіе и заранѣе поздравляль себя съ успѣхомъ. Съ жаромъ описываль онъ, какъ прелеспныя Ита-ліянки, очарованныя его голосомъ, наперывъ спанунъ предлагащъ ему свое богатство, знапность и искащъ руки его. Нашему Донъ Кишошу не доспавало только Санко Пансы, котораго скоро нашель онъ въ Аншоніи. Албершо доказы-валь ему, что художнику (п. е. споляру) необходимо надобно путешествовать и въ удостовѣреніе, что будущая его судьба неизвѣстна, приводиль въ примѣръ Бенвенуша Челлини, который изъ золотыхъ дѣлъ мастера сдѣлался славнымъ ваятелемъ.

Успучивый Аншонію скоро на все согласился. „Мало ли ѣдишь нашей брашши, мастеровыхъ—думаль онъ—былибъ руки, а насущнаго хлѣба вездѣ довольно.,, Но ему и въ голову не приходило, что эта поѣздка будетъ ему стоить всѣхъ

нажирыхъ денегъ, и что, оставивъ свое мастерство, лишился онъ дневнаго пропитанія. Какъ бы то ни было, Антонио заперъ свой домъ, опдалъ ключъ своему спарому знакомому, взялъ съ собою вдвое больше денегъ, чемъ Алберто, по своимъ словамъ, и явился къ его услугамъ.

Рано поутру выѣхали онѣ изъ великолѣпной столицы Сардинскаго Королевства, направивъ путь свой къ роскошному Милану. Тогда представилось Алберто величественное, для него необыкновенное зрѣлище восхожденія солнца, копорымъ онъ долго любовался, и желая излишь воспоргъ свой, оборопился къ Антонию; а пошъ, закушавшись, препокойно сдалъ и не прежде продраль глаза, какъ на первой станціи.

Извѣстно, что въ Италіи весьма медленно ѣздящъ; ишакъ на силу въ шрой сушки допащились они до Милана. — Въ послѣдній день передъ разсвѣтомъ, проѣзжая чрезъ лѣсокъ, на шу спорону Навары, случилась съ ними самая плачевная испорія. — Хошя и много наговорили имъ о здѣшнихъ разбойникахъ; но усшалось и шряска невольню усыпили робкаго Албер-

та, а безстрашный Антонио давно храпѣлъ. Вдругъ они оба пробудились: въ про- сонкахъ показалось имъ, что кто-то ударилъ ихъ по лбу дубиною. — Албершо ужасно заревѣлъ и держа въ рукѣ кошелькъ, умолялъ пощадить жизнь его; а Антонио, рѣшившись до послѣдней капли крови защищаться, схватилъ злодѣя за воротъ, швырнулъ его кулаками и вѣрно въ задущилъ, если бы внезапное сіяніе луны не показало, что они вцѣпились другъ другу въ волосы. Все несчастіе произошло именно отъ того, что они сонные, поперявъ равновѣсіе, изо всей силы ударились головами. Такимъ образомъ Антонио честно расквитался съ Албершомъ въ побояхъ, которыми шопъ щедро надѣлялъ его въ ребячествѣ. Однакожь онъ былъ неутиѣшенъ, узнавъ, какъ больно поколошилъ своего приятеля. Онъ проклиналъ себя и закалялся: никогда впередъ не обороняться, хопябъ тысячи разбойниковъ на него напали; ибо, говорилъ онъ, кто поручится мнѣ, что бы я, вмѣсто какого нибудь мошенника, опять не оп- валялъ себя, любезный братъ!

Оспановаясь въ гостинницѣ, Албершо

прежде всего спарался испросить себѣ позволеніе явиться на сцену въ большой Оперѣ на шеапрѣ делла-Скалла. Эпопѣ шеапрѣ занимаетъ весьма обширное зданіе, которое принадлежитъ многимъ стариннымъ фамиліямъ и ложи въ немъ наслѣдственны. На дверяхъ сихъ послѣднихъ изображены огромные и разными красками испешренныя гербы, которые представляютъ явный знакъ побѣды Гопеовъ надъ древними искусствами. Самыя ложи можно назвать аудіенць-залами Миланскихъ дамъ, гдѣ онѣ опадаютъ и принимаютъ визиты, играютъ въ карты и только изрѣдка выглядываютъ, что бы изъявить удивленіе прекрасной декораціи, или послушать аріи изъ Оперы, даваемой три недѣли сряду. На сей-то сценѣ надѣялся Алберто соснавить свое счастье, хотя ему и совѣновали лучше попытаться въ комическомъ родѣ на шеапрѣ: *Santa Radagonda*; но онъ избралъ себѣ девизомъ: *aut Coesar, aut nihil*; хотя многіе разсудительные люди увѣряли его, что послѣ церковной музыки, Италіянцы ни къ чему такъ не способны, какъ къ смѣшной Оперѣ (*opera buffa*), и что ихъ важ-

ная Опера (*opera seria*)—самая сухая, скучная маперія; но все было напрасно. Алберто, напыщенный, какъ и всѣ посредственные вирпуозы, низкимъ тщеславіемъ, увлекался въ мірѣ фанпазій и лучше хопѣль опважись на роль вялаго Олоферна въ *Юдиѣ*, чемъ играшь смѣшного сапожника во *Влюбленныхъ ремесленникахъ*.

Неопсшунными просьбами и низкими поклонами Алберто выхлопшалъ себѣ наконецъ позволеніе, и правду сказашъ очень кспаши; ибо у обоихъ нашихъ героевъ кошелекъ крайне испощился и хозяинъ ежедневно грозилъ согнать ихъ со двора. Роковый часъ ударилъ. — Антонио цѣлый день бѣгалъ, суешился, снаряжалъ своего прияшеля. Насшупилъ вечеръ и Алберто опсправился въ шеашрѣ въ костюмѣ Олоферна, въ шяжеломъ мѣдномъ шлемѣ (изъ позолоченаго карпона), съ окладистой бородою, огромнымъ мечемъ и въ испещренныхъ блесшками лапахъ. Антонио едва осмѣлился обняшь споль спрашнаго война и пожелашь ему счастливаго успѣха. Въ назначенный часъ онъ самъ пошелъ въ шеашрѣ: сердце его

сильно билось, а сердце—вѣщунъ. Заблудясь въ длинныхъ коридорахъ и не зная куда пройти въ партеръ, спросилъ онъ у мимо проходившаго человѣка: *гдѣ играють?* Незнакомецъ указалъ ему лѣспницу. Пересчитавъ до сотни ступеней, онъ не удивлялся ея высотѣ, какъ вдругъ очутился у входа большой залы съ двумя дверьми, у копорыхъ часовые ему закричали, что бы онъ снялъ шляпу. Это нѣсколько его перепугало; но какъ онъ изумился, когда вошедъ въ залу, вездѣ увидѣлъ распавленные большіе, зеленымъ сукномъ покрытые столы, на копорыхъ грудами лежало золото; вокругъ неподвижно сидѣли блѣдные, пощіе люди, у всякаго въ рукѣ было по длинной палкѣ съ придѣланною на концѣ лопаткою. Антоніо выпаращилъ глаза и вѣрно бы подумалъ, что шупъ играютъ на биліардѣ, если бы карпы, лежавшія по сторонамъ луддоровъ не увѣрили его, что это была игра совсемъ другаго рода.

Освѣтили залу люспрами и игроки начали собиращься. Антоніо подошелъ къ одному столу и дивился кучамъ золота, копорое банкиры своими инструмента-

Ми по къ себѣ подвигали, по на зеленое сукно кидали къ выигравшимъ. Онъ вовсе не понималъ игры, а шолько видѣлъ, что споль раздѣлень былъ на двѣ полосы и оклеень красными и черными сафьянными лоскушами. Долгое время медлил онъ, и върояшно отошелъ бы прочь, не участвуя въ игрѣ, если бы малорослая, блѣдная фигура, изчерпывшая булавкою цѣлую карпу надъ своими расчешами, не толкнула его въ бокъ, сказавъ: “если ты не играешь, по нечего тебѣ здѣсь и мѣшатьъ.” Тогда шолько Антонио догадался, что и ему можно было играть, если онъ хочеть. Онъ сунуль руку въ карманъ и оцупавъ луидоръ, послѣднее свое достояніе, до пѣхъ поръ шевелилъ его, что онъ опъ пренія разгорѣлся и ожегъ ему пальцы. Примѣчая, съ какимъ равнодушнымъ и спокойнымъ видомъ произносили игроки: *Messieurs, je fais!* съ какою неушомимостию проигрывая, плашили, и выигрывая, брали, онъ несомнѣнно увѣрился, что его не обманушь, хотя онъ и вовсе игры не понимаетъ. Послѣ многихъ напрасныхъ покушеній вынулъ изъ кармана свой луидоръ и бросилъ его на споль, наконецъ ему

удалось. — Онъ хошѣлъ было его кинуть на красныя пятна, (любимый цвѣтъ свой); однако по его неловкости, луидоръ покапился на черныя. Банкиръ спросилъ: шупь ли онъ спавишь? Разрываясь опъ досады, робкій Антоніо кивнулъ головою, боясь оспацовишь игру. Глядя на одного пожилаго Офицера, который безпрестанно былъ въ выигрышѣ, онъ перенималъ его спавки, и ему посчасливилось выиграть чепыре луидора. Онъ запряся опъ радости и безпрестанно краснѣлъ, боясь, что бы того не замѣшили. Тупъ гринялся онъ расчишывапъ, сколько пѣаспровъ въ чепырехъ луидорахъ. Антоніо былъ плохой Машемапикъ и двухъ дѣлъ никогда вдругъ не дѣлывалъ. Чепыре раза начинали новую игру, пока ломалъ онъ голову надъ своей задачей. Въ это время доспалось ему 64 луидора. Онъ дрожалъ и пряся. Пожилый Офицеръ еще спсавиль, Антоніо также и взялъ спо двадцать восемь. Тупъ Офицеръ половину выигрыша спряшалъ въ карманъ, а другую бросилъ на красную спорону. Антоніо сдѣлалъ шоже самое и получилъ спо девяносто два луидора. Слишкомъ былобъ

ушомишельно идши по слѣдамъ его въ храмъ Счаспія; довольно сказащъ, что въ продолженіе часа выигралъ онъ изрядную сумму: ибо у него оказалось въ карманѣ пять тысячъ каролиновъ.

Какъ скоро Офицеръ переспаль и грапь, по, глядя на него, и Антоніо оспавиль игру. Тогда сей пожилый, сухощавый воинъ, оборощаясь къ Антоніо, сказалъ: “Послушай, приятель, я хочу дащъ тебѣ два добрые совѣща. Кажешся, ты во снѣ оспавиль себѣ счаспіе, но спощишь его, можешъ бышь, не хуже другихъ, копорые лишающъ себя сна. Вопервыхъ: возьми себѣ часоваго въ провожашые, а по на дорогѣ тебѣ ограбашъ. Вовпорыхъ: впередъ никогда не играй въ азартныя игры. Если Фортуна сама собою вызвалась наградишь тебѣ, по не неволь болѣе, а по неравно, разсердясь, она жестоко накажешъ. Антоніо поблагодариль Офицера за наспавленіе, копорое въ спочности исполниль. Пришедши домой, наняль себѣ слугу и переѣхаль въ лучшій пракширь не для моповства, а что бы жишь повеселѣе. Распашьясь честно съ прежнимъ хозяиномъ, просиль, по приходѣ Алберта,

проводить его въ Алберго дела Чита, шеперешнюю свою кварширу.

Въ то время, какъ Антонио, играя въ верхнемъ эшажѣ опернаго дома, такъ щедро надѣленъ былъ Судьбою, Алберто, напротивъ, въ нижнемъ эшажѣ испыталъ всѣ удары злаго рока. Вооружась мужествомъ, не много чемъ успулавшимъ своему герою, явился онъ на сцену. Однакъ, несмотря на свой ужасный шлемъ, густую бороду и огромный мечъ, онъ не въ состояніи былъ внушить публикѣ должнаго уваженія къ своей особѣ. Зрители не имѣли перрѣвнѣя дождашься смерти его оиъ руки Юдиѣы. Надобно было обезглавить его въ прешьемъ дѣйствіи, а его уже во второмъ явно обезславили. Напрасно опирался онъ на мечъ свой съ видомъ неуспрашимаго Регула. Одинъ изъ рецензентовъ, сидѣвшій въ галлерей, такъ ловко попалъ апельсиномъ въ его шлемъ (который для красы не былъ завязанъ ремнемъ у подбородка), что онъ свалился у него съ головы. Съ поперею шлема лишился онъ и присущствія духа. Принуждены были опустить занавѣсъ и освѣщенный Албертъ въ опчаяніи опрометью

побѣжалъ изъ театра. Въ первыхъ порывахъ бѣшенства, казалось ему, что онъ не переживетъ такого униженія. Закупавшись въ черный плащъ, прикрывавшій его романтическое одѣяніе, рѣшился онъ упокоиться. А какъ по близости не случилось рѣки, то онъ заблагоразсудилъ опроставить себя на топъ свѣтъ Антоніевыми дорожными писполешами. Въ безпамятствѣ побрелъ онъ на кварширу: подходя къ дверямъ, онъ задрепешалъ, воображая, что хозяинъ, послѣ такой неудачи, непременно стонитъ его со двора. Тупъ напала на него робость и малодушіе: ему предсхавилась голодная смерть со всѣми своими ужасами; но мысль, что Антонію прудами своими прокормитъ его — снова оживила несчастнаго.

Войдя въ комнату, онъ нашель ее совершенно пустою. “Ахъ! думалъ онъ, вопъ уже хозяинъ завладѣлъ нашими вещами! Куда дѣвался ты, любезный братъ Антоніо? — Гдѣ, ты безцѣнный другъ мой?,” — Тупъ явился хозяинъ и пересказаль ему, какъ Антоніо расплашился съ нимъ и взявъ вещи, переѣхаль въ Алберго дела Чиша.

Алберто не вѣрилъ ушамъ своимъ. Послѣ многократныхъ повпореній и увѣреній хозяина, вышелъ онъ изъ дома въ мучительномъ сомнѣнн, полагая, что надъ нимъ смѣются; что Антонио, выгнанный изъ кварширы, бѣгаетъ по улицамъ и его ищетъ. Онъ проклиналъ свою судьбу. “Все кончено, ты погибъ, сказалъ онъ. Что осталось теперь дѣлать, какъ не скипаться по улицамъ?,,

Съ робостію и дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ о своемъ приятелѣ у споявшаго въ дверяхъ богатой госпинницы щеголеватого лакея, въ бѣломъ фаршукѣ и шелковыхъ чулкахъ. Едва только буфетчикъ услышалъ его имя, какъ сказалъ: “точно такъ, сударь, извольте сюда пожаловать!,, Съ симъ словомъ схвативъ со стѣны прройный серебряный подсвѣчникъ, побѣжалъ впередъ по широкой лѣспницѣ, показывая дорогу и ввелъ его въ прекрасно убранную комнату, общую алою камкою съ золотою бахромой. Посрединѣ на полу стояла лампа, издававшая помный свѣтъ; на мраморной плитѣ вверху камина горѣли двѣ свѣчи, а прошивъ самыхъ дверей лежалъ его приятель, распянув-

шись на софѣ, въ сапогахъ. Антоніо едва увидѣль Алберто, какъ бросился къ нему съ распроспершими объясніями. Онъ слышалъ о неудачѣ Албертовой, но надѣялся упѣшить его своею удачею. Забудь всё каверзы, воскликнулъ онъ, провались эшопъ теапръ!

Теперь ты можешь безъ него обойтись, сказалъ онъ. Но Алберто, вмѣсто радости, изъявилъ досаду. “Какъ! развѣ ты думаешь, возразилъ онъ съ презрительнымъ видомъ, что я служу Музамъ изъ куска хлѣба? „ — Служи себѣ, какъ хочешь, отвѣчалъ Антоніо; но не унывай, любезный другъ. Ба! да вошь и ужинъ топовъ, вина вдоволь, музыканты пришли; давай, братъ, веселишься! — “Пускай пируютъ безграмотные, сказалъ Алберто, а мнѣ суждено пицаться своимъ подаеніемъ. „ Тушь зацѣль онъ сапирическую пѣсню на счастливыхъ глупцевъ. Антоніо, безъ дальнихъ размышленій, подвинулся къ столу и началъ раздѣляваться съ блюдами, копорымъ жестоко мспилъ за свою обиду. Алберто, видя напрасный трудъ свой, сѣлъ противъ Антоніо и въ сердцахъ преапешитно кушалъ. Онъ по-

шопиль свои заботы въ винной Лешѣ; но музыка ему надоѣдала: ибо онъ не перпѣлъ ее съ шѣхъ поръ, какъ свиссъ парпера, смѣшавшись со звуками оркестра, сбиль его съ шакпа.

Доселѣ онъ презиралъ Антонія, а теперь возненавидѣлъ и всячески спарался возбудишь въ немъ спрасъ къ моповству. Однакожь Антонию, при всей простопѣ своей, весьма хорошо понялъ, что безразсудно прашишь капишаль, когда для покойной жизни доспащочно однихъ процентовъ. Продолжая знакомство съ пожилымъ Офицеромъ, онъ нашель чрезъ него случай опдашь деньги въ надежныя руки. Доходами онъ исправно дѣлился со своимъ мнимымъ прияшелемъ и попрежнему ни въ чемъ ему не опказывалъ. По сей причинѣ, когда шопъ предложилъ ему опспавишь Миланъ, то онъ охотно на эшо согласился; ибо легко могъ поняшь, что Алберту уже надоѣло бышь посмѣищемъ цѣлаго города.

Алберто, воображая себя всеобъемлющемъ гениемъ, рѣшился бышь живописцемъ и спѣшилъ на берега Арно въ цвѣщую художешвами городъ Ипаліи, что

бы насытить взоры свои изящными произведениями въ церквахъ и карпинныхъ галереяхъ Флорентійскихъ. Они поѣхали туда чрезъ Болонью. Въ Аппенинскихъ горахъ Алберто не разъ шрепешаль за жизнь свою: но опъ спреха попасься въ руки разбойниковъ, но опъ дорожныхъ пистюлеповъ Анпонія, который забопься болѣе прежняго о своей безопасности, вздумаль зарядить ихъ. — При каждомъ шолкѣ карешы вскрикиваль онъ, боясь нечаяннаго выпрѣла, который раздробить его на мѣлкіе куски. Наконецъ всѣ бѣды миновались, и въ концѣ Марша мѣсяца, на зарѣ прекраснаго ушра, опкрылся имъ вдали соборный куполь, возвыщавшійся изъ за долины, чистое и ясное небо, яркое солнце, синѣвшія горы, пѣнистые холмы, зеленыя озимныя поля, печальные кипарисы, распускающіяся дѣревья — все это образовало пѣнишельную картину ранней весны. Тупъ куполь опять скрылся и за полмили опъ города предспавился имъ съ громадою зданій, посреди обширной долины, пересѣкаемой серебрисными спруями Арно на двѣ неравныя часпи. Городъ со всѣхъ споронъ окру-

женьъ былъ прекрасными мызами и увеселишельными замками, о копорыхъ Аріоспъ говоритъ, что они всѣ вмѣспѣ соспавили бы цѣлые два Рима. Сіи живописные виды не очень восхищали Алберша; пламенная его душа не находила большаго удовольствія въ созерцаніи; ей надобно было самой пворитъ, что бы передавашъ ему пріяшныя впечатлѣнія. Конечно, Антоніо, по своей невинности, довольно бы пользовался красочами мѣсположенія, но не могъ разсмощрѣтъ ихъ; ибо, къ сожалѣнію, былъ близорукъ. Ипакъ съ ними случилось не лучше многихъ, другихъ пупешеспвенниковъ: изящная природа на нихъ не подѣйспвовала.— По сей самой причинѣ сколько Албершо ни припворялся передъ своимъ поварищемъ, но внуспренно нимало не жалѣлъ опомъ, что въ приѣздъ ихъ на спраспной недѣлѣ всѣ галлерей во Флоренціи были закрыпы, а образа въ церквахъ занавѣшены черными коврами. Если онъ и ходилъ на площадь смощрѣтъ Козьму Медиційскаго, или Неппуна, изваяннаго Іоанномъ Болоньи, или Челлинева Персея, или Микель Анжелова Давыда, шо не споль-

ко съ намѣреніемъ удивляясь изящности и характеру сихъ монументовъ, сколько побранишь бѣднаго Антонія, который вовсе не обращалъ на нихъ вниманія. Когда случалось ему спояшь одному, то при первомъ взглядѣ на сіи спасуи чувствовалъ онъ скуку; но когда подходилъ къ нему кто нибудь изъ поспороннихъ, или если на бѣду въ эпосъ разъ попадались ему на глаза проходящія портовки съ фруктами, или мальчишки, то укоризнамъ его не было конца. “Боже милосердый! говаривалъ онъ тогда, какой пы, антонію, неучь! Въ тебѣ нѣтъ искры высокаго! Ты выродокъ! У тебѣ на умѣ однѣ плоскости: возможно ли спояшь болваномъ передъ сими неподражаемыми памятниками вѣчности! Не уже ли пы не чувствуешь выраженія эпой живой мины? Не уже ли душа швоя не исполняется сладостнаго воспора при видѣ сихъ юныхъ Наядъ?,, и проч.

Такой метафизическій языкъ, можешь бышь, покажешь необыкновеннымъ въ ушахъ Италіянца; но надобно знашь, что Алберто незадолго предъ симъ познакомился съ молодыми художниками, у

которыхъ ввелось въ обыкновеніе: всякое просное чувство изъясняшь философически. Алберто охотно перенималъ эпо звучное пустословіе, которымъ думалъ возвыситься надъ другими. — Наконецъ насталь день открытія изящныхъ картинъ. Въ субботу на справной недѣль неперпѣливый художникъ отправился со своимъ поварихемъ въ соборную церковь, куда около 12 часовъ собралось великое множество народа, который за неимѣніемъ мѣста, покрывалъ всю площадь. Тогда въ медленной процессіи везена была на чепырекъ бѣлыхъ быкахъ огромная, чепыреугольная машина, похожая на дроги, съ закрытыми только боками и небольшими отперстіями. Шествіе оспановилось у церковныхъ дверей. Оперъ машины пропханушь былъ въ главу церкви до самаго алшаря — шонкій снурокъ съ привязаннымъ бѣлымъ бумажнымъ голубемъ. Глубокое молчаніе царспвовало въ церкви: пробило двѣнадцать часовъ. Съ послѣднимъ ударомъ миновалась мрачность справной недѣли. Злапое солнце блеснуло сквозь мрачныя шуци, колѣна преклоняющій Свещенникъ воспалъ и факелъ

ломъ зажегъ ракетнаго голубя, который полетѣлъ по снурку надъ головами предстоящихъ чрезъ церковь на площадь къ наполненной фейерверкомъ машинѣ — и сошны бураковъ и колесъ съ шрескомъ и шумомъ возвѣстили начало праздника. Въ одно мгновеніе черныя занавѣсы опустились, заигралъ органъ, загремѣла инструментальная музыка, раздался хоръ нѣвѣщихъ и весь народъ на колѣняхъ, съ воздѣшными къ нему руками, возносилъ громогласныя и радостныя рукоплесканія.

Честный Антоніо плакалъ, какъ ребенокъ; Алберто, смотря на него только что хотѣлъ позабавиться надъ его чувствительностію, какъ вдругъ онѣмѣлъ отъ удивленія, бывъ пораженъ необыкновенною красою. Это была прелестная Италіянка, не болѣе 18 лѣтъ, споявшая на колѣняхъ. Прекрасныя каштановыя волосы падали по плечамъ. Черное платье придавало бѣлизны ея нѣжнымъ, къ небу простираемымъ рукамъ, и въ голубыхъ глазахъ блиспали горячія слезы, кашившіяся по розовымъ щекамъ ея.

Въ эту пригожую дѣвицу Алберто въ одно мгновеніе влюбился до того, что

забылъ все его окружавшее. Онъ пожираль ее глазами, не переводиль духу, слушая ея вздохи. “Боипь, думаль онъ, моя богиня, мой идеаль, вѣчная мысль моя! Одна смерпъ разлучиль меня съ шобою., — Въ сихъ размышленіяхъ шолпа, выходившая изъ церкви дала ему шакон шолчокъ, что онъ далеко опскочиль опъ своего мѣсна. Какъ ни оборачивался онъ назадъ, какъ ни продираля, все было напрасно. Его приподняли локшями къ верху и несли съ собою на плечахъ. Онъ выбился изъ силъ, почувшвоваль судороги, закричалъ и вѣрно бы его задавили, если бы Аншоніо, ни на шагъ опъ него не опспававшій, не вспунился за своего прияшеля и крѣпкими мышцами своими не вышациль его изъ пѣснопы. Ишакъ онъ благополучно вышель на площадь, хоця и съ зашопшанными бацмаками, въ грязныхъ чулкахъ, безъшляпы и часовъ.

Но эша пошеря ни мало въ шо время его не огорчала. Часы подариль ему Аншоніо; шакъ не шанепъ дѣла за другими; но куда дѣвалась красавица? Нельзя было сыскапъ ее, хоця онъ продежуриль у дверей до шѣхъ поръ, пока весь народъ вышель изъ церкви. Наконецъ, взглянувъ

на себя, почувствовалъ, что въ какомъ безпорядкѣ спыдно ей показаться. Но онъ надѣялся завтра увидѣть ее. Ипакъ, вооружась перпѣніемъ, началъ мечпашь о несравненной красотѣ ея.

На другой день онъ не забылъ пойти пуда же. Долго искалъ и совсемъ было уже опчаялся насладиться ея лицезрѣніемъ, какъ вдругъ ее увидѣлъ. Она была уже не въ праурномъ, но въ свѣплогеле-номъ шелковомъ плащѣ. Помолившись съ набожностію, покрылась она вуалемъ и вышла изъ церкви. Алберто робкими шагами за ней послѣдовалъ. Она сѣла въ карешу и ѣхала. “Поддержи меня, Антоніо, вскричалъ онъ, у меня голова кружится,, — однакожь на сей разъ Антонія не было; онъ оспавался въ церкви.

Тогда Алберто принялся кропашь стихи въ честь своей красавицы и живопись у него вышла изъ головы. — Онъ говорилъ и очень справедливо: “Когда не умѣю снять съ нее порпшреша, то и не бывашь мнѣ живописцемъ. Но изобразишь ей чувсшва моего сердца — это въ моей власпи.,, Ипакъ онъ сдѣлался поэпомъ.

Скоро узналъ Алберто, гдѣ жила кра-

савица. Тогда всякую ночь брнчмль онъ на гитарѣ, распѣвая подь ея окнами свои саншименпальные сонешы. Увидя ее опяшь, онъ до шѣхъ поръ не спускалъ съ нее глазъ, пока она сама на него взглянула и онъ обомлѣлъ опъ восхищенія и радости. Иногда показывалась на лицѣ ея умильная улыбка, и наконецъ имѣлъ онъ счастье во время своихъ серенадъ видѣть оппворявшееся окошечко въ воропахъ, опкуда раздавались такія громкія рукоплесканія, какихъ едва ли можно было ожидать опъ нѣжныхъ ручекъ. Но что всего страннѣе: влюбленный Алберто опспалъ опъ своей обыкновенной дерзости и безстыдства. Онъ боялся и не смѣлъ придти къ ней въ домъ; ибо почипалъ ее сверхъестественнымъ существомъ, и она много бы потеряла въ его глазахъ, если бы онъ узналъ о ея сосщояніи и фамилии. — Но пишашь ли она взаимную любовь? — Это онъ хошѣлъ непременно вывѣдать. Конечно, ея улыбки, вздохи, громкія рукоплесканія не доказывали ея равнодушія; однакожь ему желашельно было слышашь собственное ея признаніе. Скоро представился къ шому случай.

Однажды вечеромъ, не много позже обыкновеннаго, Алберто, подкравшись подь окно своей красавицы, услышалъ, что она разговаривая съ кемъ-то довольно громко, произнесла его имя. Любопытство одержало въ немъ верхъ надъ желаніемъ пропѣшь новый, нескладный сонешъ. Онъ припаялся, чшобъ подслушашъ, и что же услышалъ несчастный? — “Видно не будешъ сегодня уморный мой пѣвецъ, сказала его любезная своей подругѣ. Жаль, если ты не услышишь его, а то было бы надъ чемъ посмѣяться! Какіе стихи сочиняешъ онъ мнѣ! Какъ поешъ!,, — А какъ любишь онъ тебя! — “Полно, милая, можешъ ли дуракъ любишь?,, — Зачемъ же позволяешъ ты ему дурачиться? — “Признаюсь, эщо меня забавляешъ. Знаешъ ли, что я съ нимъ дѣлаю? Когда онъ поешъ подъ моими окнами, то дворникъ, по приказанію моему, садится здѣсь на мое мѣсто и аплодируетъ ему изо всей мочи. А я что хохочу! Ну, скажи, не дуракъ ли онъ, не видишь, что надъ нимъ явно смѣются!,, — Проказница! и тебѣ не наскучило эщо? — “Правду сказашъ, щеперь не шакъ весело, какъ преж-

де., — Совѣшную шебѣ прекрашншь эшѣ дурныя шушки и опучншь опѣ себя эшо-го негодя.—“Я не полько его опучу, но и проучу: первый разъ, какъ придепѣ онѣ ко мнѣ подѣ окно и запоепѣ, велю дворнику облнпѣ его водою. Сей же часѣ пошлю за дворникомѣ. То-шо посмѣюсѣ вдоволю надѣ чудакомѣ въ послѣдннй разѣ; —Албершо раздумалѣ пѣпѣ свой сонешпѣ.,, хошѣль сѣ досады удавшпѣся подѣ окномѣ жестпокой насмѣшннцы, но шакже раздумалѣ; напнсалѣ на нее саширу, кошорой не полько она не чнпала, но и не слышала даже обѣ ней, браннль безпреспанно Аншонн я пнль сѣ горя на его счешпѣ.

Для разсѣянн я познакомнль онѣ со многнми весельчакамн, кошорые совѣшповалн ему не шакѣ строго суднпѣ о дѣлахѣ жншейскнхѣ; а какѣ судьба досшавнла ему покойную жнзнь на счешпѣ Аншонно, шо онѣ заблагоразсуднль ушѣвшпѣся. Тогда опяпѣ все спало веселѣе! Аншонно чашпо дѣлалѣ для свонхѣ прншпелей пнрушки, кошорыя не мало его забавлялн и сердечно радовалн, когда вдѣль онѣ всѣхѣ довольннми.

Въ это время случилось такое странное происшествіе, которое нашимъ чинашелямъ, можетъ быть, покажется невѣроятнымъ; но мы просимъ ихъ разсудить, что хотя Антонио былъ чловѣкъ добрый, но вовсе неопытный и несвѣдущій въ свѣщѣ. Вся знакомая ему молодежь занималась любовными интригами, въ которыхъ участвовалъ и Алберто. Эти красавицы составляли всегдашній предметъ ихъ шумныхъ бесѣдъ; а Антонио, къ стыду своему, оставался всегда безмолвнымъ слушателемъ. Не рѣдко пировали они за городомъ со своими любовными; одинъ Антонио былъ сиротою. Ему хотѣли доставить подобное знакомство; но онъ былъ странный: онъ желалъ обладать такою дѣвушкою, которая бы съ красою и честностію соединяла чувства истинной къ нему любви. Зная его застенчивость и неловкость, не легко было исполнить его намѣреніе.

Какъ ни щепетливо сперва сносилъ онъ свое положеніе; но послѣдкомъ не шуя задумалъ выпутаться изъ онаго. Прохаживаясь по городу, онъ чаще прежняго поглядывалъ на окна; ибо не

смѣль приспально разсмопрѣшь даже и Албершовой незнакомки. Если бывало онъ и глядѣль на какую женщину, по не иначе, какъ въ по время, когда она, во все того не замѣчала; но какъ скоро бросала на него свой взглядъ, по онъ приходилъ въ шакое замѣшательство, что первымъ его дѣломъ было—бѣжашъ опъ нее прочь. Къ шому же, какъ мы сказали, онъ былъ близорукъ и заспѣнчивъ. Однакожь въ послѣднее свиданіе знакомые его замѣшили въ немъ какую-по задумчивость и разсѣяніе. Онъ со всемъ не занимался ихъ шулками и вмѣсто обыкновеннаго громкаго его хохота, слышны были тяжелые вздохи. Тогда Албершо всячески спарался узнать причину шаконъ внезапной перемѣны, и много прошекло времени, пока Аншоніо рѣшилъ въ одинъ вечеръ повѣришь своему другу скрывааемую шайну. “Всякъ свое горе лучше знаешъ—сказаль онъ. Какъ ни удивлялся я швоей влюбчивости, а шеперь и самъ вижу, что это дѣло сбшпочное.,, Албершо весь преврашилъ въ слухъ, а Аншоніо продолжалъ: “ вы думали, что у меня никогда не будешъ любезной; впередъ не судите шакъ

опромешчиво. Скажешь ли правду-матку, вѣдь я смертельно влюбленъ...—Да въ кого же, любезный другъ?—“Вошь это-то, брашець, и загадка. Знаю, что женщина, —честная и кропкая, дѣла нѣшь, хошь съ утра до вечера порчишь въ окнѣ. Но вошь, что мнѣ шолько не любо: когда ни поди, все въ новомъ чепцѣ; вѣрно слишкомъ вѣпрена и жеманна. Но о такой смиренницѣ, кажется, грѣшно это молвишь. Другія, какъ бѣшенныя, бѣгають по окнамъ и глазѣють на проходящихъ, а она сидишь себѣ чиннехонько, какъ прикованная. Вѣрно большая руководѣльница! Я смѣло на нее глядѣлъ: какіе голубые глазки, какой аленькой рошикъ! ну, сущая красавица! — Не уже ли прелеснѣе моей богомолки? спросилъ Албершо.“ — Вошь этого навѣрное я не могу тебѣ сказать, потому что я не смогрѣлъ ей въ лице. Но черпы моей любезной глубоко врѣзались въ мое сердце, и если она такъ же прекрасна душою, какъ и шѣломъ, то я готовъ хошь сей часъ на ней женишь-ся, лишь бы ей шолько было не прошивно. ,,

Албершо, послѣ многихъ вопросовъ,

добился наконецъ, что красавица жила у модной порговки въ сосѣдней улицѣ.— Онъ ушѣшалъ его, что шакого рода дѣвушки рѣдко бывають жестюки; но любовь, всегда недовѣрчивая, беспокоила его до такой степени, что онъ непременно хотѣлъ слышать признаніе изъ собственныхъ ея устъ. На другой дѣнь по утру Алберто, проходя съ Антоніемъ мимо того дома, приспально смотрѣлъ на окна, но ничего не замѣпилъ, кромѣ бумажной куклы, съ прекрасною лакированной маскою, на кошдрой былъ чепчикъ, надѣшый вмѣсто вивѣски.

Алберто, оборюясь къ Антонію, только что хотѣлъ пожалѣшь о напрасной ходѣбѣ, какъ пришель его со вздохомъ сказалъ: „вонъ, посмотри опять въ другомъ чепцѣ: что дѣнь, то новый уборъ! Конечно, мнѣ пришно видѣшь ее у окна; но я не люблю, что она слишкомъ суешна.— Алберто вышаращилъ глаза на Антонія, сказавъ: шакъ это она сидѣла у окошка? Въ нее-то влюбился пы?—“Развѣ тебѣ не нравилъся? спросилъ Антонію.,— Какъ, брашь, не нравилъся, опвѣчалъ лукавый Алберто, у кошорого шощасъ

мѣлькнулъ въ головѣ злый умыселъ, да этакъ карпины не сыщешь ни въ одной славной галлерей. Чшо за волосы! желпѣ льну! Какія правильныя черпы! Какъ Греческій носъ! Врядъ ли прямѣ удастся выспрогашъ первому въ свѣпѣ сполляру! „Я не спорю, сказаль Антонію, у швоей красавицы, кажешся, волосы черныя.,—А какая разница между чернымъ и желпымъ цвѣшомъ? возразиль Алберто— та же, чшо шма и свѣпъ. Пускай-ка теперь наши дамы похвасшають своими голубыми глазами; нѣшъ, вопъ наспоющіе глаза небеснаго цвѣща, хопъ бы изъ синяго хрустала шакъ хорошо вышлифовашъ; а глядя на аленькій рошикъ, киноваръ и карминъ почпешъ за вохру и шишгель.—“Всякая хороша сама для себя, сказаль Антонію. Я вижу, шы хочешъ меня подсмѣяшъ, чшо моя красавица бѣлокурая, а швоя черноволосая. Но какая нужда до глазъ и волосъ; скажи-ка шы мнѣ лучше чшо нибудь о ея вкусѣ, о ея добронравіи.,—Чшо касаешся до вкуса, опвѣчаль Алберто, шо едва ли найдешся въ свѣпѣ женщина, котораябъ шакъ невинно спала для шебя наряжашься. Су-

дя по честной и кропкой ея наружноспи, у нее долженъ бышь и нравъ хорошій; если она также любишь рукодѣльничашь, какъ сидѣшь, то вѣрно къ своимъ пяши тысячамъ королиновъ накопишь еще сполько же нулей. — “Наконишь, или нѣшь, не въ помъ дѣло, сказала Антоніо; но ты видишь, что я могу влюбисься, да еще и въ красавицу. Теперь ты все знаешь, и я надѣюсь на твою дружескую помощь.” — Положись во всемъ на меня; не ударю лицомъ въ грязь, опвѣчалъ Алберто. — Съ симъ словомъ они пошли домой. Антоніо во всю дорогу погруженъ былъ въ любовныя мечпанія; а Алберто соображалъ въ головѣ планы, какъ бы лучше воспользовашься симъ обспояшельствомъ и осмѣяшь своего приятеля.

Онъ пошчасъ опкрылъ своимъ поварищамъ предметъ Антоніевой спраспи. “Не уже ли, говорили они другъ другу съ изумленіемъ, Антоніо влюбился въ куклу?”, — Цѣлую недѣлю насмѣшники подшучивали надъ жалкимъ любовникомъ, кошорый всѣ слова ихъ принималъ за наличную монешу.

Тогда Алберто, съ помощію своихъ знакомыхъ, началъ приводить свой планъ въ дѣйствио. Антоніо горѣлъ желаніемъ отккрыться наединѣ своей любезной. — Алберто взялся доснавить ему это свиданіе. Онъ пошелъ къ модной торговкѣ и за нѣсколько лудировъ овладѣлъ обожаемою куклой, которую, сдѣлавъ въ естественную величину, одѣли въ щегольское плашье. Попомъ Алберто явился къ Антонію съ письмомъ. Можно вообразить его восхищеніе, когда онъ прочелъ въ немъ приглашеніе пожаловать на другой день вечеромъ на задній дворъ, гдѣ она будетъ ожидать его въ саду на заборѣ.

Антоніо побѣждалъ шуда въ назначенный часъ и красавица, въ прелесномъ negligѣ, представилась глазамъ его, будучи до половины видима. Въ семъ положеніи Алберто, споявшій съ поварищами за заборомъ, удобно могъ ее повертывать и опивѣчать за нее женскимъ голосомъ на всѣ вопросы Антонія.

Такимъ образомъ наши спраспные любовники объяснились во взаимныхъ своихъ чувствахъ подъ сводомъ яснаго неба, при свѣтѣ блѣдной, задумчивой луны и

красавица, назвавшись Греческимъ именемъ Еленою (которое выговаривала Аленою) открыла ему, что у нее мачиха пресстрогая, держитъ ее взаперти и насильно заставляеть ее наряжаться; что она неперпѣливо желаетъ избавится какого рабства, и хотя ей извѣстно, что Антонио человекъ добрый и хочетъ на ней жениться, однако иначе этого сдѣлать нельзя, какъ увезти ее тайно изъ дома. Она хотѣла было еще что-то сказать; но ей слышался шорохъ и она тотчасъ скрылась, обѣщая въ скоромъ времени обо всемъ его уведомить.

Эту вѣсть принесъ ему Алберто. Положили, что бы спустя нѣсколько дней увезти ее въ Фіесоль, старинный городъ на горѣ близъ Флоренціи, гдѣ и обвѣнчаться. Алберто все распорядилъ. Ночью подѣхалъ экипажъ съ красавицей. Антонио, видъ себя отъ радости, бросился въ карету, проспясь напередъ съ Албертомъ, который, обнимая своего приятеля, не одну слезу выронилъ. Кучеръ погналъ, что есть духу. Антонио долго не говорилъ ни слова, наконецъ открылъ уста — и въ ошвѣща. “Вѣрно она задремала, думалъ онъ.

Ужь не сердитса ли она на меня? Не огорчена ли моимъ поспупкомъ? Не смѣю, разспрашивашь. Бышь можешь, ей спидно одной сидѣшь со мною. Съ разсвѣпомъ мы будемъ смѣлѣе говоритшь другъ съ другомъ и нынѣшній же вечеръ она моя., Такъ упѣшалъ онъ себя. Сдѣлавъ еще вопроса два, копорые равномѣрно оспались безъ опвѣпа, пересѣлъ онъ напрошивъ ее, и въ семъ положеніи сохраниялось съ обѣихъ споронъ глубочайшее молчаніе до пѣхъ поръ, пока восходящее солнце, вмѣспо воображаемой красавицы, предспавило ему—наряженную куклу въ маскѣ!

Вообразитше въ желѣзной клѣшкѣ медвѣдя, копорый доспавая медъ, спокійно даешь битшь себя по лапамъ—медвѣдя, копорый измучившись надъ приманкой, вмѣспо мычанія, начинаешь ревѣшь, вмѣспо ласковой улыбки, скалитшь пѣнящїеся зубы и ужасно спучитшь по дрожащей рѣшешкѣ: Антоніо похожь былъ на него! Въ одно мгновение схватилъ онъ несчастную и выкинулъ ее изъ карешы. Съ пѣхъ поръ, какъ Юпитеръ низвергнулъ съ Олимпа Вулкана, едва ли когда двуное, непернашое живошное съ ша-

кою стремительностію лешло по воздуху. Попомъ выскочивъ изъ карены, бросился онъ на кучера и гоповъ быль убишь его, когда бы пошь не вооружился кнупомъ, копорымъ ясно доказываль ему свою невинность.

Добродушный Анпоніо, одаренный, какъ и всѣ проспяки; крѣзкою шѣлесною силою, не скоро могъ бышь раздраженъ; но въ эшу минушу кипѣль онъ яроспію и бѣщенствомъ. Послѣ многихъ неудачныхъ приспуповъ къ кучеру, снялъ онъ осаду, спойвшую ему немаловажнаго урона, сказавъ: “убирайся къ чорпу, мошенникъ!”, — Кучерь не заставиль себѣ повпоряпъ, хлопнулъ своимъ побѣднымъ бичемъ и слѣдъ его простыль.

Анпоніо, блѣдный, изнеможенный пошупиль глаза въ землю. Казалось, одна кровь Алберта могла примирить его съ нимъ. Онъ обнажилъ кинжалъ, копорый всегда носиль съ собою, и пошробовавъ его оспріе, съ эхидною радостію воображалъ на немъ дымящуюся кровь врага своего. Въ безпамятствѣ побѣжалъ онъ на гору, лежащую между садовыми сѣѣнами, пошстроенными въ среднихъ вѣкахъ изъ раз-

валинъ древняго города. Наконецъ взобрался онъ шуда.

Въ нервѣшимости и неизвѣспности искалъ онъ прохладнаго мѣста въ самое по время, какъ выходила изъ саду прекрасная Юлія, живщая шупь въ своемъ домѣ. Антонію, шомимый зноемъ и усталостію, кивнувъ ей головою, пошросиль у нее плодовъ для утоленія жажды. Она пригласила его въ садъ. Пожилая Каперина принесла въ бесѣдку полную корзинку съ фруктами, и Юлія всячески уговаривала антонія воздержаться отъ неумѣреннаго употребленія дыни, которую глоталь онъ цѣлыми кусками. Разспроенный видъ его и сшпанное обращеніе возбудили въ ней любопытство узнать о его обстоятельстввахъ жизни. Антонію не заставиль себя долго ушрашивать, пошому что сердце его искало облегченія въ изліяніи своей горести.

“Сударыня! сказала онъ, врядъ ли отъ сотворенія міра кто на земль претерпѣль подобное моему поруганію. Но я опмшу тебѣ, проклятый наглець! непременно опмшу!”, Тутъ оцашъ блеснулъ онъ своимъ обнаженнымъ кинжаломъ.

Можно себѣ представить, каково было Юліи смонрѣшь на Антонію; впрочемъ она имѣла швердый, непоколебимый характеръ. Жалѣя душевно о бѣдномъ Антоніи, у котораго на лицѣ написаны были сильное оскорбленіе и досада, она рѣшилась отвратить угрожавшее ему несчастіе. Итакъ оставя всѣ сухія увѣщанія, которыя въ огорченіи болѣе раздражаютъ, нежели приносятъ утѣшенія, она согласилась съ нимъ, что дѣйствительно бывають такія обиды, которыя одна только кровь загладишь въ сосноянніи. “Но скажите, пожалуйста чѣмъ васъ такъ жестоко оскорбили? „

—Извольте знать, сударыня, напередъ продолжалъ Антонію, что вы видите передъ собою первѣйшаго во всей Эпзуріи дурака, который съ самаго ребячества имѣлъ непроспешельную глупость любить одного негодяя, подлаго бродягу, своекорыснаго плута. Эщось бездѣльникъ уговорилъ меня покинуть мое мастерство, вѣрнѣйшій кусокъ хлѣба — и ѣхашъ съ нимъ въ Миланъ, что бы полюбавашься какъ на шеагрѣ его освищуть. Нѣтъ спору, хотя мнѣ и посча-

спливилось въ помѣ же домѣ, полько въ верхнемъ эшажѣ, выиграшь за вечеръ 20 ш. скуди, не зная вовсе игры, о копорой шеперь я и слышать не хочу: однакожь ему недовольно было, что онъ живучи на мой счетъ, пользовался половиною моихъ доходовъ. Мнѣ кажется, онъ опъ зависши ненавидѣлъ меня. Долго сносилъ я колкія его насмѣшки, почишаяихъ за прияпельскія шушки; но послѣдняя не выйдеть у меня изъ памяти. Нѣтъ, безсовѣстный Алберцю! этого я не забуду до шѣхъ поръ, пока пронжу швое коварное сердце.,—Тутъ опяшь показался кинжалъ, и Юлія, собравшись съ духомъ, спросила: “А попомъ что случилось?,,

До сихъ поръ Антонио увлечень былъ спрасцію. Заспѣнчивость его успушила мѣсто мщенію и бѣшенству; онъ забылъ, съ кемъ разговариваетъ, и тогда полько опомнился, когда уже рассказалъ со всею подробностію свое любовное и смѣшное приключеніе. Смопря на прекрасную Юлію; онъ безпреспанно краснѣлъ и едва собрался съ духомъ, что бы начашъ новый разговоръ. Это замѣша-

тельство придавало его наружности нечто приятное. Онъ зной и горячності болѣе и болѣе оживлялось его скрытое, доброе лице. Большіе, немносѣрные глаза его сверкали необыкновеннымъ огнемъ, и заспѣчивость его, болѣе угодблящаяся кротости, являла его истиннымъ сыномъ природы.

“Но и подѣломъ мнѣ, сказалъ онъ наконецъ тихимъ голосомъ. Возможно ли бытъ такъ безразсуднымъ? Въ оправданіе свое примолвлю, что я слишкомъ заспѣчивъ въ обращеніи съ женщинами и къ тому же близорукъ. До сихъ поръ не зная любви, я легко вдался въ обманъ и посрамленіе. — Со всею откровенностію и просподушіемъ разсказалъ онъ попомъ свою испорцію, которая понравилась Юліи. Дѣвушка охотно прощаешь муцинѣ неопытность въ волокитствѣ. Хотя все происшествіе доказывало необыкновенную его разсѣянность, но нимало не обличало его въ глупости и безчувственности. Скорѣе можно было почесать оное суебностию, которая въ избѣжаніе насмѣшекъ, довела его до такой насильственной любви; между шемъ разговоръ

Аншонія показываль челоуѣка здоровомыслящаго, чувствительнаго и съ избыткомъ одареннаго добродушіемъ, которое несравненно лучше холоднаго ума эгоистовъ, пренебрегающихъ свяшою прослопой неиспорченнаго сердца.

По окончаніи исторіи, Юлія съ улыбкою сказала: “вы не слишкомъ вступайтесь за свою обиду. Умному Албершу упрекашь васъ нечемъ. Если онъ пользуясь слабымъ вашимъ зрѣніемъ, заславиль васъ похишивъ бумажную куклу: по, влюбясь въ живую дѣвушку, при всей дальновидности своей, возбудилъ къ себѣ явное ея презрѣніе.,,

Аншоніо выпаращиль глаза: въ горячности выпустиль онъ изъ своего разсказа весь эпизодъ объ Албершовой красавицѣ. — “Почему же это вамъ извѣстно? спросилъ онъ. Опъ кого вы это слышали?,, — Какъ развѣ вы меня не узнаете? возразила Юлія. Теперь и я вижу, что вы не слишкомъ удоспоиваете своимъ вниманіемъ и наспоющихъ жеищинъ. — “Не уже ли, сударыня, вы ша самая красавица?,, — Точно шакъ, вы не ошибаетесь, отвѣчала она. — “Да какъ же вы сюда по-

пали?,, — Я живу здѣсь на своей мызѣ, а тогда госпила у шепки.—“А гдѣ же ваши родишели?,,—Они давно скончались—опвѣчала со вздохомъ Юлія.—“И у меня нѣтъ ни опца, ни машери, сказаль прослезившись Аншонію. Такъ вы здѣсь одиѣ живете?,, — Нѣтъ, со служанкою. Иногда бываю въ городѣ, но большую часпъ времени провожу здѣсь, и какъ ппичка, упѣшаюсь моей свободою.— Аншонію успремилъ на нее первый, смѣлый взглядъ. Двадцашъ пысячъ скуди придали ему смѣлоспи. “Послушайше, сударыня, сказаль онъ; не уже ли вы никогда не намѣрены выдпи за мужъ?,,—Эпо самый неожиданый вопросъ, съ улыбкою возразила она. Тупѣ нечаянно увидѣль онъ нарисованный на дверяхъ гербъ. “Эпо что за гербъ?,, спросиль онъ съ безпокойспвомъ.— Родовый гербъ нашъ, опвѣчала Юлія.—“Эхъ! какая вездѣ неудача, сказаль недовольный Аншонію. Ба, да эпо что шамъ за сполярная вывѣска? Развѣ и здѣсь еспъ споляры?,, — Покойный опецъ мой занимался эшимъ масперспвомъ.—“Какъ! дворянинъ былъ споляромъ?,, — Предки его заслужили дворянспво во время войны; но на-

слѣдники, по обстоятельству спвамъ, лишились всего имѣнія. Родитель мой, трудами рукъ своихъ, поддерживалъ честь моей фамилии; обезпечивъ себя независимостию, онъ умѣлъ дать воспитаніе своей дочери и оставивъ ей небольшое имѣніе. — “О, сударыня, воскликнулъ обрадованный Антоніо, вѣдь и я былъ сполярромъ, а теперь такъ разбогатѣлъ, что не спанеть дѣла за дворянскою грамотою., — Туть Юлія намѣрена была прервать разговоръ, но онъ ее удержалъ. “Колѣи ужъ началъ, сказалъ онъ, по позволенью и кончить; не удастся теперь, такъ не удастся и никогда. Вы прекрасны — это показываетъ лице ваше; вы добры — это говоритъ красота ваша. Вы назвали себя безродною сиротою. Спранный случай свелъ насъ. Если не спануковашь желѣза, пока оно горячо, то все пропало. Я поѣхалъ вѣнчаться; теперь опъ васъ зависить или предашь меня на посмѣяніе гнусному Алберто, или дашь мнѣ воспоржествовать надъ нимъ, доказавъ его не кинжаломъ, а вашею прелестною особою.,

Такъ убѣждалъ онъ ее своею добро-

душною, опкровенностію до тѣхъ поръ, пока изъяснила она ему на то совершенное свое согласіе, которое вовсе не удивило Антонія; а что бы оно не показалось спраннымъ и нашимъ читателямъ, то они должны замѣтить, что Юлія, развѣдывая о Албертѣ, узнала вмѣстѣ Антонія и его честный характеръ. Бѣдная Юлія за годъ предъ симъ лишилась жениха, храбраго Офицера, убишаго въ сраженіи. Казалось, что она не перенесетъ сего жестокаго удара; но прекрасный климатъ Испаліи и мирное уединеніе возвращили ее къ жизни. Она чувствовала необходимость въ другѣ, который бы служилъ ей опорой, искала чловѣка, который бы безъ ея богатства и любви взаимной, почиталъ себя счастливымъ въ обладаніи ею, и кто могъ лучше оправдать ея желанія, какъ не добродушный, мощный, зажиточный Антонію?

Итакъ она отдала ему свою руку и хотя не питала къ нему нѣжной любви, но привязанность его сославляла ея счастье.

Съ какимъ торжествомъ привезъ Антонію свою возлюбленную во Флоренцію,

легко можно себя представить. Все припели его вышли за городскія ворота къ нему на встрѣчу. Алберто самъ отворилъ карету. “Здравствуй, Антонио! неизмѣнный другъ и поварищъ! Поздравляю съ благополучнымъ приѣздомъ. Гдѣ же твоя суженая?,”—Вотъ она, отвѣчала Антонио со спокойнымъ видомъ, указывая на Юлію. — “Боже мой! воскликнулъ изумленный Алберто, что я вижу?—Замысловашую шутку прихотливаго счастья, Г. Алберто! съ улыбкою сказала Юлія. Иногда и умный бываетъ обезславленъ, а просякъ награжденъ 20.000 скуди. Иногда сватаютъ куклу, а она превращается въ дѣвушку, которая не прельстилась и знаменитымъ пѣвцомъ. Антонио за многое вамъ благодаренъ. — Если вы, живучи на счесть своего приятеля и хотѣли его обезчестить, то какая нужда?—вамъ, однимъ только вамъ обязанъ онъ своимъ имѣніемъ и невѣстою. —

Что Алберто на это отвѣчалъ, исторія умалчивается. Въ третій разъ рѣшился онъ ушопиться и попрежнему опложилъ свое намѣреніе. Но мы сомнѣваемся, что бы разсудительная Юлія позво-

дила добродушному Антонию простить
его и предославивъ ему прежнія права
и выгоды.

В. Половцовъ.

~~~~~

АЛЛЕГОРІЯ *).

Есть дѣва—радость для очей,
Небесъ прекрасное созданье!
Какъ волнь полуденныхъ журчанье,
Пріяшенъ звукъ ея рѣчей;
Въ ухахъ улыбка неземная;
Вѣнецъ безсмертья надъ главою,
Она всѣхъ манишь за собой
И всѣмъ намъ кажешся родная;
Но люди прочь бѣгутъ ошъ ней,
Не внемлють шихому укору:
Небесный свѣтъ ея очей
Несносенъ слабому ихъ взору,
Какъ яркий блескъ дневныхъ лучей.
Она зовешъ насъ въ край прелестной;
Но мало избранныхъ во слѣдъ
Тропой колючею и шѣсною
Спѣшащъ на ласковый привѣщъ!

~~~~~

---

*) Прислана ошъ неизвѣстнаго.

АНГЕЛИКЪ.

Чемъ чаще къ вамъ шеперь хожу,
 Чемъ больше я на васъ гляжу,
 Темъ больше съ Ангеломъ въ васъ сходства
 нахожу.
 Такъ шочно, Ангель вы — не только кра-
 сошою,

Но и умомъ и доброшою.

Взоръ ангельскій у васъ въ лазоревыхъ гла-
 захъ,

Улыбка Ангела на розовыхъ устахъ,
 А звуки голоса, какъ арфа въ небесахъ.

Такъ, будышежь Ангель мой хранишель!
 Любовь къ вамъ сдѣлала меня добрый, умный,
 И если будеше вы мнѣ пушеводишель,
 То всѣхъ счасливѣе я буду и славный.

Б. Ц. 25 Марта 1824.

Лардем...

~~~~~

ГДѢ ТЫ.

Гдѣ ты — шамъ мысль моя лешаетъ,
 Туда спремашся всѣ мечшы,
 И сердце шамъ лишь бышь желаетъ,
 Гдѣ ты.

*

Гдѣ ты — шамъ самый день свѣшлѣе,
 Миръ полонъ райской красоты;

Забавы радости живѣе,
Гдѣ шы.

*

Гдѣ шы — шамъ въ сладкомъ чувствѣ заб-
веньи

Не вижу время долгошы—
И знаю шамъ лишь наслажденьи
Гдѣ шы.

Калуга.

М. т. к. н.

~~~~~

АРТУРЪ.

(Изъ Pierret de St Severin.)

Артуръ, схвативъ копье и щипъ,
Облекся въ броню золошую —
И кроя грудь его младую,
Броня съ надменностью блеспитъ.
“Друзья за мною, онъ взываетъ,
За мною въ слѣдъ беспрашно въ бой!
Насъ слава въ поле призываетъ;
Проси, веселье и покой!

*

Какъ вихрь пустился — поданъ знакъ:
Ряды гошovy въ бой кровавый;
Примчался рыцарь величавый —
И изумился гордый врагъ.
Онъ храбрыхъ въ бишвѣ ободряетъ,

За нимъ Побѣда въ слѣдъ лепишь—
И Слава випязя вѣнчаешь
И радости Любовь сулишь.

*

Замолкъ стукъ копій и мечей,
Запихли гулы пушки бранной—
И випязь, лаврами вѣнчанной,
Сказаль красавицѣ своей:
“Минуша счастья настала,
Побѣды юный сынъ съ шобой;
Меня рука ея вѣнчала —
Вѣнчай и ты любви рукой!

А. Таскинѣ.

~~~~~

РОМАНСЪ.

Привычку бышь всегда съ шобой—
Единымъ благомъ я счишаю:
Гдѣ ты—тамъ радость и покой;
Гдѣ нѣтъ тебя—я всею скучаю.

*

И не могу съ привычкой сей
Ни на минушу разлучиться:
Въ ней счастье все души моей,
И ей лишь жизнь моя хранился!

*

Въ часы денницы золотой
Томлюся въ спраспномъ ожиданьи

Скорѣй увидѣшься съ побой
И наградишь души спраданье.

*

Какъ къ гробу, къ ложу своему
Я въ часъ ночный бреду съ поскою —
И, равнодушный ко всему,
Къ тебѣ одной спремлюсь душою.

*

Напрасно милья чершы
Хоця во снѣ забышь спараюсь;
Во всемъ являешься мнѣ пы;
Во всемъ тебѣ я удивляюсь!

*

И каждый звукъ изъ уснѣ швоихъ
Несешъ мнѣ новое блаженство;
Въ лицѣ швоемъ для глазъ моихъ
И недоспашки совершенство!

*

Беру ли кисть — краса швоя
Во всякомъ образѣ сіяешь!
Хочуль пишашъ — рука моя
Семь милыхъ буквъ изображаешь!

Невольнo долженъ я шаишь
Ту спрасшь, кошорою пылаю;
Но чшобъ себя не оскорбишь,
Сказашъ: *люблю*, я не дерзаю.

КЪ Л И Л Ъ.

Лила! въ помъ я признаюся,
 Чшо побою былъ плѣнень;
 Но шеперь, увы! спыжуся,
 Чшо былъ сполько ослѣпленъ.
 Ты прелесшна, нѣшъ сомнѣнья;
 Но умѣшь ли любишь?
 Ахъ! прошекція мученя
 Мнѣ веляшь себя забышь.
 Я любилъ, но шы чуждалась
 Нѣжності моей къ себѣ;
 Я вздыхалъ, а шы смѣялась
 Бѣдспвенной моей судьбѣ.
 Но шеперь уже свободенъ
 Спалъ я ошъ оковъ цвоихъ,
 Сердца волею доволенъ
 И спокойспвомъ чувспвъ моихъ.
 Будь счасплива, если можно
 Безъ любви счаспливой бышь;
 Мнѣжь себя, о Лила должно
 Вонъ изъ сердца испребить.

Казань.

Пет..нб.

Въ альбомъ А. Л. Б.

Пусть сей лиспокъ, на зло самой Судьбѣ,
 Пребудешь здѣсь всегда съ моимъ желань-
 емъ,
 Чшобъ въ жизни сей не привелось тебѣ
 Жить, шакъ какъ я, однимъ воспомина-
 емъ.

Муромъ, 1822.

Хрулевъ.

~~~~~

Эпиграмма.

“Кокешка спарая!”, кричишь весь свѣтъ.
 А самолюбіе въ почленно-шомной Хлоѣ,
 Тревожа сердце, вопіешъ:
 “Когда прекрасною была ты въ двадцать
 лѣтъ,
 То въ сорокъ сдѣлалась прекраснѣй едвог!!”

И. Ч.

~~~~~

Шарада - Анаграмма.

Начальное свое въ предлогахъ нахожу;
 Концелѣ же я своимъ креспьянину служу;
 Имъ пажишь ошъ скоша его оберегаю,
 Дрова ему и свѣшь нерѣдко доспавляю;
 А весь въ Естешественной Исторіи найдусь
 И къ хищнымъ пшицамъ ошнесусь.
 Но чпо бы городомъ явишься,
 Въ порядкѣ шолько буквъ мнѣ шпоишь из-
 мѣнишься.

Нась двое одного
 Въ Губерніи одной названья; для шого
 Эпишены всегда почши къ намъ прибавля-
 юшь
 И шемъ ошъ одного другой градъ ошлича-
 юшь.
 Теперь *сб.* дшгорядъ васъ прошу меня *слѣ-*
шать
 И лѣшомъ на поляхъ, на пашняхъ всѣхъ
 искашь:
 Креспьянами на нихъ всегда я засѣваюсь,
 Пришомъ же не одинъ, во множешвѣ раж-
 даюсь
 И множешво дѣшей на свѣшь произвожу,
 Ошѣ коихъ послѣ вновь я самі проишхожу.
 Когда бываю я съ дѣшми, шш уважаюсь —
 Безъ нихъ и съ шебелькомъ я подъ ноги
 бросаюсь.

Псковѣ.

Ис. Вутырскій.

мшшшшшш

Шарада - Омонимъ.

Изъ *перваго* нельзя намъ цѣлаго составить:
 Чшобъ *цѣлымъ* бышь ему, шо надобно при-
 бавишь

Къ нему не менѣе шого,
 Въ себѣ оно что заключаетъ.

А болѣе всего

Въ покояхъ *первое* и въ комнапахъ бываетъ,
 Гдѣ всякъ его ногами попираетъ.

Когда же Фебъ сокроешь въ моря
 И Западъ озлашишь вечерняя заря:
 Тогда *последній* слогъ, звѣздами увѣнчанный,
 Покроешь небосклонъ,

И всѣхъ шогда желанный
 Обнимешь крѣпкій сонъ.

Въ спаринны годы слогъ сей божествомъ
 считали,

Моленія ему и жертвы воздавали,
 Двумя дѣшми: и Сномъ и Смертью окру-
 жали

И въ видѣ кенщины его изображали.—

Спрану вселенныя найдете вы во *всѣмъ*.

Въ знаменованіи жъ *другомъ*

Есть *цѣлое* мое не цѣлое, *второе* —

Есть часъ, зъ кошорый всѣ находяшся въ
 покоѣ.

Пековъ,

Изъ Бутырскій.

Шарады.

1.

Неоспорожный Прометей,
 Прельсаясь боговъ дарами,
 Открылъ коробочку на пагубу людей,
 Пандоръ данную жестокими Судьбами,
 Изъ коей вылетѣлъ мой *первый* слогъ:
 Его ужъ возвращишь никшо назадъ не могъ.
Вторый—Алжира управишель,
 И *перваго* ешь *цѣлое* блющишель.

2.

Угрюмый селянинъ Вальтійскихъ береговъ
 Слогъ *первый*—а *второй* ешь предокъ шалу-
 новъ,
 Которые Москву огнемъ опустошили,
 Хоть сами за нее и слишкомъ заплашили.
 А *все*—Ирландіи шаринный паладинъ.
 О подвигахъ его воспѣлъ попомешву сынъ.

(Сообщено.)

~~~~~

Анаграмма.

Въ Естественной своей Испоріи Бюффонъ
 И обо мнѣ упоминаешь:
 Когдажъ *на оборотѣ* меня кто прочишаешь—
 Я шожь почши, чшо легіонъ.

И. Бутырскій.

Логогрифъ.

Когда *безъ головы* — морей огромный жи-
 шель;
 А *съ ней* я бѣдная ошшельниковъ обишель.

И. Бутырскій.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. N° XI.

ТАИНСТВЕННЫЕ ГОСТИ.

(истинное происшествіе.)

Нѣсколько лѣтъ назадъ приѣхали на пакѣтбощѣ изъ Дувра въ Кале два Англичанина; остановились не у Г. Дессейна, прославленнаго Юрикомъ, но у Дюлонга, содержащаго незначущей гостинницы; приказали опвесми себѣ лучшую комнату; не жалѣли денегъ; худыи споль практирщика находили очень хорошимъ, а подмѣшанное вино цѣльнымъ. Каждый день ожидалъ Дюлонгъ, что они поѣдутъ далѣе, захопяшь посмопрѣшь Парижъ — и для чего бы такъ долго останавливаться имъ въ Кале? Но они не ѣхали далѣе, не хотѣли побывать въ столицѣ, даже не осмапривали достопримѣчательностей въ Кале; но хаживали иногда на охоту за куликами; впрочемъ сидѣли все дома, ѣли, пили, и ничего не дѣлали.

“Вѣрно это шпионы, думалъ хозяинъ,

или бѣглецы, или—дураки. Все равно! Но мнѣ какое дѣло? Плашашь исправно., — Сидя вечеромъ съ сосѣдомъ своимъ лавочникомъ за буылкою вина, наблюдательный Дюлонгъ обыкновенно разсуждалъ съ нимъ о шайнспвенныхъ иносстранцахъ.— Эпо шпіоны; ушверждалъ лавочникъ; одинъ изъ нихъ смопритъ косо лѣвымъ глазомъ.— “Не всѣ косые шпіоны, возражалъ практицикъ. Скорѣе почпу я гостей своихъ бѣглецами: они чипающъ у меня всѣ газешы и вѣрояшно для того, что бы не пропустишь объявленія о своемъ побѣгѣ.,”

Сосѣдъ доказывалъ, что всѣ Англичане, по крайней мѣрѣ двѣнадцашую часпъ своей жизни проводящъ въ чтеніи газешъ. Наконецъ оба цѣховые собраша соглашались, что если приѣзжіе ни шпіоны, ни бѣглецы, то безъ сомнѣнія должны бышь большіе чудаки—или дураки. Въ эпомъ мнѣніи еще болѣе ушвердился Дюлонгъ, когда, чрезъ нѣсколько недѣль, одинъ изъ Англичанъ сказалъ ему: “Любезный хозяинъ, намъ нравится жишь у васъ, и если вы согласитесь на наше предложеніе, то легко спанется, что долго, долго еще будемъ мы пращипшь деньги въ вашемъ домѣ.,”

— Прикажише только, Милоспивый Государь! Для таких почтенных и добрых поспояльцевъ, какъ вы, радъ все сдѣлать. —

“Хотя у васъ на вывѣскѣ, продолжалъ Англичанинъ, намалевано величайшее живописное, именно: слонъ; но ваша гостиница, не прогнивайшесь, еспь муха между гостиницами: едва найдешся въ ней при порядочныхъ комнахъ, да и шѣ, къ несчастію всѣ на улицу. Мы любимъ покой, любимъ спать. Вашъ ночной спорожъ имѣеть прегромкій и пренесносный голосъ; повозки во всю ночь спучають по улицѣ, такъ что въ оконницахъ дрожають стекла. Безпрестанно мы просыпаемся и сердимся. Судите сами, любезный Дюлонгъ, какъ не перяють намъ перья и здоровья?,”

Хозяинъ пожалъ плечами. — Какъ же избѣжають этого? — “Очень легко, если не пожалѣете только небольшихъ издержекъ, половину кошорыхъ возьмемъ мы на себя и сдѣлаемъ вамъ за то при опъздѣ нашемъ значительное вознагражденіе., — Обрадованный Дюлонгъ общался сдѣлать въ угожденіе высокихъ госпей своихъ все,

что было въ его силахъ; только не брались запрешишь спучашь повозкамъ и кричашь ночному спорожу.

“И не нужно—говориль Англичанинь— шамь позади двора еспь у вась маленькій садъ; но вы конечно не любите занимашься садоводспвомъ, пошому что кромѣ пяши, или шесши грядъ зелени для вашего вассерсуа, ничего шамь не рашешь, кромѣ крапивы. Хошя садовая спѣна и шолста; но угрожаешь уже паденіемъ. Чшо, если бы на эшомъ мѣспѣ построили вы нѣчто похожее на лѣшній домикъ, хопь въ два покоя? Его можно примкнушь къ спарой спѣнѣ. Такимъ образомъ сбережешь большая часшь издержекъ, да и спѣна будешь подперша. Я сказала уже, что мы охощно принимаемъ на себя половину издержекъ, шолько бы имѣшь намъ покойное жилище; а какъ мы уѣдемъ, шо вамъ оспанешся спроеиѣ и у вась будешь, для опдачи въ наемъ, два лишнихъ покоя. Но если вы не согласны на наше предложеніе, шо мы непремѣнно должны вась оспавишь.”

Хозяинь не находиль никакого зашрудненія исполнись споль выгодное для

него предложеніе и думаль: не напрасно мы съ сосѣдомъ считали эгихъ людей пошлыми дураками. Немедленно призвалъ онъ подрядчика: осмошрѣли мѣсто, навезли кирпича и лѣса, при поненькія спѣнки возвысились, а съ чепверпной старой садовой спѣны сдѣлали наклономъ кровлю. Все эшо походило болѣе на шалашъ, нежели на домикъ; но госпи были довольны, а хозяинъ изподпишка смѣялся.

Прошло два мѣсяца во взаимномъ удовольствіи. Гинеи сыпались поспояльцами попрежнему, а вино спановилось день оно дня хуже. Оба Англичанина рѣдко оспавляли свое жилище, ѣли, пили и читали газетны. Одно полько показалось хозяину спраннымъ: госпи просили его выспроишь для нихъ особый домикъ нарочно для того, что бы имъ ничшо не мѣшало спать ночью; а шеперь нерѣдко замѣчалъ онъ у нихъ по ночамъ огонь. Сначала подумаль оцъ, не дѣлаюшь ли они фальшивой монеты; но какъ всѣ ихъ деньги шли черезъ его руки и гинеи, по самому спрожайшему свидѣшельспву, оказывались неподверженными никакому

сомнѣнію, по Дюлонгъ и сосѣдь его оспались при прежней мысли, что эти Англичане дѣйствительно дураки.

Въ одинъ прекрасный осенній день хозяинъ увидѣлъ, что госпи его выходяшь изъ своего домика съ ружьями за плечами. Они сказали ему, что идушь на охоту, спрѣляшь куликовъ, и проспились съ нимъ на три дни. Прошло три дня — прошелъ и четвертый; но госпи не возвращались. Въ пятый Дюлонгъ покачалъ головою; въ шестый и сосѣдь его сдѣлалъ поже; въ седьмой донесъ хозяинъ о семъ случаѣ полиціи; въ осьмый полиція узаконеннымъ порядкомъ вошла въ оставленное жилище и нашла на столѣ записку слѣдующаго содержанія:

“Любезный хозяинъ! если вы когда нѣсколько занимались опечесивенною испоріею, то вѣрно знаете, что герцогъ Кале въ продолженіи 210 лѣтъ принадлежалъ Англичанамъ; что наконецъ герцогъ Гизъ выгналъ ихъ опсюда и сдѣлалъ съ ними поже, что нѣкогда Эдуардъ III съ Французами, п. е. гналъ ихъ палками до самыхъ городскихъ ворошь.

“Недавно попался намъ сундукъ, полный
 “древнихъ записокъ на пергаменѣ, изъ
 “коихъ мы увидѣли, что одинъ изъ нашихъ
 “предковъ жилъ въ Кале, въ большемъ до-
 “мѣ, на шомъ мѣспѣ, которое занимаеп-
 “ся теперь - время домами. Одинъ изъ
 “сихъ домовъ принадлежитъ вамъ. Когда
 “предокъ нашъ принужденъ былъ бѣжать,
 “то зарылъ свое золото и серебро подъ
 “полстою спѣною, которая цѣла и по
 “сию пору. Въ его бумагахъ нашли мы
 “планы и въ нихъ самыя подробныя свѣ-
 “денія о всѣхъ окружныхъ спроевяхъ—
 “потчасъ опсправились въ Кале, и узнавъ
 “что на споль нужномъ для насъ мѣспѣ,
 “находишся, къ счастью нашему, госпин-
 “ница, наняли себѣ въ ней кварширу; все
 “ислѣдовали и наконецъ изобрѣли сред-
 “ство, какъ бы принятъ намъ во владѣ-
 “ніе, безъ свидѣтелей, наслѣдство, по
 “всей справедливоспи намъ принадлежа-
 “щее. Какъ преодолѣли мы всѣ спрудно-
 “спи, вамъ извѣспно. Большая яма и
 “большій желѣзный сундукъ, которые
 “найдете вы въ нашей спальнѣ, подлѣ
 “спарой каменной спѣны, могутъ слу-
 “жить несомнѣннымъ доказательствомъ

“нашего успѣха. Сундукъ даримъ вамъ, а
 “яму совѣшуемъ зарышь—и о насъ болѣе
 “не безпокоишься. Всѣ поиски будущъ
 “пщешны: мы были у васъ подь ложны-
 “ми именами.,”

Содержашель госпинницы золошаго
 слона спояль, разиня рошь. Пришель со-
 сѣдь. Оба осмопрѣли пустый сундукъ и
 попомъ яму, взглянули другъ на друга,
 вздохнули и сказали въ одно слово: *эти
 люди не дураки!*

Съ Нѣм. Л..ш..сб

~~~~~

ОТРЫВКИ, НАЙДЕННЫЕ ВЪ БУМАГАХЪ ОДНОГО САМОУБИЙЦЫ.

Орудіе смерти уже гошово ... а я все
 еще медлю прекрашшь несносныя мои
 мученія!

Давно уже спенаю подь бременемъ
 жизни... она могла быть счасливую и
 добродѣтельную; но была сплешеніемъ
 несчастій и пороковъ!

Природа надѣлила меня дарованіями;
 случай доспавиль мнѣ богатство: еслибъ
 не употребляль я во зло того и другаго,
 то безъ сомнѣнія жилъ бы и долго и сча-

спливо ... умираю во цвѣпѣ лѣпѣ, пожираемый угрызеніями совѣспи!

Когда я вступилъ въ свѣпѣ; сердце мое было непорочно ... Я спремился ко благу; но щеславіе и спраспи соврапили меня со стези добродѣтели на поприще пороковъ .

Я могъ бы одумашься ... но сила привычки все преодолевала ... вопль разсудка мгновенно былъ заглушаемъ.

Никогда не ложился я спать иначе, какъ недоволенъ собою...никогда не вставалъ иначе, какъ въ волненіи духа ... Ахъ! иногда-то было время испыпашь, позволила ли судьба самимъ намъ быпѣ виновниками нашего счаспія!...

Безумный! пустоша души моей возбуждала во мнѣ ропощъ ... и я могъ видѣпѣ злополучіе, не облегчая души моей.

Я могъ оспавашься въ порокѣ, когда избѣгашь его понуждало меня самое здоровье!...

Я могъ ропшашь на совершенное мое разореніе ... и за одинъ день передъ шемъ спавишъ на каршу болѣе денегъ, нежели чего споило все мое имѣніе.

Я могъ распочишъ все свое имѣніе...

а излишекъ онаго, избавиль бы многихъ несчастныхъ опъ голода.

Не жалю о свѣпѣ ... онъ содѣйствоваль моимъ пресшупленіямъ ... не осшавляю въ немъ ни одного искренняго друга.. разврашныя не имѣюшъ искреннихъ друзей .

О если бы по крайней мѣрѣ могъ я вспомнишь хопя одного нуждающагося, кошорому я сдѣлаль пособіе: я испышаль бы сердце его ... если бы оно не было неблагодарно; я раздѣлль бы съ нимъ, можешъ бышь, его рубище ... нищешу ... и согласился бы жишь ... Но сердце мое было неприсшупно ... холодный эгоиствъ, я думаль шолько о самомъ себѣ, о удовольшвореніи своихъ прихощей, а не о нуждахъ и пользѣ ближняго!

Если бы могъ я всшупишь снова на поприще жизни ... но, увы! я нахожусъ при концѣ онаго!

Вы, кошорые будете чишашъ сіи безпорядочныя спроки и кошорыхъ жизнь шолько чшо начинаешся! предохраняйше себя опъ порока и вы будете ожидашь смерти не шакъ, какъ я—не ужасаясь и не желая оной.

Праздноспь погубила меня ... равно
и вась можешь вовлечь въ погибель ... Я
быль богашь ... и умираю — обременен-
ный долгами!

Ахъ! не желайше богашспва ... же-
лайше бышь полезными ... и о смерти
вашей будущь сожалѣшь болѣе, нежели о
моей.

Не надѣюсь по смерти моей ни опъ
кого ни слезь, ни сожалѣнія. Еслибъ жиль
я иначе, по не умираль бы съ пакимымъ
спрахомъ и шерзаніемъ совѣспи.

Поздное и щещепное раскаяніе! ... На-
добно умерешь ... *умереть!* Какое спраш-
ное слово! ... Какая безмѣрная птяжеспь
обременяешь меня! ... Какое свирѣпое вол-
неніе въ душѣ моей! ... Невольный ужась
объемлешь ее ... Куда иду я? ... *Куда?* ...
Ужасная мысль! ... Но ударь уже нанесень...

М. Шкловъ.

Съ Франц. Гр . . . скій.

ТАБАЧНИКЪ И САПОЖНИКЪ.

Разговоръ.

Табачникъ. Сосѣдъ! вопшь уже двадцатый годъ поспоянно навѣщаешь пы мою лавку: кажешся можно узнатьъ человѣка во сполько времени; но знаешь ли, что я разгадалъ шебя, швой нравъ и швои спраспи съ перваго раза, когда — помнишь ли—пы пришелъ за полфуншомъ шабаку.

Сапожникъ. Хопѣлось бы мнѣ узнатьъ, почему пы все это разгадалъ?

Таб. По швоему носу.

Сап. По моему носу?

Таб. Да, я предвидѣлъ, что это выраженіе шебѣ не понравится; но пы долженъ знать, что носъ есть самая опличительная, самая примѣчательная часть нашей физиогноміи ... Какъ узнають пьяницу? По носу! Не говорили бы, что курносые злы, еслибъ не дознано было опышомъ, что они шаковы шочно. Чиспаль ли пы въ Апалѣ описаніе носа Опца Обри? и сравниваль ли когда нибудь орлиные носа, съ плоскими носами? Въ

одинаковыхъ ли пропорціяхъ носъ грубаго Гвинейца, съ носомъ остроумнаго Грека? Нѣтъ! и только по человѣческому носу, можно узнать степень образованности, направленіе вкуса и характеръ каждаго народа. Мнѣ споить только взглянуть на носъ моего покупщика, и я его уже знаю совершенно.

Сал. Прекрасно! только все это не удивляетъ меня! — Знай, я тоже физиогномистъ! Но въ другомъ родѣ ... Ты, какъ табачникъ, разсмаприваешь носы — я, какъ сапожникъ, дѣлаю наблюденія надъ ногами.

Таб. Твои физиогноміи, сосѣдь ... довольно низки ... И что можно узнать по ногамъ?

Сал. Все, сосѣдь, все! Напримѣръ, думаешь ли ты, что ноги человѣка, копорый ѣздитъ въ каретѣ, походятъ на ноги пѣшехода?

Таб. Конечно не походятъ — но разсмапривая ноги такимъ образомъ ты узнаешь только образъ жизни своихъ покупщиковъ, а не характеръ ихъ и не спрасти. Вотъ, еслибъ ты оптадывалъ по ногамъ, нравъ двухъ новорожденныхъ мла-

денцевъ — о! тогда, я бы повѣрилъ своимъ наблюденіямъ.

Сав. Не уже ли ты думаешь, что это для меня мудрено... Нисколько! Если у одного изъ младенцевъ оказалась бы нога *плоская*, я ему потчасъ бы предсказалъ великое благополучіе и удивительную гибкость характера, что между собою неразлучно. Еслижъ другой примѣпно имѣлъ бы ногу *пряую* и во всѣхъ часяхъ правильную, я заключилъ бы, что онъ никогда ничего не будетъ значить; что онъ будетъ въ большемъ почтеніи и въ большой бѣдности: что мы обыкновенно видимъ...

Когда я обуваю ножку маленькую, гибкую, оспроконечную, я сей часъ думаю: это челоуѣкъ хипрый, насмѣшникъ!.. Еслижъ дамская ножка, я шепчу: *о! это большая шалунья!* и горе ея родителемъ и горе ея любовникамъ!.. А если она замужня? Бѣдный мужъ!

Когда я обуваю челоуѣка, имѣющаго шолспыя, жирныя, нескладныя ноги... я уже знаю, что такія ноги принадлежатъ эгоисту злому, бѣшеному — или негодю. Чтожъ касаешься до людей, у кошорыхъ,

какъ говоришься, *плоская нога* — я не берусь почти ихъ разгадывать: ихъ такое множество!

Таб. Признаюсь сосѣдъ, ты человекъ въ своемъ родѣ непроспой... Твои физиогномическія наблюденія надъ ногами, также справедливы и вѣрны, какъ мои замѣчанія о носяхъ—и я вижу что мы нашли истину...не въ колодецѣ!

(Изъ Journal des Dames de Francfort.)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МАДАГАСКАРСКОЙ ПОВѢСТИ: КОРОЛЬ ЗАУННО.

Зардѣль густый шумань,
 По зыбямъ водъ разлишый;
 Дня гордый великань,
 Какъ клубъ огнемъ навишый,
 Надъ шихой всплыль водой.
 Свѣшь льется по вершинѣ,
 Лучъ выпаль золошой
 И заиграль въ пучинѣ.
 Яснѣ видъ небесь,
 Лугъ ожилъ, ожилъ лѣсь,
 Кружисья вѣпръ игривый;
 Проснулся левъ, вскочилъ,
 Взревѣль, взмахнувши гривой,
 И эхо разбудилъ.

Любовью упомленный,
 Еще Зауно спишь.
 Сонъ милый чувству льспишь,
 Мечтою возбужденный,
 Онъ видишь: съ нимъ краса;
 Онъ счасливъ, онъ забылся—
 Но вошь и пробудился.
 Трепещешь грудь, слеза,
 Слѣдъ радостей нескромныхъ,
 Въ очахъ блиспашъ шомныхъ.
 Въ полсна еще лежишь,
 Прияпнымъ чувствомъ нѣжимъ;
 Воспоминаньемъ свѣжимъ
 Душа его горишь.
 Въ шѣни, рукой дрожащей,
 Онъ ищешь дѣвы спящей;
 Волнуешся....Вдругъ крикъ
 Пронзительный раздался.
 Сстрахъ вѣщій въ духъ проникъ,
 Зауно всколебался;
 Дверь дернулъ—всюду свѣшь!
 Онъ къ дѣвѣ—дѣвы нѣшь!
 Вспашешь, копые хвашашъ,
 Духъ сперся, онъ бѣжишь—
 И новый, спрашнный видъ
 Взоръ смушный поражашъ.

Трепещущу, главою
 Ко древу преклоненну,
 Зауно предъ собой,

Спрѣлою пораженну,
 Зришь Лалли. Кровь бѣжишь;
 Духъ слабый чужь горишь;
 Едва покровъ вздымаешь.
 Какъ искра, пошухаешь
 Огонь шуманныхъ глазъ —
 Но слабый, силясь, гласъ
 Еще къ ней призываешь
 Пресшупника. Рагидъ
 Стоишь поодаль. Видъ
 Спраданья сердцу льстишь
 И радость обнажаешь
 Свирѣпую души.
 Обсѣавъ вокругъ, спражи
 Его вязали къ древу;
 Но, успрямя на дѣву
 Кровавый злобы взоръ,
 Онъ въ сердцѣ презираешь
 Опасность и позоръ;
 Духъ мещью лишь пылаешь;
 И спрашно, погубя
 Весь жаръ души стиропшивой,
 Онъ шепчешь про себя
 Укоръ любви ревнивой.

О! съ чемъ могу сравнишь
 Зауно гнѣвъ и мщенье?
 Онъ хочешь въ пожь мгновенье
 Чудовище сразишь.
 Уже копье подъемлешь,

Ужь взоръ его объемлеть
 Кровавый месши пиръ,
 И зришь убійцы муку—
 Но ревностный Аиръ
 Удерживаешь руку.
 “Поспой!,,—въ душѣ своей
 Наружно бывъ покоешь,
 Сказалъ рыбаць—“злодѣй
 Сей смерши не достоинъ.,,

Заунно удержалъ
 Свой гнѣвъ; но вдругъ: “сожгише
 Преспуника!,,—вскричалъ—
 “Весь духъ въ немъ испощише
 Медлительнымъ огнѣмъ,
 И надъ его коспромъ
 Веселья учредите!,,
 —О! веселись!—сказалъ
 Убійца недостойной,
 И злобно показалъ,
 Съ улыбкою спокойной,
 На Лалли. Обращаясь,
 Заунно какъ забылся.
 Взоръ дѣвы, помрачась,
 Навѣки ужь закрылся:
 Не силился вздохнуть
 Ея подъ пагной-грудь;
 Улыбка ошлетьла
 Ошь милыхъ ушь; рука,
 Къ груди упавъ слегка,

На персяхъ омершвѣла;
 Оспыла въ жилахъ кровь.
 Гдѣ вы, куда пропали,
 И прелестъ и любовь?
 Все мершво! — “Лалли! Лалли!”, —
 Заунно закричалъ
 Въ безумномъ испугленьи. —
 Любви своей въ движеньи,
 Казалось, онъ желалъ
 Вдохнуть ей жизньъ. Объемлеть,
 Уша ея живить —
 Но бѣдная лежить
 И ласкъ его не внемлеть.

*

Убійца приведенъ
 На лугъ народа сборной.
 На высотѣ позорной
 Косперъ сооруженъ. —
 И вопи дрова вспылали.
 Безчувственную Лалли
 Покрыла ужь земля.
 Въ преданности безумной
 Толпой вокругъ Короля
 Народъ собрался шумной —
 И женщины, спѣсняясь
 Кружкомъ обвороженымъ,
 И къ плечамъ обнаженнымъ
 Главами преклонясь,
 И пѣньемъ и плясаньемъ
 Подъ бубенъ коспяной,

И милой красошой,
 Сердцеъ очарованьемъ,
 Заунно духъ плѣнишь
 Хотѣли безушѣшной,
 И душу разбудишь
 Игрой своей небрежной.
 Но въ думу погружень,
 Онъ гласу ихъ не внемлешь:
 Весь разумъ скорбь ошѣмлешь.
 Нѣшь слезъ; какъ пригвождень,
 Къ Аиру преклоненный,
 Недвижимъ онъ споишь.
 Блуждаешь взоръ смущенный,
 Безъ жизни, чувствво спишь,
 Грудь движется открышо.
 Лишь временемъ Рагида
 Внимаешь плачу онъ.
 Какъ будшо бы ошибкой
 И душу рвуцій спонъ
 Привѣщсшвуешь улыбкой.

И три дни не сходилъ
 Онъ съ мѣста погребенья,
 Безъ сна, безъ подкрѣпленья
 Три ночи проводилъ,
 И часпо на могилу
 Въ безумьи упадалъ,
 И часпо умышлялъ
 На жизнь свою постылу;
 И съ радосшью душа

Рвалась къ жилищу Лалли—
 Но рыбарь и спража.
 Его не покидали.
 Однажды онъ вздремаль,
 Спраданьемъ ушомленный,
 И спарець восхищенный
 Уже въ себѣ пипаль
 Лучь шайный упованья.
 Въ обманѣ семь души
 Ослабили спражи
 Минушное вниманье.
 Блеснувшій упра свѣшь
 Прерваль ихъ усыпленье,
 Вспаюшь, идушь въ смущеньи —
 О спрахъ! Заунно нѣшь!
 Напрасно наполняешь
 Окресный гуль полей
 Крикъ жалобный спражей;
 Напрасно прибѣгаешь
 Вспревоженный народъ;
 Вошще и бездну водъ
 И лѣсь Аирь смущаешь
 Взываньемъ Короля.
 Дня новаго заря,
 Въ вѣнцѣ своемъ багряномъ,
 Зажгла края земли —
 И шрупъ его нашли
 На берегъ песчаномъ.

И. Великопольскій.

УМЪ И КАПИТАЛЬ.

Кто какъ ни думай справедливо;
 Но я могу увѣришь въ томъ:
 Что жишь не можешь пошь счастливо,
 Кто только хочешь жишь умомъ.
 Таланшы рѣдко торжествуюшь,
 Разсудокъ здравый—часто спишь,
 И если счастье заколдуюшь,
 То и ученость замолчишь.

*

Богатство, счастье и порода —
 Вотъ средства жишь повеселѣй!
 Природный умъ—одна природа—
 И не прочнѣ векселей!..
 Я рассказанъ гошовъ примѣры,
 Что значашъ—умъ и капиталъ,
 Чему даешся больше вѣры
 И какъ послѣдній вѣсокъ спашъ.

*

Два друга гдѣ - то вмѣстѣ жили:
 Одинъ богачъ, другой бѣднякъ;
 Они по званью равны были,
 Но миллионщикъ—былъ дуракъ.
 Открылось мѣсто—други въ тайнѣ
 Начальству просьбы подаюшь.
 Признашся—я поплакаль крайнѣ,
 Когда узналъ...но кончимъ шущъ!

РАЗРУШЕНІЕ ДЕРЕВЕНЬ: ГОЛЬДАУ, БУЗИНГЕНА И ЛОВЕРЦА ПАДЕНІЕМЪ ГОРЫ РОСБЕРГА.

Послѣ проливныхъ и продолжительныхъ дождей, во второй день Сентября 1806 года, около пяти часовъ вечера, при сильныхъ громовыхъ ударахъ, сопровождаемыхъ вихремъ, внезапно обрушилась съ неслыханнымъ шрескомъ вершина горы Росберга, называемая Шпипцебуель. Необъяснимая громада слоистыхъ камней, земли и деревьевъ, ринулась двумя рукавами въ цвѣщую долину подобно быстрой рѣкѣ, неся съ собою смерть и опустошеніе, срывая дома, засыпая людей, стада и леса, все живое и неодушевленное. Одна часть горы покрыла деревни: Бузингенъ и Гольдау, другая—большую часть деревни Ловерца. Многочисленные хижины мирныхъ пасуховъ завалены были крупнымъ пескомъ, или съ неописанною силою раздавлены и разбросаны громовыми камнями, копорые, подобно горамъ, вспали на развалинахъ.— Древніе ели сорвались со скапа падающей горы и погразли въ долину, не осмѣ-

вя по себѣ даже и слѣда. — Другія каменныя громады капились по всей долинѣ до подошвы прошивулежащей горы Рити, или съ легкостію переброшены были чрезъ дома и деревья. — Нѣкоторые изъ жипелей Гольдау, примѣпя пагубное движеніе вершины Росберга, ударили въ набашь. На сей страшный звонъ всѣ ближніе поселяне прибѣжали въ церковь молишья — какъ вдругъ кающіеся обломки горы ударили въ стѣны, и мрачный гробъ поглотилъ всѣхъ мужей и женъ, дѣшей и шарцевъ.

Между шемъ, какъ одинъ рукавъ земляной рѣки покрываль Гольдау и плѣнительныя его окрестности, другой, спремившійся къ Лаверцу, срываль, или засыпаль все, вспрѣчавшееся ему на пути къ деревнѣ и озеру. — Сіе послѣднее сдѣлалось мушнымъ; ипихія дополъ спруи его, поднимаясь подобно волнамъ морскимъ, съ удивительною силою плескали до деревни Севена: споргали дома съ основанія и уносили ихъ далеко ошь прѣжняго мѣста. Безчисленные обломки домовъ, бревна, домашнія ушвари, споги сѣна и плодоносныя деревья носились по озеру

въ дикомъ безпорядкѣ, какъ бы въ день всемірнаго разрушенія.

Послѣ сихъ ужасовъ, видна была въ Ловерцѣ прогашельная прошивоположеноспъ между жизнiю и смертiю—между цвѣтущею спраною и пуспынею—между всеобщимъ смяпенiемъ и единообразною шишиною сельскою. Ибо земляная рѣка, хошя далеко проникла въ деревню и коснулась церкви; но вдругъ ошпановилась, пошерявъ силу свою. Симъ счастливымъ: *не далѣе!* или, лучше сказапъ, чудомъ всемогущесшва Божiя, спасены крайнiе дома опъ неизбѣжной гибели, и понынѣ спояпъ попрежнему въ тѣни деревьевъ плодоносныхъ. — Человѣкъ, смощря на нихъ, обмащываешся, предспавляя себѣ плѣнительную каршину цѣлаго Ловерца; но обрапясь назадъ, за при шага опъ себя видипъ слѣды спрашнаго опущошенiя. — Колокольня, опшоргнушая опъ разрушенной церкви, возвышаешся среди развалипъ, какъ въ печальной пуспынѣ, и глубокое молчанiе царствуешъ вокругъ нея. Сѣдые шуманы продолговатыми полосами носяпся, какъ привидѣнiя, надъ болошистымъ озеромъ, и мед-

ленно вьются около взгроможденных утесовъ и насыпей. Въ одной споронѣ долины воздухъ наполненъ благоуханіемъ цвѣтущихъ Альпійскихъ: въ другой дышетъ смерть на взрышомъ кладбищѣ. Человѣческія кости разбросаны вокругъ обрушенной скудельницы, между обломками образовъ и утварей священныхъ. Сорванные колокола лежатъ на землѣ, и спрѣлка на часахъ церковныхъ оспановилась на одиннадцати, какъ бы показывая, что здѣсь не будутъ уже измѣрять времени.

Чудеснымъ образомъ спасены двѣ малолѣтныя дѣвочки: Марія и Франциска, изъ копорыхъ первая была шести лѣтъ отъ роду. Онѣ не успѣли бѣжать, потому что земляная глыба незапно обрушилась на кровлю ихъ дома, сдарила его и засыпала ихъ такъ, что онѣ сохраня всѣ чувствва и раздѣлены будучи малымъ пространствомъ, не могли ни пронуться съ мѣста, ни подать другъ другу помощи. Въ такомъ соспоянніи провели онѣ ночь, ежеминушно ожидая смерти. Съ спречешомъ чишая молишвы, вдругъ услышали онѣ звонъ колокола, подавшій имъ надежду, что не всѣ люди погибли. На

разсвѣпѣ сонъ овладѣль Марією — Франциска, не слыша ея голоса и полагая, что скончалась подруга ея несчастія, съ швердоспію ожидала роковой минуы своей; но первый лучь солнца освѣпилъ заживопогребеннымъ день новой ить жизни. Рано упромъ пришелъ опецъ Маріинъ взглянушь на развалины своего домика, который шакъ мало былъ засыпанъ, что Франциска, какъ сама послѣ рассказывала, пошчасъ услышала голосъ чловѣка, въ верху говорящаго. Ослабѣвъ опъ успалоспи, просила она пробудившуюся Марію кричашъ какъ можно громче, говоря, что опецъ ея близко. Сей услышалъ знакомый голосъ; любовь и надежда удвоили его силы, и вскорѣ благодѣшельный лучь свѣпа проникъ сквозь насыпь и развалины въ мрачную пещеру младенца. Франциска, едва вѣря своему избавленію, сама вырвалась изъ могилы, и нѣжный опецъ, въ нѣмомъ воспоргѣ, прижалъ милыхъ дѣшей къ препещущему сердцу.

Съ Нѣл. И. Стар...

Выписки и замѣтанія.

Вся дѣятельность многихъ людей ограничивается . . . сидѣньемъ: за бумагами, за обѣдомъ, за каршами. Въ наше время, самый дѣятельный человекъ шопъ, который меньше движется.

Въ провинціяхъ болѣе, чемъ въ столицахъ, найдете людей съ характеромъ. Въ провинціи видите человека, каковъ онъ есть. — Житель столичный — актеръ на сценѣ — актеръ обыкновенно недовольный своею ролюю ; провинціалъ — спокойный зритель.

Всего смѣшнее и неслось сочинение сапирическо - историческое, или географическое, въ которомъ авторъ, забавляя читателя шулками и разговорами со встрѣтившимися съ нимъ дамами и приятелями, вдругъ переходитъ къ Исторіи, Хронологіи, Археологіи и Географіи и заключаетъ свой рассказъ какою нибудь пословицей, или школьнымъ анекдотомъ. Подобная смѣсь еще прошивнее историческаго романа: несмотря на то, мы часто видимъ ее въ нѣкоторыхъ журналахъ, можетъ быть, потому только, что нѣтъ ничего легче для журналиста со-

спавленія подобной микспуры. Хочешя ему блеснушь своими познаніями историческими и географическими — и передашь ихъ своимъ чищапелямъ, *шутя* ... онъ берешъ ... напимъръ ... *Сибирскій Вѣстникъ* выписываешъ изъ него ... положимъ о свадьбахъ Буряшскихъ—и начинаешъ ... “Сегодня гуляль я по Невскому проспекту — погода прекрасная — я забавляль песпрою каршиною гуляющихъ — *вдрузь* вспрѣпились мнѣ знакомыя дамы — и пригласили посмопрѣшь свадьбу. Всегда покорный прекрасному полу, я сворачиваю съ проспекта, и мы въ церкви (шущъ ешь случай разказашь дамамъ объ церквѣ — споишь шолько справившя съ описаніемъ Пешербурга Рубана, или Георгія, и приправишь выписку пословицами и комплименшами дамамъ) ... Слѣдуешъ описаніе свадьбы ... Любопышныя дамы опяшь обращающя съ вопросомъ: “Разскажише намъ чшо нибудь о спаринныхъ свадьбахъ.,,—Сей часъ, сударыня, опвѣчаешъ опъ—и... (слѣдуешъ опяшь выписка изъ описанія свадьбы, изданнаго Комаровымъ 1785 года). По выходѣ изъ церкви, одна изъ дамъ обращаешя ко мнѣ: “Вы до сего жили въ Сибири — разскажише намъ о шамошнихъ свадьбахъ!., — Съ удовольспвіемъ, сударыня — сей часъ удовлешворю вашему любопышшшву ... Я имѣль случай видѣшь

свадьбу Буряшскую... (слѣдуетъ выписка изъ *Сибирскаго Вѣстника* о свадьбахъ Буряшскихъ) ... И вошь какъ сосоставляющя сапирическо - историческо - географическія микстуры — имѣющія самое вѣрное усыпишельное дѣйствіе на чашашелей!

Бѣдные люди! хошите ли знашь, что богашство, здоровье и знашность не сосоставляющъ счастья человѣческаго? Взгляните на Форшунина! Онъ имѣетъ все то, чего ищущъ всю жизнь свою чешполубцы, корышполубцы, любовники, мужья, друзья, лѣнивцы....онъ богашъ, знашень, совершенно здоровъ, имѣетъ прекрасную жену, копорая страшно любитъ его, имѣетъ друга, имѣетъ милыхъ, умныхъ дѣшей.... завсемъ шемъ Форшунинъ несчастнѣйшій челоуѣкъ на свѣшѣ, пошому что все имѣетъ!

Нѣкто Г. Хрисанфъ Харинскій *воспѣлъ* 8 Февраля сего года Гимнъ ... *) Жаль, что мы не слышали, какъ онъ *воспѣлъ* — а слова къ Гимну ... не шолько въ слухъ пѣшь; но— и чашашъ про себя необыкновенно шрудно!

*) *Гимнъ, воспѣтый 1824 года Февраля 8 дня Хрисанфолъ Харинскилв. С. П. Б. Въ типографіи Императорскаго Воспишашельнаго Дома,*

“Что пребуешся исключительно отъ “Дамскаго Журнала? Конечно не Мешафизика, не Полишика, не Спашиспика (о “Граμμαшикѣ уже и говоришь нечего); но “именно то, что предлагаемъ мы своимъ “чишашелямъ!,, Такъ говоришь почтеннѣйшій Издашель Дамскаго Журнала на снр. 163, X N° своего журнала ... Какъ это ошкровенно и просшодушно!...особливо, это невинное признаніе, что ему *ненужна Грамматика* ... въ чемъ правда никакъ и не сомнѣвался!

Въ *Руссколѣ Инвалидѣ* нерѣдко печашающія прелюбопышныя извѣшія и оспрыя и наставишельныя изрѣченія Госшодина К—но до сихъ поръ чишашели *Р. И.* не знали что этошъ Госшодинъ К. коротко знакомъ съ Головиннымъ *просто?* — что Головиннѣ просшо умѣеть различишь микроскопъ отъ телескопа и наконецъ — что Госшодинъ К. нѣжный другъ нѣжнаго Дамскаго журнала. Теперь это официальное извѣшіе сообщено въ 134 N° *Военныхъ Вѣдомостей*, и чишашели радуюшся находкѣ и открышіямъ Госшодина К.

Напечатано...Читай...такъ обыкновенно начинаешся въ книгахъ нашихъ сшашья объ опечашкахъ. *Читай?* довольно грубо и—могло

казаться учтивымъ только въ то время, когда у насъ было сполько же грампѣевъ, сколько буквъ въ этомъ школьномъ: *титай*. Не лучше ли сказать: *надобно титать*; если *титайте*, покажешся очень учливо.

Заговорите о чемъ угодно: объ Александрѣ Македонскомъ, о Генрихѣ IV. и Св. Францискѣ, о новомъ открытіи — будьте увѣрены, что вы нашли почти самый предметъ, который доставили нѣкопорымъ особамъ случай, совершенно кспати поговорить о себѣ!

У насъ, новый Докторъ, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ, прибѣгаетъ...къ газетамъ.. Старое обвешалое средство! Рекомендуемъ новое, изобрѣшенное въ Парижѣ Докторомъ М***. Оставя Университетъ, онъ нашелъ себѣ маленькую кварширу... объявляетъ о себѣ ... нѣтъ практики! ... Чѣмъ онъ дѣлаетъ? ... Въ ожиданіи больныхъ и богатства, сидитъ въ своей каморкѣ; а пришелъ его, переодѣтый въ богатую ливрею, является въ лучшіе дома, и шоропливо расспрашиваетъ, не былъ ли шупъ Докторъ М? Гдѣ его найши? Чѣмъ Графиня такая-то, Княгиня такая-то, Герцогъ такой-то, разо-

И жерпвою спалъ Парки роковой.
 Не лей пошоки слезъ, несчастная супруга,
 Твой вопль уже его не возвратишь!
 Увы! лишилась пы въ немъ счастья и друга;
 И кто опца сѣмейству замѣнишь?
 Ахъ! если бы шоска, виновница мученья,
 Могла на мигъ въ душѣ пвоей заснупь!
 Пускай минувшее прольепъ лучъ упѣшенья
 И облегчишь разшерзанную грудь.
 Давноль швой милый сынъ съ величїемъ
 героя.
 Лешѣль спасашъ опечесшвенный кровь?
 Какимъ огнемъ пылалъ безспрашный среди
 боя!
 Какъ поражалъ блѣдняющихъ враговъ!
 Но шамъ среди громовъ, среди мечей кро-
 вавыхъ,
 Гдѣ славная смерть юношу ждала,
 За Вѣру, за Царя гдѣ кровь спруилась пра-
 выхъ,
 Судьба его для машери спасла.
 Ты съ шрепешомъ его въ опчизну ожидала;
 Младый герой лешѣль къ швоимъ спо-
 памъ:
 Ты съ грознаго чела пернашый шлемъ снѣ-
 малъ,
 И небесамъ курила еиміамъ.
 Но счастье шебъ не долго улыбалось,
 И шучи бѣдъ грозили изъ за горь:
 Твой милый сынъ увялъ, дыханіе умчалось,

Къ тебѣ просперь послѣдній шускый
взорь.

Безжалоспная смершь еще не упомилась
Свѣшпильникъ дней безцѣнныхъ задувашь:
Теперь супруга ты любезнаго лишилась,
И рокъ судиль на староспнн спрадашь.
Не унывай: тебѣ оспалися въ опраду,
Несчаспные, лишенные опца;
За всѣ спраданія ты въ нихъ найдешь на-
граду —
Мужайся, жди несчаспямъ конца.

**

ИСТОРИЯ БУТЫЛКИ.

Мнѣ ппцдеспашь лѣшпъ; я очень не ве-
лика для шакпхъ лѣшпъ, какъ говорпшь
Арлекинъ — но многое видѣла, перешла
черезъ многія руки и принадлежала мно-
гимъ. Я оппичалась и на первомъ и на
послѣднемъ мѣспѣ: нерѣдко сохрпняла въ
себѣ самое лучшее вино, часпо самое по-
средспвенное и испышала всѣ прпхопн
судьбы! Въ надеждѣ, что исторія моеп
жпзни послужпшь урокомъ сеспрамя мо-
пмъ, расскажу ее.

Вышедши изъ рукъ моего опца, я бы-
ла продана ... богапному купцу; купецъ об-

вернулъ меня соломою и опсправиль въ большой городъ, гдѣ и очущилась я въ погребѣ, наполненная виномъ собспвеннаго сччиненія моего хозяина. Насъ было множеспво, всѣ налишы однимъ виномъ; но каждая изъ насъ опспличалась особенною печашью. Мнѣ доспалась зеленая печашь; можеспь бышь опъ того, преимущеспвенно предъ другими, и взяспа я была на свадебный шпръ. Тамъ насмопрълась я на шпанцы, наслушалась плоскихъ оспропъ и скоро была осушена. Негодяй, у копорато была я въ рукахъ, съ презрѣнпемъ бросиль меня пуспую на поль. — Оскорбленіе, весьма чувспшвпшельное для меня, шолько чшо познакомпвшейся со свѣшомъ. — Послѣ этого была я наполнена шемъ же самымъ виномъ, но запечашана другою печашью. — Меня купила молоденькая дѣвушка для больного опца. Эшопъ бѣдный опецъ былъ поденьщпкъ и очень рѣдко навѣщаль, меня. Съ гореспію вспомяная обшпрный погребъ прежняго моего хозяина, долго шомплась я въ уголкѣ спараго шкапа. Наконецъ я была опроспана; но у бѣдняка не было денегъ, чшобъ сндва наполнишь меня: онъ — умеръ. Съ

прочую посуду я была продана одному дѣльцу. — Дѣлецъ любилъ выпить, и я не заспаивалась на одномъ мѣспѣ; но эта веселая жизнь не долго продолжалась. — Я перешла къ одному скупому богачу, который наполнилъ меня прелеснѣйшей мадерой ... Я гордилась своею учасью! ... Но какъ же я обманулась въ своемъ ожиданіи! Хозяинъ мой ежедневно смопрѣлъ на меня, иногда приподнималъ, повертывалъ въ рукахъ, любовался мною; но не могъ рѣшиться вынуть пробки. Двадцать лѣтъ прожила я у эшаго скряги до самой его смерти, проклиная мадеру, которая осудила меня на столь долговременное започеніе .

Наканунѣ похоронъ наследникъ велѣлъ подать меня и выпилъ за завпракомъ со своими приятелями то, что двадцать лѣтъ берегъ его дядя. Правду сказать, меня осыпали похвалами; но это не столько уже, какъ прежде, удѣшало меня, и я не жалѣла, что избавилась отъ удивительной мадеры. Вскорѣ послѣ того попалась я въ одну, весьма неважную гостинницу, и шамъ — предсавѣте себѣ — налили въ меня . . . пива! Это привело меня въ ша-

жую досаду, что я выбросила изъ себя пробку. — Черезъ нѣсколько времени наполнили меня лимонадомъ — и я доспалась одной молоденькой цвѣточницѣ, которая угощала вечеркомъ нарѣченнаго своего жениха. Тушь я узнала, что не должно пренебрегать и самыми простыми напишками. Никогда еще не хвалили меня споль много и споль искренно, какъ въ этотъ разъ. Цвѣточница была шакъ весела, шакъ мила, шакъ любезна; а другъ шакъ нѣжень, шакъ пылокъ, что лимонадъ мой показался имъ нектаромъ. Незабвенный вечеръ! Въ первый разъ была я свидѣтельницаю истиннаго счастія. Ошъ веселой цвѣточницы перешла я къ важному банкиру, гдѣ налили меня Бургонскимъ. Безпрестанно выпивали мое вино, попомъ ошяшь наливали; синавили меня на роскошные сполы; все вокругъ меня дышало великолѣпьемъ — но я не замѣчала того неприншворнаго веселія, которое нашла у молодой цвѣточницы. — Скоро доспалась я игроку. Какая несносная жизнь! Иногда сохраняла я въ себѣ вино; но гораздо чаще воду, единспвенный напишокъ жены и дѣшей того, ко-

тнорый бѣгаль опъ нихъ — за счастьемъ! Наконецъ я оставила эптошь домъ и перешла къ одной спарой ключницѣ: она наполнила меня водкою и часшенько навѣщала меня со своими прияшельницами, нянюшками и кухарками. Мнѣ было шупъ довольно хорошо; съ удовольствіемъ слушала я любопытные рассказы злыхъ снарухъ; но въ одинъ вечеръ выпило было болѣе обыкновеннаго, и моя хозяйка задѣла какъ-то неоспорочно мною объ уголь шкапа... я получила жестокою рану. Вы знаете, что раны наши — неизлѣчмы; но шакъ какъ я могла бытъ еще годною къ употребленію, то и налили меня масломъ.

И вопъ въ какомъ положеніи ожидаю я конца моего спранспвованія! Да послужишь вамъ добрымъ примѣромъ испорія моя, любезныя сеспры! Почеспи да не ослѣпляютъ васъ! — Чшожь касается до меня, я всегда вспоминаю, что самое счастлирое для меня время было шо, въ кошорое заключала я въ себѣ лимонадь.

(Изъ Journal des Dames de Francfort.)

МАЛЕНЬКІЕ РАЗГОВОРЫ.

(Подражаніе Французскому.)

1.

А. Видѣль ли ты новую Комедію?*Б.* Видѣль ... Безподобная Комедія!*А.* Въ прозѣ, или въ стихахъ?*Б.* Не знаю хорошенько ... я сидѣль во второй галлерей, а опшуда никакъ нельзя различить стиховъ опъ прозы.

2.

В. Мои сочиненія продаются во всѣхъ книжныхъ лавкахъ....*Г.* Продаются? Богъ знаетъ! ... а что ихъ можно найти во всѣхъ книжныхъ лавкахъ — это вѣрно.

3.

Д. Въ такой морозъ и въ одномъ фраккѣ! ... что ты дѣлаешь?*Е.* Я? я мерзну.

4.

Жена. Да переспаньше, сударь, зѣваешь! Вы мнѣ скуку нагнали.

Мужъ. Чшожь дѣлашь мнѣ одному?

Жена. Одному! Мнѣ кажешся я подлѣ вась.

Мужъ. Мужъ и жена одно — а когда я одинъ, я скучаю и зѣваю.

5.

И. Да очемъ вы говорише?

Г. Я говорю объ Лакедемонѣ.

И. А я ... о Спаршѣ! ... шакъ какъ же вы хопише, чшобъ я съ вами согласилсъ?

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА,

или

Выписки, замѣтанія, и т. п.

Ни одинъ подъячій, по крайней мѣрѣ *столичный* и *губернскій*, не упошребилъ въ разговорѣ *приказныхъ* словъ: *оныя* и *кои*; а упошребляюшъ ихъ весьма некшашаи и весьма часшо записные наши липшерашоры. Заглянише въ *Литтературные Листки*, издаваемые Г. Булгаринымъ, и найдеше шамъ, напримѣръ въ 6 N^о: “Посоувшуйше госпидворскимъ купцамъ, кошорымъ вы желае-

ше сполько добра, чшобъ они сдѣлали извѣстную шаксу своимъ поварамъ, повѣсили оную на стѣнѣ., (спран. 206. Такъ говоришь свѣшская дама!)—“Я купилъ *оныя* у Босешпи., (спр. 208.)—“Объ *онолѣ* споль много было говорено., (спр. 213.)—“Посмотрите *онья* (часы) у Баумана, въ домъ Кошомина, у *когго* соединяешся со вкусомъ прочность рабошы., (спр. 210.) — “Наше общество, шакъ сказашъ, раздѣлено на множество опдѣльныхъ круговъ, изъ *коихѣ* ... (спр. 226.)—“Гушь же найдеше не на одной спраницѣ *покупатель* вмѣсто: покупателя.—На спр. 216 напечатано: “Но главная, опличительная черта сего заведенія (Англинскаго магазина), естъ *тестность*. Пошлипе *ребенка*, его шакъ же *прилутѣ* какъ вельможу, и за одинакую цѣну оппускашъ шовары шой же самой доброшы., — Чшо за одну цѣну оппускашъ въ Англинскомъ магазинѣ одинакій шоварь *ребенку* и *вельможѣ*, въ эшомъ мы не сомнѣваемся — но чшо бы одинаково приняли шамъ мальчика и знашнаго барина, шому никогда не повѣримъ. Продавцы въ Англинскомъ магазинѣ умѣють различашъ посѣшителей и не скажутъ ребенку ни *Monsieur* ни Ваше Превосходительство, ни Ваше Сиятельство.

Въ 26 N° *Сынъ Отчества*, въ спашь Современной Русской Библиографіи напечатаны слѣдующія достопамятныя слова Д' Аламберша о Лексиконѣ Французской Академіи: “Кришики, нападавшіе на сей Словарь, на-
 “шлись бы въ великомъ зашрудненіи, еслибъ
 “имъ предложили составить другой, луч-
 “шій. Припомъ же очень легко написать
 “на превосходнѣй Словарь Кришику осно-
 “вашельную и въ то же время несправед-
 “ливую. Десять ошибочныхъ спашей, вы-
 “савленныхъ въ кришигѣ, между темъ
 “какъ о тысячѣ хорошихъ не сказано ни
 “слова, испугающъ чашашеля, и убѣдящъ
 “его, что Лексиконъ никуда не годится.
 “Сочиненіе можетъ быть названо хорошимъ,
 “когда въ немъ хорошихъ вещей болѣе, не-
 “жели худыхъ; оно превосходно, когда въ
 “немъ хорошія вещи изложены превосходно,
 “или когда хорошихъ вещей въ немъ гораз-
 “до болѣе, нежели худыхъ. По симъ прави-
 “ламъ преимущественно должно судить о
 “Лексиконахъ, заключающихъ въ себѣ мно-
 “жество разнообразныхъ предметовъ, ко-
 “порыхъ не возможно обрабатывать съ оди-
 “наковымъ совершенствомъ и успѣхомъ.” —
 Совѣщаетъ и нашимъ Кришикамъ, особенно
 сочинителямъ крапкихъ библиографическихъ
 спашей, въ рѣшишельныхъ приговорахъ сво-
 ихъ новымъ книгамъ, кошорыя не всегда

они читають сначала до конца, соображаясь съ вышеприведенными правилами Д'Аламберта. Та только кришика полезна, которая безпристрастна и наставительна; а у насъ, къ сожалѣнію, по большей части кришикують не для того, что бы принести пользу, но что бы выказать свое остроуміе — досадить неприятелю, угодить приятелю, польстить знаменитому другу, или покровителю — и эсихъ людей называютъ кришиками!

Иные слова также не скоро входятъ въ чести, какъ и люди. Напримѣръ лѣтъ пятнадцать назадъ одинъ Словесникъ изобрѣлъ счастливое выраженіе: *“нарумяненные стихи,”* и безпрестанно употреблялъ оное; но никто у него не перенималъ. Теперь нашлись люди, которые не только употребляютъ это выраженіе въ разговорѣ, но и печатають въ своихъ сочиненіяхъ.

Случайно попалась мнѣ прелюбопытная книжка: *Almanach des modes et des moeurs parisiennes; suivi d'une description des moeurs, des costumes et des usages russes au commencement du XIX siècle.* A Paris, chez Rosa, Libraire, grande cour du palais royal. 1821. —

Вопш живемъ мы, живемъ въ Россіи, а не знаемъ, что у насъ дѣлается, напримѣръ, что въ большихъ домахъ за каждымъ гостемъ спойшъ двое слугъ: одинъ въ разноцветныхъ перьяхъ и золотыхъ галунахъ; а другой одѣтъ просто и даже бѣдно (Deux valets sont ordinairement derrière chaque convive, l'un couvert de plumes diversement coloriées, et de galons d'or, l'autre est habillé avec beaucoup moins de recherche et laissant même apercevoir une sorte de pauvreté) — что на верхнемъ концѣ стола пьютъ лучшее вино, а на нижнемъ самое легкое пиво, извѣстное подъ названіемъ: кваса (Le meilleur vin est placé au haut bout de la table, et à mesure que les convives s'éloignent de cette place d'honneur, ils ont devant eux un vin toujours plus inférieur en qualité, de manière qu'au bas de la table à peine boit-on du vin: c'est le plus souvent une bière tres faible que l'on y sert et qui est connue dans le pays sous le nom de quass. Тамъ же.) — что у насъ есть пирожное, которое называется пирогами (Le mets qui est en Russie la pièce nécessaire de tout repas est un râté qu'on appelle piroghi). — Тутъ поневолю вспомнишь одного наблюдательнаго Французскаго путешественника, который давно уже написалъ и намечашалъ: Il y a en Russie des chiens qu'on appelle sobaki. — А что такое пироги?—Слѣсь рубленныхъ мозговъ и

мясѣ, обжаренныхъ въ посолиѣ маслѣ. (c'est un mélange de cervelles rouées et frites dans l'huile et de viandes hachées). Вотъ какъ Французы пишутъ объ Россіи! И не мудрено, когда Русской, въ письмѣ своемъ къ почтенному Издашелю *Литтературныхъ Листковъ* (№ 9 и 10) увѣряешь, будто за тридцать лѣтъ предъ симъ (до 1794 года) люди хорошаго тона обѣдали въ пять часовъ, а сидѣли до *восьми* (стр. 338 и 339) и что съѣзжались въ *одиннадцать* часовъ вечера на балы и вечеринки!! (стр. 345.) — Развѣ вспавали изъ зашпола въ пять часовъ (обѣдали тогда обыкновенно въ два), а развѣзжались въ *одиннадцать*.

И.

Одинъ предприимчивый Липшерапоръ въ Парижѣ пригласилъ къ себѣ приятелей на вечеринку подъ предлогомъ розыгрыша лопшереи, роздалъ билеты съ означеніемъ однихъ только нумеровъ и цѣны. Каждый билетъ стоилъ 10 франковъ. Госпи собрались, посидѣли, поговорили, поужинали и наконецъ разошлись. — А лопшерея? — Хозяинъ вовсе позабылъ объ ней; а когда ему напомнили, то промолчалъ. Угощеніе обошлось съ каждой персоны не болѣе 4 франковъ, а гостей было человекъ пятьдесятъ; слѣдовательно очисшилось за шруды и хлоп-

пошѣ около 300 франковъ. Одинъ насмѣшникъ, рассказывая объ этой лопшереѣ, при-
молвилъ, что хозяинъ *разыгрывалъ* свою *тесть*
и что *всѣ пренумеранты выиграли по-ровной*
части.

Съ Фр. Р. З.

РАЗГОВОРЫ.

1.

Издатель *Благонамѣреннаго и*
Стихотворецъ *).

Стихотворецъ. Имѣю честь рекомен-
довать себя вамъ: я душевно люблю и у-
важаю всѣхъ опличныхъ нашихъ липше-
рашоровъ, и самъ уже двадцать лѣтъ по-
споянно занимаюсь Словесностію. По
приѣздѣ моемъ сюда изъ деревни, первымъ
долгомъ поставилъ себѣ бытъ у первыхъ
васъ.

Издатель. Много чеспи! Покорнѣйше
прошу садиться. Позвольте узнать, съ
кемъ имѣю удовольствіе говорить.

*) Тутъ ничего не прибавлено, а развѣ
убавлено.

Стих. Я родспвенникъ пріяптеля ва-
шего N. N. Ваши сочиненія ...

Изд. Очень маловажны.

Стих. А смѣю спросить, что такое
изволили вы писать?

Изд. Я? Почти ничего ... мѣлочи, Ба-
сни, если читали ихъ, или слышали.

Стих. Нѣшь-сь, не читалъ и не слы-
халъ.

Изд. А вы, въ какомъ родѣ Словесно-
спи упражняешесь?

Стих. (сб улыбкою). Въ стихошвор-
номъ-сь.

Изд. Да въ какомъ именно родѣ Спи-
хошворства?

Стих. Въ проспранномъ-сь.

Изд. Въ пространноиѣ!! Что же вы
пишете? Поэмы?

Стих. Нѣшь-сь.

Изд. Трагедіи? Комедіи?

Стих. Нѣшь-сь.

Изд. Что же такое?

Стих. Книги въ нѣскольکو помовъ.
Напримѣръ, я написалъ *Торжество бла-
гоговѣнія* въ 8 помовъ — *Восторгъ нази-
дательности* въ 10 помовъ ... Мнѣ хошѣ-
лось бы посовѣщоваться съ вами о изда-

нїи моихъ сочиненїй. Я думаль было прежде печаташь ихъ въ Москвѣ и продашь тамошнимъ книгопродавцамъ; но съ нами не возможно имѣшь дѣла. Спыдно сказашь, что они мнѣ давали! Предспавъше —шолько восемдесять тысячь!

Изд. Восемдесять тысячь?

Стих. Да-сь, восемдесять тысячь.

Изд. Рублей?

Стих. Конечно - съ.

Изд. (отодвигаясь со стулаиѣ). У насѣ никпо еще не получаль вдругъ 80.000 р. за свои сочиненїя :

Стих. А много ли получилъ Карамзинь за свою Исшорїю?

Изд. Не могу сказашь вамъ навѣрное.

Стих. У него же шолько проза, а у меня списки .

Изд. И вѣрно очень много?

Стих. Я привезь съ собою шолько чешыре воза .

Изд. (отодвигаясь). Чешыре воза!!

Стих. Эшо-сь не все: наберещя еще возовъ восемь . . . они будушь сюда зимою по первому пуши.

Изд. (про себя) . Какъ бы опшь него уйши.

Стих. Доложу вамъ, сударь, что я семнадцашъ лѣтъ жилъ въ лѣсу.

Изд. Какъ въ лѣсу?

Стих. Да, сударь, въ лѣсу — нарочно выспроилъ тамъ избушку, жилъ одинъ и цѣлыя семнадцашъ лѣтъ, кромѣ слуги, людей не видалъ, все писалъ спижи, ночи нерѣдко просиживалъ, насквозь — и за шакиѣ труды взялъ шакую бездѣлицу *восемьдесятъ тысячъ* рублей!

Изд. А за сколько бы продали вы свои сочиненія?

Стих. Надобно бы взялъ шысячь двѣспѣ ... а ужъ по крайней мѣрѣ сто семдесятъ шысячь ... меньше ни копѣйки.

Изд. (вставая). И не совѣшую ошдавашъ меньше.

Стих. Слушаю-сь... Вамъ не нужно ли куда идши?

Изд. Крайняя нужда бытъ въ шипографію ... извинише.

Стих. Прошу прощенія ... а я пойду въ книжныя лавки.

2.

Баринъ и Слуга.

(въ прошедшемъ столѣтїи.)

Баринъ. Ванька!

Слуга. Чего изволиште - съ.

Баринъ. Знаешь гдѣ живеть Князь N?

Слуга. Знаю - съ.

Баринъ. Спупай сей часъ къ нему и скажи: Сидоръ Карповицъ приказалъ Вашему Сіятельству кланяться и поздравить со днелѣмъ вашего ангела, да приказалъ еще доложить, что къ обѣду, батюшка, самъ дескать къ двумъ часамъ буду непремѣнно и съ Ѳедорой Савишной...Смотри же , не переври ... ну, какъ пы скажешь? Говори.

Слуга. Сидоръ Карповицъ приказалъ Вашему Сіятельству кланяться и поздравить со днелѣмъ вашего ангела, да приказалъ еще доложить, что къ обѣду, батюшка, самъ дескать къ двумъ часамъ буду непремѣнно и съ Ѳедорой Савишной.

Баронъ. Хорошо! Такъ! А если пы переврешь, шо я тебя ... и проч. и проч.

3.

Судья. Откупщикъ и Слуга.

(Дѣйствіе въ передней.)

Судья. Сенька! Толшпосумовъ при-

ѣхаль; опкажи, скажи, что нѣтъ меня дома.

Слуга. Слушаю - съ. (*Судья уходитъ въ залу.*)

Толстосумовъ (*входитъ полупьяный.*)
Здорово, брашъ!

Слуга. Барица нѣтъ дома.

Толстосумовъ. А какъ же я видѣлъ его въ окно?

Слуга. Занимаетесь самымъ нужнымъ дѣломъ...

Толстосумовъ. Да! прубку куришь и пуншь пьешь! (*отворяетъ въ залу двери*). Что, брашъ ны Сшепанъ, вздумаль не пускашь меня? Вѣдь я самъ другъ приѣхаль. (*треплетъ себя по боковому карману.*)

Судья (*изъ залы*). Всенижайше прощу!
(*Черезъ тасъ*)

Толстосумовъ (*шатаясь*). Ай да наливка! Славная! Только въ головѣ зашумѣла! Спасибо, брашъ Сшепанъ! ... Прощай!.. ворошись.

Судья. Нѣтъ, почтеннѣйшій Типъ Сысоевичъ! Позвольте свесни васъ съ лѣспницы. Кого люблю и уважаю, тѣхъ до кареты провожаю.

И.

ЕЩЕ ИСТОРИЯ БУТЫЛКИ.

Sic transit gloria mundi!

Милыя сеспры! до послужить вамъ въ пользу испорія жизни моей!...

Среди гусшыхъ Брянскихъ лѣсовъ.... возвышается огромное кирпичное спроеѣ- ние...спеклянный заводъ Г. N. — Тамъ моя родина—тамъ въ первый разъ отразились на мнѣ лучи солнечные...

Судьба, располагающая всею и бутылка- ми, назначила меня не къ пикой, сѣ- мейственнѣй жизни....бесильная про- шивъ величій всемогущей, я лишь взгля- нула на родное небо, и обвернувшая соло- мою, отправилась въ Москву, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ сесперъ моихъ.... Бѣдныя мои сеспры! Многихъ нѣшь уже на свѣшъ — многія не доѣхали даже до Москвы...исчезли...несмотря на попеченія нашего проводника; несмотря на солему и паклю, обвивавшія ихъ нѣжныя фор- мы....

Я благополучно кончила мое путешес- ствіе...правда я ничего не видала во все время нашего переѣзда, и слѣдовательно

ничего не замѣшила ... но я ли виновата въ этомъ? Мнѣ не позволяли выгнаться изъ соломы...и къ тому же, я ли одна путешествовала, ничего не видя? Еслижъ потребовали бы у меня описанія моего пути...я, можетъ быть, точно такъ, какъ многіе, умѣла бы рассказать подслушанное, рассказанное, видѣнное другими.... справьшись съ Записками Г. Z прочитавъ Воспоминанія Г. D. Географическія и Статистическія изысканія Г. L ... или Путешествіе Г. M. по ... и по ... Имъ честь и слава! а я—я буду рассказывать только то, что сама знаю, что случилось со мною, что видѣла собственными глазами и слышала собственными ушами. Впрочемъ предоставляю полную свободу вѣришь, или не вѣришь моимъ рассказамъ...зная по себѣ, что: *Le vrai peut quelques fois n'être pas vraisemblable.*

Вмѣстѣ съ другими сестрами, я дошла въ ресторану А... насъ принесли въ погребъ, налили краснымъ виномъ и каждой налили особенный ерлычекъ... инымъ досталось предоставлять Лафитъ, другимъ Марго, третьимъ Медокъ, на мою долю досталась надпись: Медокъ

Сеншь Естерь...Закупорили насъ разными пробками, запечатали разными сургучами....и оставили въ погребѣ... Я видѣла что сестры мои съ ерлыками: *Медокъ*, безпрестанно уносились опъ насъ—изчесли и Лафитъ и Марго...я начинала ужь скучать въ темномъ и холодномъ заключеніи своемъ...но и мой часъ билъ... меня взяли, обвернули бумагою... и понесли вверхъ. “Вопъ сударь винцо, удивительное, рѣдкое винцо! сказала шракширикъ снявъ съ меня бумагу и опирая салфеткою — Извольте посмошрѣшь пробку...наспоящее привозное...я достала его по случаю!”, —Такъ говорилъ шракширикъ исковерканнымъ Русскимъ языкомъ, и поставилъ меня на споль передъ молодымъ человекомъ, у котораго смыкались уже глаза... — Опкупори! — сказала молодой человекъ, показывая на меня... Пробка выдернула...вино мое полилось въ спаканъ...молодой человекъ...долго любовался цвѣпомъ, нюхалъ букетъ, говорилъ что опъ роду не пивалъ такого нектара... Я поневоля была орудіемъ обмана! Что дѣлалъ: поживши въ свѣтѣ, я узнала, что не однѣ бушылки обманываютъ

ерлыками. Молодой человекъ выпилъ спаяканъ, другой...наконецъ все хваленое вино...*Возьмите это бездушное тѣло*, сказалъ онъ прерывающимся голосомъ...и меня вынесли въ буфетъ и посадили въ темный уголь шкафа... Бездушное тѣло! спочно!..Замѣшьте это, милыя мои сеспры! такъ и въ свѣтѣ бываетъ. Покуда у человека есть что нибудь, пока человекъ можетъ дѣлать со своими друзьями и приятелями что нибудь—его хвалятъ, превозносятъ—объединяютъ, и его съ презрѣніемъ оставляютъ, и онъ забываетъ, его прячутъ, или онъ самъ прячется въ какой нибудь темный уголокъ.—Замѣшьте это, милыя сеспры! Я довольно жила на свѣтѣ. Бывало...когда посаживалъ меня на споль съ хорошимъ виномъ, обещуешь, обдуюешь...всякъ смотритъ на меня съ удовольствіемъ—всякъ бережно беретъ въ руки...—хвалятъ меня... Иные цѣловали меня, обнимали какъ лучшаго друга, или нѣжнѣйшую любовницу.... Неопытная...я гордилась своею участью, я съ презрѣніемъ смотрѣла на карфины съ водою и квасомъ...но опытность и лѣта излѣчили меня отъ безумнаго щеще-

славія.....я узнала , что люди любящъ не меня, но мое вино... выпипо вино, и я забыла—нерѣдко съ презрѣніемъ брошена на полъ—часто обременена эпиграммами, насмѣшками...Замѣтите все это, сестры мои! Точно такъ же бываетъ и съ людьми! Иной съ гордымъ, самодовольнымъ видомъ смотритъ вокругъ себя, какъ все предъ нимъ преклоняется; онъ слышитъ какъ превозносятъ его, онъ видитъ съ какою радостію принята его малѣйшая улыбка...Что онъ въ самомъ дѣлѣ?...Бушылка съ виномъ!...

Забытая, въ пылу, долго спояла я въ темномъ уголкѣ своемъ ... и съ завистію смотрѣла на сестеръ моихъ, блиставшихъ дорогими винами. Многія прежде наливались обыкновенно квасомъ и пивомъ...рѣдко являлись въ споловой—шеперъ я видѣла ихъ, наполненныхъ Соперномъ Мадерой, и въ чести....Тогда я завидовала имъ — и не мудрено! Сами люди почто такъ же завидуютъ выгоднымъ переменамъ и возвышенію своихъ поварихъ и припечелей...Сколько разъ случалось мнѣ слышать жалобы и старыя пѣни: “Давно ли такъ-шо былъ писцомъ! Теперь онъ

вошелъ въ знашь,,.....Еслибъ эпи господа примѣчали за нами, бушылками, они не дивились бы ничему!.. Они ясно увидѣли бы, что случай играешь людьми точно также, какъ нами!...

Наконецъ, въ одинъ вечеръ, меня берущъ, выширающъ, наливающъ—ромомъ! и спавящъ на самомъ видномъ мѣспѣ, на одномъ подносѣ съ ликеромъ и водкою ... Тутъ оящъ насмопрѣлась я на свѣпъ: каждый день понѣскольку разъ подходили ко мнѣ ... пили мой ромъ — и хулили! Сколько разъ слышала я: “не подходите къ эпой бушылкѣ!...не берите эпу бушылку!,, Многие даже совѣповали моему хозяину выбросить меня за окошко! Но несмошря на эпо...я спояла съ ликеромъ до шѣхъ поръ, пока весь ромъ былъ выпитъ!.. и меня опнесли оящъ въ погребъ... — Не сказашъ ли вамъ, милыя сеспры, оящъ полезнаго замѣчанія? Что случилось со мною, бываешъ со многими людьми! Человѣкъ, невольникъ случая и судьбы, долго живешъ въ неизвѣспности—вдругъ мощная рука его покровишеля, спавитъ его на видъ...и онъ невольно дѣлаешся извѣспнымъ. ... Оящъ не его

вина, если покровитель не опоздалъ его достоинствъ и способностей и далъ ему мѣсто не по немъ! Онъ, какъ умѣлъ, исправлялъ свою должность ... но его бранишь, его прославляюшь незнающимъ свое дѣло ... и все несправедливо, точно такъ, какъ меня бранили за дурной ромъ!

Послѣ рома, налили въ меня пива! Да, мои милыя, пива! Что дѣлать? Я тогда ропшала на буфетчика и судьбу ... но послѣ, послѣ благодарила и его и ее. — За что же? спросите вы. А вошь за что ... Известно вамъ, что пиво нацпокъ не дорогой и его безпрестанно употребляютъ ... двадцать, тридцать разъ въ день, являлась я на споллахъ и на сполкахъ, ... и употребляясь на одно пиво, въ одинъ только мѣсяць, я узнала болѣе, чемъ во все продолженіе моей жизни ... Такъ, мои милыя! я была безпрестанно между людьми ... и не завидовала шампанскимъ пузырькамъ, которыя изрѣдка только показывались! ... и показавшись — исчезали ... Сверхъ того, пиво доставило мнѣ случай распознавать людей ... Точно такъ и въ маленькомъ обществѣ людей живущихъ приащѣе — точно также и люди

маленькаго обществу опытныхъ людей большаго свѣта. Узнавши людей посредствомъ пива, я уже ничему не дивилась и смотрѣла на все, какъ на знакомое... Не ошь того ли люди, которые испытали несчастія — люди, которые должны были переходить службу поспешенно, не ошь того ли они опытные, знающіе и умные пѣхъ выскочекъ, изумляющихъ блескомъ... минувнымъ?

Не огорчалась я и пѣми посѣпшителями, которые молча выпивали мое пиво. Есть прудолубивые люди, которые весь вѣкъ свой переписываютъ и пишутъ все, что имъ дадутъ: они похожи на меня, когда я подавалась молчаливому посѣпшелю. Выпьешь, уйдешь, и ни слова о бушлѣ! Такъ и объ нихъ нишо ни слова: видать пруды ихъ, не могутъ быть недовольными ихъ прудами; но нишо не спросить даже, кшо это писалъ?

Замѣчала я также какое-то упрямое самонадѣпаніе, или лучше, просто упрямство между людьми. Нескольо разъ я была свидѣпельницею презабавныхъ споровъ. “Эшо вино нехорошо! эшо вино никуда не годится,” — говоришь какой нибудь мнимый

знапокъ—возьми эту бушылку, принеси другого вина,,...—Вина этого сорша нѣтъ лучше, сударь—обыкновенно опивѣчаетъ трактирщикъ—но если угодно есть другое, подороже немного но вино очень хорошее.—“Принеси!,,—Чтожь? Трактирщикъ беретъ изъ погреба точно такую же бушылку, и точно того же вина—знапокъ пьешь, и хвалишь! “Да! говоришь онъ, вошь это вино несравненно лучше!.. И цвѣтъ и букетъ!,,—Я полагаю, что многие не лучше умѣютъ различать и людей...знаю даже это по моему хозяину. Онъ любилъ—и кто ихъ не любилъ—честныхъ людей! Не могъ перцѣтъ ни малѣйшаго обмана...и безпрестанно мѣнялъ буфетчиковъ сгонилъ со двора вора ... и на мѣсто его опредѣлилъ точно такого же! и ш. д. Это все равно, что находишь различіе въ винѣ ...налипомъ въ разные спаканы, но изъ одной бушылки.

Всѣ эти маленькія познанія о свѣтѣ и людяхъ, милыя сестры, доставило мнѣ пиво Не должно ничемъ пренебрегать на свѣтѣ...и между людьми, часто маленькій человекъ, гораздо полезнѣе большаго.

15 или 17 лѣтъ провела я у Рестораше-

ра, и наконецъ меня даже замѣтили...хозяинъ и сынъ его, часомъ называли меня спарухою ... Несмотря на то меня не опмичили отъ другихъ сесперъ моихъ ... И вмѣсто награды, надо мною же смѣялись! “Вотъ здоровая бушылка! говорилъ хозяинъ. Я уже и не помню сколько лѣтъ она у меня! Вѣдь не разобьется же!”, — Бушылкѣ можно хладнокровно снести такія слова—не если также говорили бы и о спаромъ слугѣ? Каково бы ему было?

Мѣсяца два, или три, была плохая продажа въ нашей рестораціи. Кто бы вы думали былъ пому причиною? Я!...по крайней мѣрѣ такъ сказалъ хозяинъ! “Это несчастіе отъ старой бушылки, сказалъ онъ...ее надобно сбить... и меня за всѣ заслуги, за всю долговременную службу... продали...Я вспомнила Велизарія...Леара—и ушѣшилась! Сверхъ того этогь случай подтвердилъ мое замѣчаніе, что прошедшія услуги уважаются также, какъ изношенная шляпа—и что бѣднякъ ... вездѣ виноватъ! Но судьба, безъ воли копорой малѣйшая сшклянка не погибаетъ—судьба вознаградила меня за невинное спраданіе ... я доспалась Князю Z. Меня вышерли,

обдули — налили ароматическимъ Лафитомъ — надѣли на шею серебряную бляку съ Французскою надписью: Chateau Lafite, и поставили передъ самимъ Княземъ! Сколько почестей вдругъ! и Богъ знаетъ за что ... но такъ водился на бѣломъ свѣтѣ! На другой день налили въ меня бѣлаго споловаго вина — и поставили передъ Княгинею ... “Мерзкое вино! сказала она ... возьми же прочь эту бушылку! Это уксусъ!”, ... Князь вспыхнулъ съ досады ... кликнулъ Мешпрдошеля ... разбранилъ его и велѣлъ сей часъ перемѣнить вино ... Управитель взялъ меня — и отнесъ къ Ипальянцу, у котораго Князь обыкновенно закупаетъ всѣ напѣшки ... Ипальянецъ вымилъ мое вино въ бочку ... попомъ началъ подливать въ нее разныхъ жидкостей изъ пузырьковъ; когда микстура устоялась, онъ велѣлъ разливать ее въ бушылки, и попомъ закупорилъ предлинными пробками съ клѣймами на бокахъ ... запечатавъ лучшимъ краснымъ сургучемъ ... и являясь къ Князю съ пробной бушылкой ... Эта пробная бушылка была я ... Князь похвалилъ вино — Княгиня была въ восхищеніи ... а я чрезвычайно

довольна, попому что опять попала въ знашнѣй домъ...самылиб невиннылиб средстволѣ ... Но не долго блиспала я за Княжескимъ споломъ! Вино мое выпили, и я очушилась въ темной каморкѣ Княжескаго лакея ... Злодѣй налилъ въ меня простое Русское вино! Но эшаго мало...когда оно вышло, варваръ насыпаль въ меня шабаку! Скажише для шабаку ли сопворена бушылка? Но и шупъ я упѣшилась, вспомня множесство спранныхъ вещей, видѣннѣхъ мною на бѣломъ свѣтѣ; знакъ напримѣръ я видѣла, что лакей, который ѣзжалъ за карепой, сдѣлался Княжескимъ камердинеромъ — видѣла какъ управишель Князя, шесшидесяшилѣтнѣй, дряхлый спарикъ, женился на пятнадцатилѣтней горничной — я видѣла многое, многое не на своемъ мѣспѣ, и не въ настоящемъ упошребленіи.

Судьба еще разъ улыбнулась мнѣ: мой хозяйинъ—лакей, женился. — Молоденькая, хорошенькая жена его избавила меня опъ шабаку ... “Я не хочу, чтобъ пы нюхаль шабакъ,, — сказала она мужу. — “Не могу, милая, безъ него обойпись — я уже зо лѣшь его нюхаю ... “Я не хочу—не хочу!

мнѣ прошивно смопрѣшь на тебя, и если ты не переспанешь., — Чшожь ты сдѣлаешь? — “Я...я никогда не буду тебя цѣловать!., — Лакей не усполяль прошивъ эпой угрозы...покаялся никогда не нюхашь, опдалъ женѣ шабакерку...и освободиль меня опъ несносной, сухой правы...я опашь явилась съ пивомъ!... О женщины! женщины! Чего вы не дѣлаете въ свѣпъ? — Такъ какъ я была только одна во всемъ маленькомъ хозяйствѣ, по меня безпрестанно употребляли: я была съ квасомъ и уксусомъ, съ водою и молокомъ... шрудно, очень шрудно... но за шо я не знала праздности... И люди недаромъ говоряшь, чшо все излишнее вредно... Еслибъ у моего хозяина было много бунылокъ, мнѣ, можешь бышь, доспалось бы разъ въ мѣсяць явишься за его обѣдомъ... а опшальное время я бы валялась въ какомъ нибудь чуланѣ, въ пыли и грязи... а шеперь меня безпрестанно выполаскивали, выширали...и я немогла ропшашь на свою учаспъ...Я думала шакже, чшо и Князь лучше бы сдѣлаль, еслибъ прогналь опъ себя шунейдцевъ, соспавляющихъ его дворню. Чемъ болѣе услуги—

шемъ хуже служашь... Я думала также, что праздный пошеволь поршится... все сравнивая людей съ нами, бушылками.

Не помню хорошенько, какъ это случилось, но меня взяли опять въ погребъ Княжескій и налили бишофомъ. Долго спояла я въ холодномъ уединеніи... и начинала уже скучашь, какъ въ одинъ день меня берущь, и приносяшь въ комнашу Княжескаго сына, молодого человекъ лѣтъ чепырнадцати... Князя не было дома — Княгини поже — сынъ оспавался съ однимъ полько Гувернеромъ Французомъ. Французъ получалъ отъ Князя 5000 руб. жалованья — и правду сказашь — не упускалъ ничего для образованія своего пиномца. Училъ всему, безпреспанно занималъ маленькаго Князя, рассказывалъ ему анекдоты, пѣлъ аріи изъ всѣхъ извѣстныхъ Оперъ, однимъ словомъ его очень справедливо называлъ Князь: *единственнымъ*. Маленькій Князь уже говорилъ пофранцузки, какъ Французъ — танцовалъ, какъ балетмейстеръ — фехповалъ, какъ фехпмейстеръ — умѣлъ приапно рассказывашь — эпиграммы и каламбуры безпреспанно были на языкѣ его. Но

шакъ какъ молодой Князь не умѣлъ еще обращаться съ бушылками — шо Французъ не забылъ наспавить его и въ эпомъ важномъ пункшѣ. Принесли меня съ бишофомъ и поставили на столъ... “А саа! сказалъ Французъ — посмопримъ, молодой человекъ, умѣете ли вы обращаться съ бушылками?.. — Нѣтъ ничего легче, ошвѣчалъ молодой человекъ — пробку вонъ—вино въ спакань!...—“Нѣтъ! нѣтъ! эшо не шо! Вы будете служишь въ Кавалеріи, а Кавалерисшы нешерпѣливы... ишакъ одинъ разъ навсегда вошь вамъ урокъ,,...Французъ обнажаетъ саблю, салюпуешъ Князю — бросаетъ на меня — ударъ! — и моя бѣдная голова съ пробкою полешѣла на полъ! Vive la joie закричалъ Французъ, наливая бишофъ. Князь внѣ себя опъ восхищенія!

Прости, обманчивый свѣшъ! Прости, радость земныя! Прости, моя бѣдная голова! Меня вынесли изъ комнашы, и мальчикъ, помощникъ Камердинера, налилъ въ меня — ваксу! ...

И вошь уже другой годъ спою я въ шемномъ ларѣ — запачкана зэмарана ... Съ шерпѣніемъ ожидаю конца своего зэм-

наго, спранспвованія — и живу воспо-
минаніемъ.

Милыя сеспры! да послужишь вамъ
въ пользу испорія моей жизни и мой
скромныя замѣчанія о бушылкахъ и лю-
дяхъ!

~~~~~

О новой книгѣ.

Между Орашорами XVIII вѣка занимаетъ
первое мѣсто Томась. Похвальныя его Слова
одобренныя Французскою Академією, удо-
стоены предложенныхъ наградъ. Таковыя
счастливыя успѣхи пракшическихъ опы-
шовъ внушили ему мысль соспавишь Тео-
рію похвальныхъ Словъ, или Испорію ихъ
Словесности и Краснорѣчія. Дидакшическое
твореніе сіе, извѣстное подъ именемъ: *Опы-
та*, признано наилучшимъ изъ всѣхъ произ-
веденій его пера, гдѣ аналитически разби-
рая Рѣчи, Слова и Проповѣди древнихъ и
новѣйшихъ писателей, открываетъ достоин-
ство ихъ и слабую сторону; прилично за-
нимаетъ и вмѣстѣ наспавляетъ.

Такъ какъ означенныя сочиненія со-
спавляютъ высшую оспрасть Словесности,
и шакъ какъ по оной часпи у насъ не
имѣлся классическаго пособія, то по ува-
женію сего и признано нужнымъ переве-

спи на Россійській языкъ сіе швореніе, которое можешъ служишь руководствомъ по ошдѣленію словесныхъ наукъ какъ въ Духовныхъ, такъ и Свѣшскихъ Училищахъ. Въ первой часши *Опыта* заключающя слѣдующія сужденія: о похвалѣ и любви къ славі; о Св. Имняхъ первыхъ народовъ; о Грекахъ вообще; объ Исократѣ, Платонѣ, Сократѣ, Ксенофонѣ, Плутархѣ, Лукіанѣ и проч. О Римлянахъ вообще; о Цицеронѣ, Плиніѣ, Тацитѣ и другихъ Орапорахъ во времена Республики и въ правленіе Императоровъ; о Конспаншинѣ, Юліанѣ, Θεодосіѣ и проч.

Во второй часши: о варварскомъ вѣкѣ; о возрожденіи наукъ; о ходѣ ихъ ошъ Франциска I до Генриха IV; о краснорѣчии при Людовикѣ XIII; о Маскаронѣ, Боссюешѣ, Флешѣ, Бурдалу, Ла Рю, Массильонѣ и проч. о Людовикѣ XIV; о краснорѣчии въ Италіи, Гишпаніи, Англіи, Германіи и Россіи; о покойнолѣ Платонѣ, Митрополитѣ Московскихъ и о Ломоносовѣ, и наконецъ вообще о правилахъ и предмешахъ краснорѣчія.

Первую часшь сей книги (заключающей въ себѣ 344 страницы) и билешъ на вторую, которой уже половина оппечашана, можно получашъ въ библіошекѣ Плавильщикова; что у синяго мосша, и у самаго Переводчика, живущаго въ Лишейной часши

въ домъ Ген. Маіорши Булашовой, прошиву Церкви Спаса Преображенія. Цѣна за обѣ чаши 10 рублей, а съ пересылкою въ другіе города 12. Ежели же ошъ иногородныхъ жишелей вдругъ шребуемо будешъ въ одно мѣсто свѣше десяти экземпляровъ, шо, въ шакомъ случаѣ Переводчикъ принимаетъ на себя издержки за пересылку оныхъ.

Д. Вороновъ.

~~~~~

Шарада-Логогрифъ.

Натальное мое въ союзахъ вы ищете;

Когдажъ *второе* знашь хошите,

Предлоги перечтите.

Послѣднее мое тогда произнесите,

Когда въ ошвѣшъ

Нельзя сказашь вамъ слова: нѣшъ!

А *цѣлымъ* вы себѣ доставите обѣдъ

И въ посшъ и въ мясоѣдъ.

Теперь *натальное* съ *вторымъ* соедините

И мною *цѣлымъ* въ немъ (1) различныхъ
рыбъ ловите;

Пошомъ *наоборотъ* его скорѣй прочтите

И между знаками небесными (2) смощите—

Или въ Ишорію Писаше, взгляните

И имъ Латинскаго Поэша назовите.

Когдажъ еще шеперь его *перелѣшате*,

То для дѣвиць ошцы должны заготовляшь (3).

Трудненько безъ него въ замужство ихъ оп-
дашь!

Послѣднее мое съ вторымъ шеперъ сложише
И цѣлымъ пойманныхъ гуляшь въ меня (4)
пустише:

Онѣ всегда во мнѣ желаюшь обидашь.
Но если у меня *главу* шеперъ опниашь,
То я и новый видъ совсемъ могу приняшь:
Могу дѣянiя героевъ воспѣвашь,
Имъ лавры и вѣнцы безсмертiя сплешашь.
Но *цѣлое* еще на части разобрашь
И можно новые предметы въ немъ сыскашь:
Вопервыхъ двѣ рѣки предъ вами вдругъ
явишся:

Одна изъ нихъ въ Азовское еспремился (6)

Другая же въ Балтiйское шечешь (7) —

Одна безъ головы намъ имя замѣняешь (8);
Другая же дѣшей съ болѣзнию раждаешь (9).
Смѣшавши первую, чипашель мой найдешь

То, въ пропасняхъ чего и безднахъ
нѣшь (10);

Смѣшавъ послѣднюю, споллицу обрѣшешь (11).

Какую же? Того я не открою:

Догадливый и самъ смѣкнешь —

Лишеннаяжь *главы*, извѣстною рѣкою
Она явишся и въ Сибири пошечешь (12).

Когдажь шеперъ безъ *головы* прочмешь
Чипашель первую рѣку на оборотъ;

Часничка новаго покрою

Тогда предъ нимъ мелькнешь —

Словцо, кошорое совсемъ осшановляешъ
 Средь жаркихъ споровъ насъ (13)
 Довольно ли шеперь, чишашели, для васъ?
 Коль нѣшть, шо вошть еще, чшо мѣсто за-
 сшупаешъ
 Богини мрачныя—и скрышья засшавляешъ
 И совъ и филиновъ въ ущельяхъ и въ дуп-
 лахъ
 И чшо шешопырямъ, ворамаъ наводишъ
 сшрахъ (14).
 Предъ вами ручеекъ, извѣсшный въ Пале-
 сшнѣ,
 Иль брашъ Юсифа предшанешъ ны-
 нѣ (15).
 Вошть шо еще, съ кресшьянъ
 Чшо Казначей, какъ пошлину, сбира-
 ешъ (16).
 Смошрише: руку шамъ вошть нищій про-
 сшираешъ,
 О сосшраданьи умоляешъ
 Мимоишущихъ Хрисшїанъ.
 Червонецъ, сжалясь шущъ, вдругъ нѣкшо
 вынимаешъ
 И опдавая, говоришъ...(17)
 Вошть шо, чшо грѣшника спрашишъ,
 Чего боишся онъ, дрожишъ (18)—
 Но полно! я усшаль и болѣе не знаю,
 Чишашели, какой предметъ шеперь сыскашъ:
 Я вамъ препоручаю:
 За вами дѣло все—извольше опгадашъ.

Цсковб.

Ив. Бутырскій.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

1824. N° XII.

ЗАПИСКИ БАРОНА ГЕРБЕРШТЕЙНА О
РОССИИ.

(Продолженіе.)

Вѣра .

Россія , какъ начала , такъ и понынѣ исповѣдуетъ Греческую Христіанскую Вѣру . Она имѣетъ Мишрополишовъ , кои прежде жили въ Кіевѣ , допомъ во Владимірѣ , а нынѣ живутъ въ Москвѣ . Прежде Мишрополишы чрезъ каждыя семь лѣтъ , обязжали покоренную Липшѣ часть Россіи и вывозили опшуда много денегъ . Чшобъ сохранишь деньги въ своихъ владѣніяхъ , Вишовшъ созвалъ Епископовъ , поставилъ своего Мишрополиша , который нынѣ имѣетъ пребываніе въ Вильнѣ , сполицѣ Липшовской , гдѣ хошя господшвующая вѣра Римско - Кашолическая , однакожь церквей Россійскихъ гораздо болѣе , нежели Кашолическихъ . Впрочемъ Россійскіе Мишрополишы зависяшъ ошъ Констаншинопольскаго Паптріарха .

Россіяне именно хваляшя въ своихъ

Лѣшописяхъ, что еще прежде Владиміра и Ольги Россійскую землю крестилъ и благословилъ Апостоль Христовъ Андрей. Они говоряшъ, что онъ изъ Греціи приплылъ къ устью Днѣпра, отсюда вверхъ по рѣкѣ достигъ до шѣхъ горъ, на кошорыхъ стоилъ нынѣ Кіевъ; здѣсь благословилъ и крестилъ всю страну, и водрузивъ свой крестъ, предсказалъ ей великую милость Божию и множество Христіанскихъ храмовъ; что отсюда дошелъ онъ до источниковъ Днѣпра, до большаго озера *Волокъ* (Voloк); попомъ рѣкою Ловашью спустился въ озеро Ильмень; изъ Ильменя, по выходящей изъ него рѣкѣ Волхову приплылъ въ Новгородъ, а отсюда пою же рѣкою въ Ладожское озеро, попомъ въ рѣку Неву, Невою въ Варяжское море, кошорое мы называемъ Нѣмецкимъ, и попомъ около Финляндіи и Ливоніи приѣхалъ въ Римъ: а наконецъ въ Пелопонезѣ распяшъ за Христа Агомъ Аншипашромъ. Такъ повѣспвуютъ Россійскія Лѣшописы.

Прежде Мишрополишы и Архіепископы избираемы были Соборомъ всѣхъ Архіепископовъ, Епископовъ, Архимандритовъ и Игуменовъ. Обыкновенно изъ всѣхъ монастырей и пущынь избирали мужа благочестивой жизни и нарѣкали его. Но нынѣшній Государь, какъ говоряшъ, созываетъ къ себѣ извѣстныхъ ему мужей и изъ нихъ вы-

бираешъ одного по своему произволу. Въ бышность мою въ Москвѣ Посланникомъ отъ Цесаря Максимилиана, находился шамъ Митрополишомъ Варфоломей, мужъ благочестивой жизни.

Въ Государствѣ Московскомъ есть еще два Архіепископа, по есть: въ Новгородѣ и Ростовѣ, и восемь Епископовъ: Тверскій, Рязанскій, Смоленскій, Пермскій, Суздальскій, Коломенскій, Черниговскій и Верейскій. Всѣ они подчинены Митрополишу Московскому; содержаніе свое имѣюшъ всякій отъ своихъ угодьевъ и другихъ случайныхъ, какъ говоряшъ, доходовъ; крѣпостей же, городовъ и другихъ мірскихъ расправъ, или свѣтскаго управленія не имѣюшъ; мяса никогда не ѣдашъ. Архимандришовъ (Abates) въ Москвѣ я видѣлъ только двухъ; Игуменовъ же (Priores) есть много; всѣ они избираюшся по волѣ Князя.

Какъ избираюшся Игумены, видно изъ сочиненія нѣкоего Варлаама, Игумена Хушынскаго монастыря, основаннаго въ 7034 году. Предлагаю содержаніе сего сочиненія. Впервыхъ брашство монастыря просишъ Великаго Князя о избраніи оному досшойнаго Настоятеля, кошорый бы насавлялъ ихъ въ Божественномъ ученіи. Избранный же прежде, нежели будешъ ушвержденъ отъ Князя, долженъ присягнушъ и даже дашъ

подписку, чшо желаешъ жить въ ономъ монашырѣ по правиламъ Свяшыхъ Опець, свяшо и благочестно; выбирашъ въ должности по обычаямъ предковъ и съ согласіи старшійшихъ брашій; ко всѣмъ званіямъ опредѣляшъ людей вѣрныхъ и прилжно наблюдашъ выгоды монашыря; о нуждахъ и дѣлахъ монашырскихъ разсуждашъ съ шрема, или чешыря старшійшими, и по разсужденіи предлагашъ всему обществу брашій и по общему ихъ приговору рѣшашъ; не имѣшъ собсвеннаго спола, но всегда бышъ за общею трапезою и упошребляшъ одну пищу съ брашією; всѣ сборы и годовые доходы собирашъ прилжно и класшъ вѣрно въ монашырскую казну. Все сіе обѣщаешъ Игумень исполняшъ подъ спрожайшимъ наказаніемъ, какое Князь опредѣлишъ можешъ, и подъ опасеніемъ лишенія сана. Равнымъ образомъ обязывающся клятвою и старшіе брашія сохраняшъ все сіе вѣрно, тщащельно и повиноващся своему Игумену.

Въ мірскіе Священники посвящающся шѣ по бодьшой часпи, копорые долго служили при церквахъ Діаконами; въ Діаконы же посвящающся шолько женашые. Въ Діаконы произведенъ бышъ не можешъ, кшо женился на обезславленной дѣвицѣ.

Вдовый Священникъ не прежде можешъ вступитъ во вторый бракъ, какъ по вы-

ключкѣ изъ духовнаго званія. Священники занимающъ первое мѣсто въ церквахъ, и кто изъ нихъ сдѣлаешь что либо прошивное вѣрѣ, или своему сану, по подвергается духовному суду.

Священники содержащяся по большой части приходскими доходами, а сверхъ того имъ даеся домикъ съ полемъ и лугомъ, ошъ копорыхъ получающъ они пропитаніе, воздѣлывая ихъ сами, или чрезъ своихъ рабшниковъ, подобно поселянамъ. Они имѣющъ весьма малые доходы; иногда церковныя деньги ошдающя въ ростъ, и проценты предоспавляющя въ пользу Священника, дабы прихожанамъ не содержащъ его на свой счетъ. Есть и шакие, кои живутъ жалованьемъ ошъ Великаго Князя. Подлинно немного находишя шакиихъ приходовъ; копорые бы имѣли помѣстья, исключая Епископій и нѣкопорые монастыри. Приходы никому не поручающя, кромѣ Священниковъ. Весьма рѣдко находишя шакия церкви, при копорыхъ бы не было особаго Священника.

Одежду имѣющъ Священники почти шакую же, какъ свѣшскіе люди; сверхъ малой и круглой скуфьи, копорою покрывающъ высприженное гуменце, они ошъ жару и дожданосящъ широкія шляпы, или высокія бобровыя шапки сѣраго цвѣша; всѣходящъ съ палками называемыми: посохъ.

Въ монашьяхъ начальствуютъ, какъ сказано, Архимандриты и Игумены. Законы и правила у нихъ весьма строги, хотя мало по малу ослабвая, остаются безъ исполненія; они никакихъ забавъ имѣть не могутъ. Мяса вовсе не употребляютъ; всѣ повинуются не только Княжескому повелѣнью, но и всякому присланному отъ Князя Боярину. Приславъ, заготовлявшій для меня съѣстные припасы, однажды при мнѣ потребовалъ чего-то у одного Игумена, и когда сей не хотѣлъ дать, то онъ началъ ему угрожать — тогда Игумень немедленно принесъ требуемую вещь. Многие изъ монашьяхъ переселяются въ пустыни, и тамъ, построивъ себѣ маленькія хижины, живутъ въ нихъ по одному, или съ товарищемъ, питаются только плодами и кореньями; они называются *столпниками* потому, что живутъ въ стѣнныхъ, построенныхъ на высокихъ столпахъ хижинахъ.

Мишрополиты, Архіепіскопы и Епископы хотя сами никогда не ѣдятъ мяса, однакожь когда приглашаютъ въ гости мірянъ, или Священниковъ, то едятъ, ежели не въ постъ, имѣющъ предъ Архимандритами и Игуменами то преимущество, что предлагаютъ гостямъ за своимъ столомъ мясо.

Архіепіскопы, Епископы и Архиман-

дрипы имѣють черныя круглыя клубуки (mitra).

Повседневное одѣяніе Епископы имѣють общее съ прочими монахами, исключая, что иногда носятъ они шелковое, особливо черную маншію, по краямъ кошпорой, начиная осьъ груди, идушь по обѣ стороны шри бѣлыя леншы, наподобіе ручьевъ, въ знаменіе того, что изъ ушь ихъ изливаюшся струи ученія Вѣры, а изъ сердца назидательныя примѣры. Они носятъ коспыль, въ образъ креста, и называютъ оный посохомъ. Новгородскій Епископъ носитъ маншію бѣлую. Епископы ничемъ не занимаюшя, кромѣ вещей Божешвенныхъ, служащихъ къ назиданію Христіанъ и распросщраненію Вѣры; дѣла домашнія и другія общежительныя должнoshi поручаюшь они монашырскимъ чиновникамъ (officialibus), или должнoshнымъ монахамъ.

(Продолженіе обѣщано.)

МАЛЕНЬКІЕ РАЗГОВОРЫ.

1.

*Факторъ и Неизвѣстный.**(Дѣйствіе въ типографіи.)*

Неизвѣстный. Здѣсь печатана эта книга?

Факторъ. Здѣсь.

Неизв. А продается она у васъ?

Фак. Никакъ нѣтъ: здѣсь только печатающіяся книги, а не продающіяся — извольте спросить въ книжныхъ лавкахъ.

Неизв. Я спрашивалъ, да ни у кого нѣтъ. Нашелъ одинъ только экземпляръ у Плавильщикова, да и то въ непродажной.

Факт. Не мудрено, что въ пятнадцать лѣтъ вся книга разошлась.

Неизв. А что споить напечатать вновь?

Фак. Двадцать листовъ ровно... за наборъ и за печатаніе по сороку рублей съ листа, восемьсотъ... бумаги при споры на листъ, хоть по десяти рублей, шестьсотъ... тысячю четыреста рублей всего за полный заводъ, то есть за тысячу двѣсць экземпляровъ.

Неизв. (отдавая синенькую бумажку).
Дай же, брашець, *сдаги* и напечамай мнѣ
поскорѣ одинъ экземпляръ.

2.

Книгопродавецъ, Слуга и Любитель Словесности.

Слуга. Барыня велѣла узнатьъ, есць ли у васъ Русской ашласъ?

Книгопродавецъ. Ашласу нѣшь, а ашласъ есць.

Слуга. А какого цвѣша и почемъ аршинъ?

Книг. Разныхъ цвѣшовъ, а аршинами не продаемъ.

(*входитъ Любитель Словесности.*)

Люб. Сл. Мнѣ хочешся купить полное собраніе сочиненій лучшихъ нашихъ спихопворцевъ. Есць у васъ сочиненія Ломоносова?

Книг. Есць.

Люб. Сл. А Державина?

Книг. Есць.

Люб. Сл. Озерова?

Книг. Есць.

Люб. Сл. Нѣшь ли еще чьихъ нибудь, полько самыхъ лучшихъ?

Книг. Не угодно ли вамъ взять сочиненія Дмипріева, Жуковскаго, Башюшкова, Крылова, Пушкина ...

Люб. Сл. Чпо шы, брашець! Да они всѣ живы?

Книг. Такъ чпо же, сударь? Дай Богъ всѣмъ имъ долго еще прожись.

Люб. Сл. Нѣшь, сочиненій живыхъ авторовъ, какъ бы они хороши ни были, никогда не куплю.

Книг. Для чего же?

Люб. Сл. Для шого, чпо еще чпо, нибѹдь напишущь, да и сдѣлають *новое изданіе*.

И.

О ДРЕВНѢЙШЕЙ ПОЭЗИИ ВЪ ГЕРМАНИИ.

(изъ сочин. Г. Г. Ейхгорна.)

Съ самыхъ древнихъ временъ народы Германскіе любили пѣсни и пѣніе. Карль Великій, внимательный ко всему, чпо могло вознесши его народъ на высшую степень гражданской образованности, совершилъ и для языка Нѣмецкаго все, чпо совершилъ былъ въ соспоянніи: прудился для него самъ и начерпываль уша-

новленія, кошорья долженспвовали уско-
ришь усовершенспвованіе онаго, когда бы
преемники сего Государя, слѣдую по про-
ложенному пути, придерживались его
намѣреній.—Если даже не захопимъ при-
нимаць въ уваженіе новоизобрѣшенныхъ
имъ наименованій для вѣпровъ и мѣся-
цовъ, потому что, можешъ бышь, они не
принадлежатъ ему; если на Опышь Грам-
машики Нѣмецкаго языка — гдѣ успѣхи
его, по всѣмъ вѣрояшямъ, были маловаж-
ны — будемъ взирашь, какъ на простую
забаву Государя, кошорый имѣлъ слабоспъ
искашь того, въ чемъ не нуждался для
полноспы славы своей—искашь мѣспа въ
числѣ ученыхъ своего вѣка: то и тогда
остануся у него неопъемлемы другія
важныя заслуги въ Нѣмецкомъ словѣ. Онъ
не только повелѣлъ написашъ на ономъ
дополѣ несобранные законы всѣхъ под-
власпныхъ народовъ и древнія пѣсни Бар-
довъ; но и успавиль, чшобъ Пастыри
Церкви поучали народъ на ономъ. Карль
Великій непремѣнно хощѣлъ, чшобъ въ
училищахъ его обширнаго государспва
міряне были назидаемы въ письмѣ. Но къ
несчаспію сей великій Монархъ своими

узаконеніями не могъ вдохнушь современникамъ и попомкамъ рвенія своего. Его воля нигдѣ не исполнялась въ почности; прекраснаго начала, имъ положеннаго, никшо не продолжалъ; и дѣйствія его великаго ума, его мудрыхъ учрежденій повсюду пресѣклись. Ипакъ усилія Карла Великаго сушь сѣмена драгоцѣнныя, но непрозябшія.

До временъ Дома Гоеншпауфенскаго въ Германіи языкомъ письменнымъ и книжнымъ были верхнегерманскія нарѣчія (oberteutsche); а при владычествѣ сихъ Государей преимущественно нарѣчіе Франконское, которое превосходило прочія въ образованности и было допольъ языкомъ большей части Германскихъ Государей: ибо его блескъ не умалился при Короляхъ Саксонскихъ, которые царствовали въ пространство времени между Каролингами и Франконскимъ Домомъ. При владычествѣ Швабскаго Императорскаго Дома *) возвысилось Швабское, или

*) Со смертію Людовика, сына Арнульфога (царствовавшего съ 899 по 911 г.)

Алеманское нарѣчіе надъ прочими верхнегерманскими, и приобрѣло первенство надъ всѣми Нѣмецкими нарѣчіями, спавъ языкомъ Императорскаго Двора и спихотворцевъ, его украшавшихъ.

Земля Нѣмецкая не была уже пою пущынею, въ копорой обитали Герман-

Домъ *Карла Великаго* навсегда лишился Германскаго престола. Германцы, оставивъ *Карла* простаго, насоящаго наслѣдника послѣ *Людовика*, предложили корону Герцогу Саксонскому *Ошпону*, копорый однакожь уклонился опъ принятія оной, и предсхавиль вмѣсто себя *Конрада*, Герцога *Франконскаго*, царспвовавшего попомъ съ 912 до 918 г. *Конрадъ*, умирая, предложилъ избраться Королемъ *Генриха*, сына *Ошпонова*, и съ нимъ *Саксонскій Домъ* взошелъ на Германскій престоль и обладалъ имъ до 1024 года, когда верховная власшь перешла въ Домъ *Франконскій*, въ лицѣ *Конрада II*. Наконецъ Императорскій престоль сдѣлался достояніемъ *Шеабскаго Дома*, династіи *Гоештауфенской* и первымъ Императоромъ изъ сего Дома былъ *Конрадъ III*, копорый принялъ правленіе въ 1138 г.; а послѣднимъ *Фридрихъ II*, копорый умеръ 1250 года.

Прим. Перев.

цы Тацита: болоша были осушены; очищенные, или сожженные лѣса не заслоняли лучей солнечныхъ и не спирали воздуха; климатъ, общежитіе, обшпатели все улучшилось. Въ самой срединѣ Государства процвѣпали и города многолюдные и села богатыя: торговля, ремесла, промышленность упражняли уже значительную часть жителей; многія Княжества заключали въ себѣ обширныя земли, и владѣльцы ихъ любили пышность. Непрерывныя сношенія съ Италіею и другими Европейскими Державами, частыя походы противъ мятежныхъ Римлянъ и другіе походы Рыцарей, нравы иноземные учинившіеся извѣстными, лучшіе образцы, усмаприваемые въ чужихъ странахъ, и благородное рвеніе съ ними сравнишься; все это положило начало благодѣтельному перевороту въ нравственномъ характерѣ Германцевъ, въ ихъ сущесствѣ внутреннемъ и внѣшнемъ. Общежитіе и нравы упончились; знанія и понятія размножились, кругъ мыслей увеличился, господствующій духъ и образъ мышленія возвысились; и какъ языкъ всегда слѣдуетъ за усовершеніемъ и упонченіемъ понятій;

по благороднѣйшая часть Германіи поспешенно приобрѣла все, что по потребно для начала народной Словесности.

Тогда заря ея занялась, и первоначально въ Алеманіи, т. е. въ Швабіи и бѣльшей части Швейцаріи. Оптуда ея лучи разлились въ непродолжительномъ времени и на прочія области Германіи, по мѣрѣ сколько каждая была угоповлена къ принятію оныхъ. Въ Германіи, какъ и въ прочихъ земляхъ Европы, Поезія Рыцарская была предшественницею благороднѣйшей знаній, и (что удивительно) уже при самомъ началѣ своемъ опличается пѣснопѣніями гармоническими.

Чтобъ раскрыть шайну сего благозвучія и легкости языка, необходимо должно предположить, что и прежде извѣстныхъ намъ временъ Миннезенгеровъ, Алеманія любила пѣснопѣніа и образовала свое нарѣчіе римами. Ибо языкъ исполненный легкости и нѣжности, благозвучія и шонкости, простоты, смѣлости, силы и правильности, языкъ, какимъ является Алеманскій въ швореніяхъ Миннезенгеровъ, не можетъ произойти внезапно; вѣкъ образованный и утонченный пред-

полагаешь въкъ непросвѣщенный и грубый, предполагаешь и поспешенный переходъ изъ одного въ другой. Не видимъ ли, что издревле стихопворцы воспѣвали на другихъ Нѣмецкихъ нарѣчїяхъ—Франконскомъ и нижнесаксонскомъ? Уже ли Алеманецъ, обитатель страны плодородной, и окруженный восхищительною, живописною природою, копорая неизбѣжное имѣешь вліяніе на душу челоуѣка, уже ли Алеманецъ, подобно другимъ своимъ Германскимъ единоземцамъ, не изливаль радостныхъ чувствованій своихъ въ стихопворенїяхъ безыскусственныхъ и грубыхъ; уже ли онъ не старался усовершать иными умственными усилиями себя самаго и языкъ свой, хотя судьбы и не судили, чтобы слѣды его опытовъ въ стихопворствѣ и письменахъ дошли до нашего времени?—

Черезъ сіи опыты, копорые предполагаешь должно, нарѣчіе Швабское приобрѣло гармонїю, приятность, нѣжность, сладкозвучїе, полношу для слуха опъ множества гласныхъ, богатство опъ свободного словосочешанїя; краткость опъ сокращеній и выпускъ неважныхъ словъ,

уклончивость и гибкость для выраженія всѣхъ посшепенностей въ ощущеніяхъ и спрасшяхъ, нѣчто живописное, карпинное и сильное въ прилагательныхъ именахъ для изображеній живыхъ и разшительныхъ; наконецъ испинную юношескую силу для быспраго, часшо своенравнаго хода молодыхъ ощущеній. Нѣпъ сомнѣнія, что все это еще не давало ему полнаго совершенства. При всемъ приашспвѣ, при всей нѣжноспи сего нарѣчія, въ немъ нерѣдко встрѣчающся рѣзкія созвучія, неприашпныя двоегласныя и глухія гласныя; еще оно не имѣло правилъ швердыхъ, а иногда и вовсе никакихъ граммашическихъ для склоненій и мѣры слоговъ; но, можешъ бышъ, самая сія несправильность придавала языку шемъ большую силу.

Такимъ образомъ приугошовленное для спихошворшва дворяншво Германіи принало учаспіе въ Рыцаршвѣ и посредспвомъ онаго обогашило свое воображеніе предмешами, исполненными Поэзіи. Рыцаршво своими обильными средспвами оживило его фаншазію и пишало ее мечшаніями любви и благочеспія. Въ ша-

комъ расположеніи выпязь Германскій вспупаль въ цвѣшущія спраны Воспока. Часная перемѣна климаша и пици привела плѣсную его организацію въ сильнѣйшую раздражисельность; обхожденіе со споль многими и совершенно различными народами измѣнило все сущесство его. Онъ заимсшвоваль опть Воспока и Запада, опть Арависьянь, Турковъ и Грековъ, опть Ишаліянцевъ, Англичанъ и Французовъ; число поняшій его умножилось; наблюдашельный духъ изошрился; наспроилось воображеніе, ушончился образъ мыслей, улучшилось общежитіе; онъ украшался во внушренности и внѣшности, и въ шѣлѣ и въ сердцѣ и въ душѣ. Имперашоры Германскіе, принимая участіе въ словесности другихъ народовъ, своимъ примѣромъ внушали Рыцарямъ равное рвеніе знакомисья со всемъ, что было шогда прекраснаго у другихъ націй, особенно сильно дѣйсшвоваль примѣръ Фридерика I и II. Первый говорилъ на многихъ языкахъ новѣйшихъ и испышалъ свой даръ въ спихошвореніяхъ Провансальскихъ; послѣдній принялъ самъ и придалъ современникамъ своимъ видъ учености,

основалъ книгохранилище, украсилъ его всякаго рода лишерапурною добычею Воспока, и доспавилъ дворянамъ и вышнимъ училищамъ своего Государства Арабскихъ и Греческихъ Писапелей въ переводахъ на языкъ опечешвенномъ. Дворянство Германское болѣе, или менѣ слѣдовало примѣру своихъ Государей: одни (сколько въ то время было можно) знакомились съ классическою Словесностію Рима; другіе искали знаній въ земляхъ удаленныхъ, спранспвуя въ Падуу, Парижь, Саламанку; иные чипали, по крайней мѣрѣ, произведенія сосѣдственныхъ народовъ, спихопворенія Прованса и Франціи.

Въ продолженіи сего измѣненія нравовъ не преспавали въ Германіи заниматься спихопворспвомъ; но въ пѣсняхъ Нѣмецкихъ изображался тогда сей вновь переродившійся міръ. Особенное вліяніе на випязей Германіи имѣла Франція, кошпоя почипалась всеобщимъ образцомъ въ подвигахъ Рыцарства: ея полуденныя обласпи чрезъ феодальныя сношенія съ Нѣмецкимъ Государспвомъ, а сѣверныя чрезъ походы кресповые и Ры-

царскіе, во время копорыхъ випязи Германіи и Франціи жили большею часпію вмѣспѣ. Но образецъ сей могъ ли оказывашь на другую какую либо часпѣ Германіи бѣльшее вліяніе, нежели на Алеманію, спрану ему сопредѣльную? Ея Рыцари, кажешься, наибѣльше спарались не уступашь Франціи ни въ чемѣ.—Все дворянство Германское, сначала въ Алеманіи, попомѣ по ея примѣру и въ прочихъ обласпяхъ, преобразилось въ спихопворцевъ, индѣ бѣльше, индѣ менѣ. Опѣ часпыхъ упражненій въ спихосложеніи Швабское нарѣчіе спановилось богаче, гибче, живописнѣ, сладкозвучнѣ; оно сообразуясь бѣльше и бѣльше съ пробудившимися нѣжными чувспвованіями, преврапилось въ языкъ приапный и звучный, языкъ, копорымъ говорили при дворѣ и копорымъ выражались поэшы. Вмѣспѣ со спихопвореніями распроспранилсь и языкъ по всѣмъ обласпямъ Германіи и наконецъ достпигъ до того, что едѣлалсь всеобщимъ писъменнымъ и книжнымъ языкомъ. Непримѣпно онѣ напечатпѣвалъ свои опличительныя свойспва на другія Германскія нарѣчія и на обо-

ропъ, самъ заимствовавалъ опъ нихъ многое, даже иногда ко вреду своей приаппности; но за шо Нѣмецкія нарѣчія вообще выигрывали въ богатствѣ.

Періодъ славы Нѣмецкихъ Рыцарскихъ поэшовъ начался въ концѣ XII вѣка и продолжался слишкомъ сно лѣтъ, до конца XIII вѣка, опъ 1170 до 1300 г. *).—Первое мѣсто между дошедшими до насъ занимаетъ Фридрихъ Фонъ Фельдекъ (Fridrich von Veldek) кошораго пѣсни раздавались около 1170 года **). — Весьма часшо

*) Изъ древнихъ памяшниковъ Германской Поэзіи до временъ Императоровъ, изъ Швабскаго дома извѣстны: *Отфрида* (Otfried)—переводъ Нѣмецкими стихами Евангелической Исторіи—пѣснь на побѣду, одержанную во Франціи Людовикомъ III надъ Норманнами *неизвѣстнаго сочинителя*—похвальная пѣснь Архіепископу Анно, умершему въ Кельнѣ 1075 года — написанные Инокінею *Гросвита* (Groswitha) жизнь Опшона I и стихи на основаніе ея обіщеди монашпыря Грандерсгейма (Grandersheim) въ Бауншвейгскихъ владѣніяхъ. *Пр. Пер.*

**) Фонъ Фельдекъ извѣстенъ вольнымъ подражаніемъ Энеидѣ. *Пр. Пер.*

учреждались при дворахъ владѣтельныхъ Князей спихотворческіе шурниры и случай сберегъ намъ для образца подобныхъ соспязаній *Брань Вартбургскую* (*Der Krieg auf Wartburg*), кошорая опносишся къ 1207 году *). Спихотворцы спранспивовали для пѣснопѣній къ самымъ блиспапельнымъ дворамъ. Наиболе процвѣтала въ Германіи Рыцарская Поэзія въ царспивованіе Фридерика II. Въ шо время языкъ доспигнулъ замѣпнаго совершенства чрезъ долговременныя упражненія писапелей; Германія обогатишась новыми поняпїями чрезъ непрерывныя сношенія съ Воспокомъ и другими державами Европейскими; ея пѣвцы пользовались великимъ поощреніемъ Имперашора, кошорый любилъ Поэзію, любилъ знанія и науки всѣхъ родовъ. Но эшо было уже послѣднее усиліе жизни въ нѣжномъ цвѣшкѣ, близкомъ своей кончины **).

*) Сіе прѣніе было у Ландграфа Германа Турингскаго, въ замкѣ его, называемомъ Варшбургъ. *Der Krieg auf Wartburg* обыкновенно почишаешся первымъ драматическимъ опышомъ на Нѣмецкомъ языкѣ. *Пр. Пер.*

**) Вѣкъ Швабскихъ Имперашоровъ бо-

Швабія, или Алеманія, была законодательницею Нѣмецкаго Рыцарскаго спи-

гапъ писателями и произведеніями. Кромѣ Фельдека извѣсны:

1) *Вольфрамъ фонъ Ешенбахъ* (*Wolfram von Eschenbach*). Ему приписываютъ сочиненіе: Троянская война, или Нѣмецкій Гомеръ, въ которомъ заключается 30.000 стиховъ.

2. *Генрихъ фонъ Офтердингенъ* (*Heinrich von Ofterdingen*). Онъ сочинилъ: *Heldenbuch*, или дѣянія, рыцарскія и любовныя похождения Короля Ошшниша, молодого Ельбериха и проч.

3. *Конрадъ фонъ Вюрцбургъ* (*Meister Konrad von Wuerzburg*). Каждому изъ сихъ трехъ писателей приписывали извѣстное стихотвореніе, *Das Lied der Nibelungen*, которое въ соединеніи съ *Chriemhilder Rache* и *Klage* образуетъ полную Поэму.

4. *Вальтеръ фонъ деръ Фогельсвейде* (*Walther von der Vogelweide*), жившій около 1250 г., писалъ пѣсни и элегіи, гдѣ оплакивалъ бѣдствія своего опечесшва.

5. *Гуго Фонъ Трилбергъ* (*Hugo von Trumburg*). Сочиненіе свое, которое окончилъ 1300 г. назвалъ онъ: *Der Renner*. Оно есть собраніе нравоучительныхъ изрѣченій, басней, повѣстей и прищчей.

хошворствва и образовала для него самое прияпное нарѣчіе: посему Поэповъ Германіи можно назвапъ *Швабскими стихотворцами*, какъ въ новѣйшія времена предполагали. Однако сіе наименованіе не обойметъ собою ни всего ряда Рыцарскихъ Поэповъ, ни всего времени ихъ существованія. Поэпы находились во всѣхъ обласпяхъ Германіи: въ Турингіи и Авсприи, въ Мейсенѣ, Богеміи, Шлезии и Бранденбургѣ; въ Брабантѣ и на берегахъ Рейна Поэзія Рыцарская продолжалась въ Германіи долѣе, чемъ Швабскій домъ обладалъ прешоломъ ея, ибо и послѣ 1254 года она процвѣпала по крайней мѣрѣ еще полвѣка. Обыкновеннѣе и древнѣе наименованіе *Миннезенгеровъ*, которое однако подвержено другому недоспашку, знаменуя пѣвцовъ одного рода, пѣвцевъ любви,

Сверхъ сего неизвѣспны Авшоры слѣдующихъ сочиненій: I. Der Koenig Artus und die runde Tafel. II. Das Buch von Floren und Blaucheflug (заимствовано ошъ Французовъ). III. Koenig Tyrol von Schotten und Fridebrant sein Sohn. IV. Der Wiesbeke. V. Die Wiesbekin. Три небольшія правоучительныя спихотворенія. *Прим. Перев.*

между пемь какъ ихъ спихошворные опышы проспирались и на другіе предмешы.

Уже около половины III столѣтія не спало покровишелей спихошворснва въ Домѣ Швабскомъ, Туринскомъ и Авспрійскомъ, и поперя ихъ оспалась незамѣненною для Поэзіи. Благородное учрежденіе Рыцарства много ушрашило своего древняго доспоинспва съ пѣхъ поръ, какъ пышность Двора Гоеншшауфенскаго и чрезвычайные расходы во время крешовыхъ и рыцарскихъ походовъ уменьшили доспашокъ Нѣмецкаго Дворянспва; какъ съ одной спороны необходимое сихъ походовъ слѣдшвіе — бѣдность, а съ другой всеиспровергающее междуцаршвіе, по пресѣченіи онаго владѣтельнаго Дома, заглушили возвышенность духа въ сердцахъ Дворянспва и обрашили его въ сословіе грабишелей и наѣздишкочъ. Въ особенноти войны Авспріи съ Швейцаріею были гибельны для благородныхъ Домовъ, кошорые обладали землями, лежащими вкругъ Боденскаго озера и при верхнемъ Рейнѣ, землями, нѣкогда цвѣшущими и богатшыми: онѣ ввергли въ совершенное раз-

ореніе: многіе Роды Дворянскіе. По смерши Фридерика II прекрашились походы на Воспокъ, а съ Рудольфомъ Габсбургскимъ и пропивъ Рима. Безпокойное Дворянство, лишенное случая воевать земли чуждыя, чаще спало обращать оружіе другъ на друга, и чшобъ облегчить свою бѣдность, грабило богатые города своего опечества. Снова опдѣленное опъ свѣща, не имѣя сношеній съ народами Европы, болѣе образованными и ушонченными; оно огрубѣло, ушрапило благородную жажду познаній, забыло украшать свой разумъ, снова дѣлалось невѣжеспвеннѣе, суровѣе во нравахъ. Языкъ Нѣмецкій спановился вялѣе, холоднѣе, неспособнѣе къ спихопворству. Уже во цвѣспѣ Нѣмецкой Рыцарской Поэзіи приняты были многія иноспранныя слова изъ языковъ Лашинскаго, Провансальскаго и Французскаго; порча языка безпреспанно усиливалась и въ концѣ XIII вѣка являющія спихи полулашинскіе и полунѣмецкіе. Сверхъ того Нѣмецкій языкъ не былъ уже исключительнымъ достояніемъ Поэзіи; Философія принаравливала его къ своимъ умозрѣніямъ. Законовѣдецъ къ судебнымъ

успавамъ и дѣлопроизводству; миспикъ къ выраженію своихъ внушреннихъ чувствованій. Такое многоразличное употребленіе Нѣмецкаго языка возвѣщало ему прекрасную будущность, обиліе, философическую опредѣлишельность, гибкость, способную принимашь всѣ возможныя формы; но въ промежуткѣ, пока, имѣя выраженія для предмешовъ чувственнаыхъ онъ научался выражашь и опвлеченныя понятія, пока свою неопредѣлишельность прелагаль въ опредѣлишельность, свой шишическій полешь въ ровный, прямой ходъ прозы, въ семь промежуткѣ ему надлежало бышь языкомъ грубымъ, неспособнымъ ни къ чему, ни къ спихошворству, ни къ прозѣ.

В. К—ій.

О ГРАНЬ ПАССЪЯНСЪ,

или

Объявленіе о подпискѣ на новую книгу.

Всякой живешь на свѣшѣ своимъ машперствомъ и чемъ можешь доспашешь себѣ пропитаніе: кшо руками, кшо ногами, кшо головою. Ученые, для собшвен-

ной своей пользы, спараются просвѣщанъ и наснавяшь родъ человѣческой. Одинъ научаешь, напримѣръ, какъ ошращиваешь и красишь волосы, сохраняешь цвѣтъ лица, и ш. н.; другой изобрѣшаешь порошки опъ клоповъ, или мыло для бритья безъ бритвы, и проч. и проч. Кшо не имѣешь силы изобрѣшенія, тошь пользуешься изобрѣшеніями другихъ: ошыскиваешь ихъ, собираешь, объясняешь, приводишь въ систему. Иные перекладываютъ въ стихи Географію, Бошанику, Физику и прѣчія науки, чшо бы сдѣлашь ихъ занимательнѣе, или передѣлываютъ спаринные романы въ новѣйшія драмы. Не многіе умѣють писашь, но многіе печашають, издають въ свѣтъ свои и чужія шворенія ... а для чего? Для славы?—Такъ, для славы и—для денегъ.

Примѣръ сихъ благонамѣренныхъ мужей побуждаешь и меня вспупись на лишшературное поприще; но будучи мало ученъ, рѣшаюсь на первый случай приняшься за предметъ, болѣе мнѣ извѣстный, а именно издашь въ свѣтъ *собраніе всѣхъ гранъ-пассьянсовъ*, донынѣ изобрѣшенныхъ, съ объясненіемъ каждаго въ

особенности и съ полнымъ насшавленіемъ, какъ ихъ раскладывать и разыгрывать — въ двухъ часяхъ, со многими таблицами и планами.

Одно заглавіе показываешь уже, какой общепользныи шрудъ я на себя при емлю; впрочемъ, дабы болѣе удосповѣришь въ шомъ просвѣщенную Публику, нужнымъ считаю расшросшранишь здѣсь о значеніи и дѣйствительной пользѣ *гранд-пассьянсовъ*.

Название *гранд-пассьянсъ* (*grande patience*) въ переводѣ на Русскій языкъ означаешь, какъ извѣстно, *великое терпѣніе*. Можешь ли же хопя одинъ изъ будущихъ моихъ читателей похваляшь, что бы ему не нужно было *терпѣніе*, и ушверждаешь, что бы игра, приучающая насъ къ *терпѣнію*, шoliko необходимому въ жизни, была бесполезна? Конечно не найдешь ни одного!—И по сему одному уваженію предполагаемая мною къ изданію книга можешь съ пользою употребляема бышь даже для насшавленія людей съ малолѣтства *терпѣнію*, и гораздо съ болъшею пользою, нежели поцугайное изученіе Французскаго языка по *Новѣйшему Са-*

иоучителю 1811 года, гдѣ въ числѣ правилъ практической бывшей Французской Философіи, на спран. 232, помѣщена доспомяшная сеншенція:

La vertu sans argent est un meuble inutile *).

Сверхъ того, кпо бы какъ заняшь ни былъ по своимъ обязанностямъ, какъ бы ни приобикъ къ трудамъ; но всякой признаешся, по крайней мѣрѣ самому себѣ, что бываетъ шакое время, въ которое не можешъ, или не хочешъ продолжашъ обыкновенныхъ своихъ занятій, и имѣешъ необходимую нужду въ развлеченіи. По сему-шо единшвенно многіе посѣцаюшъ театры, маскарады, булевары, кофейные дома, респорациі, гдѣ шеряюшъ деньги, здоровье, а иногда и чистопу нравовъ, шри вещи, болѣе, или менѣе необходимыя для нашего счастья. Не лучше ли бы заняшся въ это время гранъ-пассьяномъ?

Не столько для увеселенія, сколько для того, что бы какъ нибудь убить вре-

*) Безъ денегъ добродѣшель бесполезная мебель.

мя, дѣлають балы и вечеринки, гдѣ воспользовавшись минушными удовольствіями свиданія со знакомыми и сообщенія новостей—всѣ, кромѣ панцующихъ, спѣшаютъ за карпочные сполы, не находя уже болѣе предметовъ для разговоровъ. Открываючися Боспонъ, Виспъ, Пикетъ и Банкъ-Фараонъ. Люди, люди, требующіе, чшобъ васъ почитали разумными! когда бросите вы игры, унижающія достоинство челоука? —Когда бросите вы каршы? Если нельзя уже вамъ обойтисъ безъ нихъ: шо разкладывайте гранъ-пассьянсъ, который займетъ васъ безъ обиды ближняго и сохранитъ чистоту сердца, совѣсти и карманы ваши.

Да не оскорбится почтеннѣйшая Публика симъ невольнымъ порывомъ моихъ чувствованій, ибо оный касается однихъ только *цѣховыхъ* игроковъ, и еслибъ удалось мнѣ сихъ послѣднихъ изданіемъ книги о *гранъ-пассьянсахъ* отвлечь отъ пагубныхъ и разорительныхъ игръ, шо не принесъ ли бы я болѣе для общесва пользы, нежели всѣ прочіе собранія мои комплашоры?

Но къ доказательствамъ всеобщей

пользы преднамѣреваемой мною къ изда-
нію книги всего вышеприведеннаго еще
мало! Она, по мнѣнію моему, даже необ-
ходима для слѣдующихъ именно сословіи.

1. Для провинціальныхъ жишелей и
помѣщиковъ, у коихъ нѣтъ ни театровъ,
ни клубовъ, ни маскарадовъ, ни концер-
повъ, ни частыхъ сходбищъ для свиданія
между собою и препровожденія времени.
Гранъ-пасьянсѣ, занявъ свободные ихъ ча-
сы, опвлекъ бы многихъ изъ нихъ ошъ
неприличныхъ и вредныхъ занятій, на-
примѣръ: ошъ неумѣреннаго упошребле-
нія наливокъ, ошъ разорительной псовой
охоты и ошъ азартныхъ, карточныхъ
игръ, кошорыя разорительнѣе всѣхъ охотъ
въ свѣтѣ.

2. Для приѣзжающихъ въ столицу по
партикулярнымъ дѣламъ всякаго рода и
проживающихъ шупь гораздо болѣе вре-
мени и денегъ, нежели сколько предпо-
лагаюшъ они при ошѣздѣ своемъ изъ про-
винціи.

3. Для приказныхъ, кошорые не по-
лучивъ порядочнаго воспитанія и не зная
чемъ занять въ свободное ошъ шру-
довъ послѣобѣденное время, посѣщаюшъ

герберги и пракпиры, играютъ на биллиардѣ и часто дѣлають такіе расходы, копорые не соотвѣтствуютъ ни ихъ званію, ни получаемому ими жалованью.

4. Для пропорговавшихся и обанкрившихся купцовъ, впредь до благопріятнѣйшей переменны обспоятельствъ.

5. Для прикащиковъ и сидѣльцовъ, провождающихъ большую часть времени въ лавкахъ и магазинахъ и упошребляющихъ ошъ праздноспи въ непомѣрномъ количествѣ чай, копорый не споль дешевь и полезень, какъ *гранъ-пассьянсѣ*.

6. Для молодыхъ и пожилыхъ дамъ. Многія изъ нихъ (особенно молодыя и богатія) думаютъ, что онѣ должны пользоваться всѣми благами жизни, сложа прекрасныя свои ручки. Ошъ праздноспи раждаешся не сполько скука, но и всѣ пороки, и сія же самая праздноспъ возбуждаешъ въ нихъ алчность къ увеселеніямъ разнаго рода, повреждающимъ ихъ здоровье и испощающимъ кошельки мужей и родителей. Заспавившъ такихъ дамъ занимаешь серъезнымъ не возможно: лѣность далеко уже пуспила корни; но для яда нашель я прошивудіе — дайше имѣ

каршы въ руки и уговорите расклады-
вашь *гранб-пассьянсб*.

Что бы однако сдѣлать книгу мою
о *гранб-пассьянсахб* достойною распо-
чаемыхъ мною ей заранѣ похвалъ и за-
нимапельною для всѣхъ вышеупомяну-
тыхъ сословій, я обѣщаюсь почпеннѣй-
шей Публикѣ расплодить и украсить мое
швореніе разными учеными примѣчані-
ями, забавными эпиграфами и спишка-
ми: ибо чужое добро мнѣ ничего не спо-
ишь, и не я первый и послѣдній буду
украшаться чужими перьями.—Подписная
цѣна за обѣ часпи на лучшей веленовой
бумагѣ, въ сафьянномъ переплетѣ, съ зо-
лопымъ обрѣзомъ 25 р. экземпляръ. Въ
наружномъ украшеніи послѣдую я примѣ-
ру издашелей иносшранныхъ алманаховъ
и карманныхъ книжекъ: ибо чемъ менѣе
внушренняго достоинства въ книжкѣ,
темъ болѣе надобно опличить ее пыш-
ною и роскошною наружностію. Что же
касается до цѣны, то я надѣюсь, что
почпенная Публика не найдетъ ее чрез-
мѣрною какъ по уваженію всѣхъ вышеизъ-
ясненныхъ причинъ, шакъ въ особенно-
сти, если она приметъ въ разсужденіе

всѣ тѣ обстоятельства, въ коихъ никакой умъ человѣческій не можетъ предвидѣть и разсчитывать послѣдствій, и въ коихъ мы, слабые смертные, всѣ безъ изъятія, отъ мала до велика, прибѣгаемъ къ совѣщанью и помощи одаренныхъ вышею способностію магиковъ, духовидцевъ, колдуновъ, гадашелей, ворожей, цыганокъ, кофейницъ и другихъ свойственниковъ древней Сивиллы, разрѣшающихъ намъ всѣ загадки жизни за наличную монету. Гранб - пассьянсъ, замѣняя собою всѣхъ оракуловъ, безъ сомнѣнія сохранилъ особамъ, копорья благоволятъ на него подписаться, несравненно болѣе денегъ, нежели сколько заплащятъ онѣ за покупку сей полезнѣйшей книги.

Могу удостовѣришь почтеннѣйшую Публику, что если число подписчиковъ будетъ не менѣе 100.000, чего по крайней пользѣ и важности моей книги несомнѣнно ожидаю: то уже, сверхъ сего абонированнаго количества экземпляровъ, ни одного не выпущу въ продажу. Я въ семь случаевъ разборчивѣе многихъ писателей, копорые собравъ съ пренумерантовъ деньги по высокой подписной цѣнѣ

продающъ послѣ творенія свои въ полукучій рынокъ пудами, или рассылающъ по улицамъ брадашыхъ продавцевъ для соблазна школьниковъ.

Хошя мнѣ лично самому извѣстно безсчещное множество разнообразныхъ видовъ *гранд-пассьянса*, доспапочныхъ для занятія Публики съ пользою и удовольствіемъ; но какъ издаваемая мною книга, наравнѣ съ прочими, достигнешъ попомсшва, и въ грядущіе вѣки должна служишь мѣриломъ просвѣщенія нашего по сей часпи въ наспоющее время: то, по примѣру всѣхъ журналистовъ, приглашаю почтеннѣйшихъ любителей и знапоковъ сей игры сообщишь мнѣ извѣстные имъ роды оной, для доспиженія предподагаемой цѣли въ возможномъ соверщенствѣ, съ пою только разницею, что Гг. журналисты, обирая съ пренумеранповъ своихъ деньги, ничего не дающъ за присылку спашей для ихъ изданій *); я

*) За иныя спашьи, особенно за спихи, охотно журналистъ далъ бы что нибудь сочинишелю, только бы не печашашъ ихъ въ своемъ изданіи. *Пр. Изд.*

же съ моею спороны обязуюсь за каждый сообщенный мнѣ новый видъ *гранъ-пассьянса* давашь, съ искреннею моею благодарностію, по двѣ колоды игранныхъ каршъ. Это конечно не много; но все болѣе, нежели сухая признапельность журналистовъ, кошорые, подобно извѣстной обезьянѣ, любяшь чужими лапами выгребашъ кашшаны изъ печи.

Наконецъ, по примѣру многихъ сочинителей и издашелей, объявляю шоржешвенно, что ни на какую крипику опшвѣшшвовашъ не буду. Въ семь случаѣ руководшвуюсь счасшливымъ изрѣченіемъ нашего Баснописца: *полаютъ да отста-нутъ!*—Но если бы по случаю сего объявленія вздумалось кому либо изъ писателей нашихъ воспользовашся моею мыслию: издашь *собрание гранъ-пассьянсовъ* опъ своего имени: по шаковый посшупокъ, нарушающій права собшвенности, впрочемъ нерѣдкій между ученымъ народомъ, я предамъ суду пошомшва, кошорое безъ лицеприятія будешъ судить между нами и въ то время, когда и праха опъ перодержашей шройни нашихъ пальцевъ не останешся.

Илья Терпѣлиецовъ.
 mmmmm

П. А. Н.

(въ день его рожденія 14 Юля 1924.)

Въ день швоего рожденья

Чего желашь шебѣ, чего?

Желаю опъ души хорошаго всего:

Вопервыхъ — исцѣленья!Дай Богъ, чшобъ голова швоя, спина, грудь,
бокъ

И сердце не болѣли;

Чшобъ щечки у шебя алѣли,

Какъ розовый цвѣшокъ;

Чшобъ полонъ, свѣжъ шы былъ, какъ яблоч-
ко наливно —

Хворашь же и въ лѣшахъ шакихъ

По чеспи спыдно!

Желаю *восторыхъ*

Любезнѣйшему другу

Досшойную супругу —

Чшо бы лицемъ была прияшна, хороша,

Чшобъ у нее была прекрасная душа,

Умъ основашельный, прияшныя шаланшы,

Да и приданое ... жемчугъ и брилліяншы,

Деревня, или домъ,

Но только каменной, и капиталъ пришомъ;

А къ эшому всему въ придачу

Хорошенькую дачу ...

Ужъ двадцать девяшь лѣшь! — пора, ей! ей
пора!

Пора тебѣ женишься:

Тогда охотнѣе ты будешь и шрудиться;
Женись и будь здоровъ, счастливъ — ура!
ура!

И.

СЕЛЬСКАЯ ПѢСНЯ *).

Весельемъ общимъ восхищенный,
Чтобъ радость выразить мою,
Я, чувствомъ дружбы вдохновенный,
Веселый гимнъ друзьямъ спою.

*

Ура! любезные сосѣды!
Опъ сердца вамъ ура! кричу.
За ваши сельскія бесѣды
Роскошныхъ пиршесствъ не хочу.

*

Пусть зависъ, ласъ, вражда, коварство,
Бѣгущъ въ собранья къ богачамъ:
Они всегда шамъ, гдѣ богатство;
Имъ входа нѣтъ въ бесѣды къ намъ.

*

Ушѣхи льютъ намъ въ души сладость;
Мы всѣ въ кругу одна сѣмья;

*) Пѣснѣ была на одномъ деревенскомъ семействен-
номъ праздникѣ.

Умѣренность, согласье, радость —
 Вотъ наши Граціи, друзья!

*

Что красишь пирь? — сердце ошрада;
 Весельемъ полько жизнь мила.
 Намъ лапа Крезова не надо,
 Лишь нашабъ дружба вѣкъ цвѣла.

*

Вотъ шакъ живали наши дѣды,
 Такъ завѣщали жить и намъ.
 Продлишесь, сладкія бесѣды!
 Взываю всей душой къ богамъ.

*

Росши, о счастье! въ покоѣ
 И корни глубоко пускай;
 А шы, здоровье золотое,
 Насъ всѣхъ, какъ солнце, озаряй.

**

~~~~~

П Ъ С Н Я.

На голосъ спаринной: *Что мнѣ нужды
 въ свѣтѣ семѣ страсти разбирати, и проч.*

Пусть дурачашся глупцы —
 Я не замѣчаю;
 Пусть срамяшся подлецы —
 Я не опвѣчаю.

Былобъ шолько мнѣ вино:
 Мнѣ всего нужнѣй оно;
 Если выпью я спаканъ,
 Весель и любезень.

*

Пусть безграмошный Поэшь
 Риемы прибираешь —
 Оду, пришчу, иль сонешь
 Всякому чишаешь.

Я не слушаю его:
 Мнѣ вино милѣй всего;
 Капельки одной не дамъ
 За пухлыя оды.

*

Пусть врагъ ближнихъ, лицемѣрь,
 Взоръ пошупя, ходишь,
 И Таршюфа взявъ въ примѣрь,
 Глуныхъ за носъ водишь.

На ханжей я не гляжу
 И къ ханжамъ я не хожу;
 А приди ко мнѣ ханжа,
 Поднесу—водицы!

*

Пусть всѣмъ головы кружишь
 Хипрая кокешка,
 Передъ зеркаломъ сидишь,
 Какъ въ гнѣздѣ насѣдка.

Знаю женщинъ я давно:
 Пью я старое вино —

Можно ли его сравнить
Съ молодой кокешкой?

*

Пусшь спарухи молодыхъ
Спрого осуждають;
О проказахъ же своихъ
И не воспоминають.

Злыхъ спарухъ я не шерплю,
Пересудовъ не люблю,
И хорошихъ, спарыхъ винъ
Я не осуждаю.

И.

~~~~~

ПИСЬМО ЦИЦЕРОНА *).

Цицеронъ, будучи въ Киликіи Проконсуломъ, поздравляетъ Куріона съ получениемъ Трибунскаго званія и сана жреца; купно съ темъ проситъ Куріона о ходатайствѣ, дабы его Проконсульство не продолжилось. Сіе письмо Римскаго Витіи изображаетъ, въ какомъ состояніи находилась тогда Римская Республика, показываетъ духъ знаменитаго оной Гражданина, и по многимъ другимъ обстоятельствамъ занимательно для любителей древней Словесности.

*) Книга II, Письмо 8.

Позднее поздравленіе не порицаешся: особливо, если оно опущено не по лѣноспи. Я нахожусь въ далекой споронѣ; слухи доходяшь ко мнѣ не скоро. При всемъ шомъ и поздравляю шебя, и желаю, что бы полученное шобою Трибунство всегда приносило шебѣ испинную честь. Прошу шебя, управляй и распоряжай всемъ благоразумно: не увлекайся совѣшами другихъ *). Никшо не можешъ бышь шебѣ совѣшникомъ лучшимъ шебя самага. Ты никогда не подвергнешся погрѣшностямъ, если будешъ внимашъ самому себѣ. О семъ пишу не безразсудно. Я понимаю, къ кому пишу. Знаю швой духъ и швое благоразуміе. Не опасаюсь, что бы ты поступилъ въ чемъ либо боязливо, или безумно, если будешъ защищашъ шо, что признаешъ справедливѣмъ. Принявъ на себя званіе въ такія времена Республики, а не случайно получивъ оно, (ибо благоразумію швоему, а не спеченію общешельствъ приписашъ надлежишь возведе-

*) Въроятно Цицеронъ разумѣеш здѣсь Помпея и другихъ. *Прим. Перев.*

ніе себя на Трибунство, при самомъ опасномъ союзіи дѣль), ты совершенно видишь, сколь сильно дѣйствующъ на опечесство общошпельства, сколь разнообразны бывающъ дѣла гражданъ, сколь неизвѣстенъ конецъ оныхъ, и сколь перемѣнчива воля людей. Безъ сомнѣнія ты понимаешь ихъ коварство и щеславіе. Но прошу тебя, не помышляй ни о чемъ другомъ, какъ полько о написанномъ мною прежде. Самъ съ собою бесѣдуй, самъ съ собою совѣшуйся, самому себѣ внимай и самому себѣ повинуйся. Трудно найши, кто бы лучше тебя могъ совѣшовашь другому; а себѣ дашь лучшіе совѣшы никто не можешь. Безсмертные боги! для чего я не могу бышь или зришелемъ славныхъ дѣлъ швоихъ, или учаспникомъ, или шоварищемъ, или исполнишелемъ швоихъ мудрыхъ намѣреній? Хотя ты въ семь не имѣешь никакой нужды: но, по великоши и силѣ моей любви къ себѣ, я могъ бы помогашь себѣ совѣшами. Болѣе напишу къ себѣ въ другое время. Въ скорости я намѣренъ послашь домашнихъ гонцовъ моихъ, дабы однимъ письмомъ донесшь Сенату о важнѣйшихъ дѣлахъ, совершен-

ныхъ мною въ продолженіи всего лѣта (aestas): ибо счастливо и по распоряженію моему шли дѣла Республики. Сколь великое прилагалъ я стараніе о доставленіи тебѣ званія жреца, хотя сіе соединено было съ необыкновенными затрудненіями, ты узнаешь изъ письма моего, отправленнаго къ тебѣ чрезъ опущеннаго тобою раба (libertus) Тразона. Любезный Куріонъ! заклинаю тебя взаимною нашею любовію, постарайся сократить скучное время пребыванія моего въ Киликійской обласпи *). О семъ говорилъ я съ тобою лично, когда не думалъ еще, что ты сдѣлаешься въ наступающемъ году Народнымъ Трибуномъ. Нерѣдко просилъ я тебя о томъ же и письменно. Тогда говорилъ съ тобою, какъ съ великодушнымъ Сенаторомъ, и какъ съ любезнѣйшимъ юношею; а нынѣ прошу тебя, какъ народнаго Трибуна и Трибуна—Куріона, не о томъ, дабы въ Сенатѣ опредѣлено было

*) Цицеронъ посланъ былъ въ Киликію Проконсуломъ на годъ. Сей срокъ могъ сократить Куріонъ, какъ Народный Трибунъ.

что либо новое, (сіе большею частію сопровождается трудностями); но дабы ничего новаго не предпринимали, дабы мы защищали опредѣленія Сената и законы Республики, и дабы я оспался въ помѣ званіи, въ которое избранъ. О семъ болѣе всего прошу тебя. Прости.

Съ Латинскаго А. Огинскій.

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРАГО ЛЮБЯТЪ, И ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРАГО НЕ ЛЮБЯТЪ.

Человѣкъ, котораго любятъ, есть тотъ, о комъ постоянно думаютъ, кого безпрестанно желаютъ видѣть, съ кемъ грустно разстаться и съ которымъ всего приятнѣе свиданіе. Онъ никогда не наскучитъ; самыя бездѣлицы, имъ сказанныя, прелестны; все, что онъ сдѣлалъ, безподобно; съ нимъ во всемъ согласны; нѣтъ другихъ желаній, кромѣ его желаній.

Человѣкъ, котораго не любятъ, надѣдаетъ, наводитъ скуку; при немъ не веселы; минуша съ нимъ кажется цѣлымъ вѣкомъ. Ему едва ошвѣчаютъ и не скры-

вають опъ него, чшо онъ наскучиль. — Все, сказанное имъ, глупо; все, чшо ни дѣлаеть онъ, дурно; съ нимъ нельзя ни въ чемъ согласишься, пошому чшо совсемъ разныхъ вкусовъ.

Любимому челоѣку прощають невѣрность; и не думаютъ о пошоянствѣ челоѣка, котораго не любяшь.

Любимый челоѣкъ можетъ сердиться, шумѣть, ссориться; сердце безпреспанно его оправдываетъ — и ему же предлагають примиреніе! — Челоѣкъ, котораго не любяшь, напрасно хочеть нравишься: ни малѣйшаго вниманія не обращаютъ на его услуги, нѣжность, внимательность.

Во время прогулки, съ удовольствіемъ опираются на руку любимаго челоѣка; ищутъ его взоровъ, улыбаются ему; съ нимъ никогда не усаютъ, всякой пупъ съ нимъ корошокъ! Если онъ молчитъ, самое молчаніе его погружаетъ въ приятную задумчивость. Но если прогуливаются съ челоѣкомъ, котораго не любяшь, тогда боится дошронуться до руки его; на него не смотряшь, идушь молча, опвѣчаютъ сухо и опривисшо. Дорогъ нѣтъ конца!

Для любимаго челоѣка жерпвуююшь всемъ на свѣтѣ — и не примѣчаютъ пожерпвованій челоѣка, котораго не любяшь. Слабости и недоспапки любимаго челоѣка непримѣшны; непримѣшны также и доспоинспва челоѣка, котораго не любяшь. Между пемъ нерѣдко случается, что челоѣкъ, котораго любяшь, самъ не любяшь; а нелюбимый бываетъ спраспно привязанъ.

(Изъ Journal des dames et des modes, de Francfort).

ПРОДАЖА УДОВОЛЬСТВІЯ.

Здѣсь удовольствіе, сударыни!

“Здѣсь удовольствіе, сударыни! Здѣсь удовольствіе!”, — Гдѣ? гдѣ? — кричатъ со всеѣхъ споронъ. — Кажется я вижу во всеѣхъ окнахъ богатныхъ владѣпельницъ великолѣпныхъ домовъ: тысячи головокъ высунулись изъ блестящихъ экипажей; съ другой спороны множесиво молоденькихъ дѣвушекъ, въ скромномъ нарядѣ, бѣгутъ на мой вызовъ. — “Какъ, сударыни? Разеѣ ищущъ съ такимъ неперпніемъ

по, что всего легче сыскаешь? Не уже ли правда, что вы, имѣющія богатые дома, блестящіе экипажи, великолѣпные уборы, въ копорыхъ бѣгаете по баламъ и концертамъ; что вы, имѣющія ложи во всѣхъ театрахъ, библиотеку, поугаевъ и даже мужей — не уже ли правда, что вы не знаете удовольствія?..

“Здѣсь удовольствіе, сударыни! Здѣсь удовольствіе!,, — Ахъ, Боже мой! сколько продавцевъ этого повара! — Но еслибы учредили для него шаможню, какъ скоро закрыли бы они свои лавки! — “Сюда! сюда! — кричишь содержашель театра — здѣсь удовольствіе!,, — и усыпляешь зрителей... “Сюда! сюда! — говоришь Академикъ, подавая билетъ на будущее засѣданіе — здѣсь удовольствіе!,, и вы слышите безконечныя разсужденія о томъ, что днемъ свѣтло, а ночью темно.

“Здѣсь удовольствіе! — кричатъ журналисты — пожалуйте сюда!,, — Бѣдные читатели!

“Здѣсь удовольствіе!,, — кричишь въ свою очередь истинный мудрецъ — всѣ эти шарлапаны не знаютъ его; но я вамъ покажу въ чемъ оно: любите заня-

*тія, Милоспивыя Государыни! трудолю-
бивый никогда не скугаетъ. Движеніе
производитъ аппетитъ; трудъ прино-
ситъ удовольствіе. Не бѣгайте за нимъ:
оно скрывается отъ докучливыхъ. По-
слушайте философа - Поэпа:*

Il faut savoir le quitter,
Le quitter pour le reprendre;
Passez du fracas des cours
A la douce solitude;
Quittez les jeux pour l'étude,
Changez tout, hors vos amours *).

(Изъ Journal des dames et des modes, de
Francfort).

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ И РАЗГОВОРЪ.

Письмо.

Мнѣ случайно удалось подслушать
преинтересный разговоръ двухъ госпи-
нодворскихъ сидѣльцовъ — объ одномъ не-

*) Оставляйте удовольствія, что бы
послѣ вновь наслаждались оными; перехо-
дите отъ шумныхъ градскихъ увеселеній
къ тихому уединенію; покидайте забавы
для полезныхъ занятій и перемѣняйте все,
кромѣ сердечныхъ своихъ привязанностей.

давно вышедшемъ въ свѣтъ спихотвореніи. Сообщаю вамъ, М. Г., оный безъ малѣйшаго прибавленія и покорнѣйше прошу помѣспипть его въ издаваемомъ вами журналѣ: пускай просвѣщенная Публика порадуется итакимъ усиѣхамъ образованности ума между низшимъ классомъ любезныхъ соопечесственниковъ нашихъ.

Имѣю чеспть бышь—и проч.

Разговорѣ.

А. Чипаль ли ты, брапець, *Картины Сѣвера?* Ась?...

Б. Чипаль, брапець; да и всю почши напамять знаю. Ну вошь господа Франты наши полкують, что у Русскихъ-де и маспера-то дурны, и купцы-то обманщики, и ученыхъ-то мало, и пишуць-то плохо; анъ хотѣлъ бы я знать какому Нѣмчинѣ удастся эдакъ написать:

Гдѣ *Нордѣ, воздвигнуѣ* свой *предѣлѣ* *),

*) Выслушавъ до конца разговоръ, я попросилъ эшихъ Гг. липшерашоровъ прочесъ мнѣ произнесенные ими спихи и вписалъ ихъ для рѣдкости въ записную мою книжку.

*Лежитъ высокими хребтами
Между обширнѣйшихъ земель!!*

А въ другомъ мѣспѣ:

Какъ солнце ясное, весною,
Все радуешь, *родитъ собою* ...
- - - - -
И гонишь *мразъ и темноту*,
Даруя *свѣтъ и теплоту!!*

Вѣдь право любо чипашь; инда *тепло*
спановишься — *кровь кипишь!*...Ну, а эшо
каково:

Возлеги на *Тифлисъ главою*,
Уралы держитъ левъ хребтольб;
Прострясь надъ льдисною спраною,
Вѣтъ въ полюсъ сѣверный хвостольб.
Онъ шамъ, *передними стопами*
Дунай съ Амуромъ сѣдинилъ;
А здѣсь, *проспершими пятами*
Торнео и Чукошь покрывъ!!

Эко чудовище! Вошь, брашь, левикъ! шо
ужь подлинно *картина!*

А. И чпо же? Вѣдь Сочинишель не за-
носишься умомъ своимъ, какъ Нѣмецъ ка-
койнибудь, а говоришь смиренно:

Но мой улыбъ полько что дивишся
Взирая съ кротостью на нихъ

- - - - -
Онъ слабъ, неопытенъ *), не въ силахъ
И саму шѣнь ихъ начерпипъ;
Но онъ, какъ огонь палящъ въ горчилахъ,
Любовнымъ жаромъ къ нимъ горипъ **).

Н. Н.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА,

или

Краткія выписки, замѣчанія, и т. п.

Что такое любовь?—Слушайте, слушайте: Любовь безбрежность души, симпатическое напряженіе мыслящей силы. Она отуманиваетъ воспоминанія, которыя росю низдетаютъ на западъ бытія. Она размножаетъ нѣгу желаній и воображеніемъ творитъ восхитительный идеалъ блаженства! Быстрѣ стрѣлы, стремительнѣе молніи, она воспалетъ, истребляетъ, палитъ огнемъ и мертвитъ хладомъ въ одно и то же время. То плавая въ морѣ

*) Вѣроятно Сочинишель еще молодъ.

***) Жалкая, мучительная спрасшь—подумаль я —

наслажденій, то низверженная въ пропасть неизвѣстности, сердце ея безпрерывно переносится съ вершинъ блаженства въ долину слезъ, не имѣя силъ бороться съ потоками страстей! — Такъ опредѣляешь любовь одинъ Романшичскій Авторъ! (*Journal des dames et des modes de Francfort* N° 27). Если чашапель не понялъ шеперь значенія любви, шо это ужь его вина.

Въ 27 N^o Сына *Отчества* помѣщена весьма любопытная и дѣльная спашья о новой книгѣ: *Tableau slave du cinquième siècle* (Славянская картина пятаго вѣка), напечатанной въ Парижѣ одною изъ нашихъ соотечественницъ. Имя ея еще намъ неизвѣстно. Учивые Французскіе Журналисты расхвалили эту каршину, или книгу. Въ Газетѣ: *Drapeau blanc* (N° 150, $\frac{30}{18}$ Мая) сказано о Сочинительницѣ, что если она не Француженка, то достойна быть такою! Лестная похвала для Россіянки! Въ другой газетѣ (*Gazette de France*, N° 159, $\frac{31}{18}$ Мая) напечатанъ подробный разборъ сего безсмертнаго творенія. Рецензентъ, Г. Кольне — виновашъ! *Monsieur Colnet* — шакже не скупъ на похвалы и не нашель никакихъ несообразностей въ романъ нашей писательницы, кромѣ двухъ, или трехъ, нѣскольکو смѣлыхъ выраженій, которыя легко могутъ быть изглажены при второлѣ

изданіи. — “Кшо бы могъ подумашь,, — говоришь онъ между прочимъ — “чшобъ женщина, иноспранка, умѣла писать на нашемъ языкѣ шакъ чисто и прияшно? Такого явленіе достойно замѣчанія; пусть же краснѣюшъ со сшыда нѣкоторыя природныя Французскіе романисты, кошорыхъ, по разспройству ихъ воображенія, по нечлѣпости въ изобрѣшеніи и по безполковому слогу, легко примешъ за иноспранцевъ. Эпи системашически — дикіе Писатели, презирая законы вкуса и даже правила граммашическія, выдаюшъ за совершенство въ искусствѣ писать — всѣ ошибки и несообразности, свойственныя младенчеству онаго. Мѣлкіе и надушые умишки! имъ напрасно и упоминашъ объ урокахъ славныхъ наспавниковъ въ искусствѣ: они сами себѣ учителя и собственныя писанія для нихъ образцы.,,—Спасибо за это Г. Кольне! Все, что ни сказано имъ здѣсь въ отношеніи къ природнымъ Французскимъ Романистамъ, все безъ изьяшя можешъ бышъ примѣнено и къ природнымъ Русскимъ Романтикамъ: шакбе же шочно разспройство въ воображеніи, шакая же нечлѣпость въ изобрѣшеніи, шаккой же безполковый слогъ, хопя онъ и чудесно шагаетъ впередъ. Вкусъ имъ не нуженъ, онъ замѣняешся у нихъ со всемъ другимъ чувствомъ (см.

Вѣстникъ Европы № X, стран. 119); Грамматикѣ и Логикѣ также не надобно, потому что слѣдую натурѣ, всѣ они хопящъ имѣющъ свой покрой въ Литтературѣ.

Спасибо и Русскому Переводчику безприсрасшной кришкѣ Г. Кольне за многія дѣльныя замѣчанія, особенно на счещъ невѣжества сего послѣдняго въ *Славянской Археологiи*, а болѣе всего за то, что онъ въ заключеніи собственнаго своего *эпилога* совѣщуетъ почтеннымъ и любезнымъ нашимъ соотечественницамъ, имѣющимъ истинный талантъ, писать не на Французскомъ, а на Русскомъ языкѣ. “Основательное изученіе Русскаго языка — говоришь онъ — не есть не возможность для женщины, можно предсавишь пому рѣшительныя доказательства, — И мы съ своей спорны можемъ удостовѣрять, что даже юныя воспитанницы въ нѣкоторыхъ училищахъ знаютъ гораздо лучше Русскій языкъ, п. е. Грамматику и наспоющее значеніе словъ Русскихъ (не говоря уже о начальныхъ и необходимыхъ для всякаго благовоспитаннаго чловѣка познаніяхъ *Словосноспи*), нежели многіе, многіе наши *природные* Императоры, кошорые не рѣдко *думаютъ* пофранцузски, когда пишутъ по-

русски. Какъ ощушителень и при самомъ опличномъ шалантѣ недоспапокъ классическаго ученія Словесности! — Кспати упомянушь здѣсь о справедливомъ и оспроумномъ замѣчаніи одного почпеннаго нашего папріюша на счешъ щеславныхъ Французско-Русскихъ писашелей. — “Какъ дурно дѣлаешь N. N., сказалъ ему нѣкшо, что пишешь пофранцузски, а непорусски!”, — Напрошивъ того, по моему мнѣнію, очень хорошо — ошвѣчалъ онъ — однимъ плохимъ Французскимъ писашелемъ больше, а Русскимъ меньше. —

Самое счастливое выраженіе, если оно часто повшоряешся, шеряешь свою прелесшь и наконецъ ошъ безпреспаннаго упошребленія дѣлаешся почти несноснымъ. Опличнѣйшій Поэшь нашъ (старой школы—Классикъ, а не Романшикъ) упошребилъ весьма удачно первый разъ въ одномъ изъ своихъ возвышенныхъ спихошвореній шакое слово, которое упошреблялось до того шолько въ прошпорѣчии. — “Но я не смѣлъ, говорилъ онъ мнѣ, упошребишь его *вторично* и въ *другой* піэсѣ.” — Вошъ настоящая разборчивость, достшойная всеобщаго подражанія! — А молодые наши баловни-Поэшы и Прозаики безо всякаго разбора повшоряють

не только свои собственныя, но и чужія модныя выраженія. Лишь только какой *Геній* изобрѣшешь удачно, или неудачно новое выраженіе, по *Подгеніи* и *Геніальныя писари* начнутъ повсоряшь его и швердишь, какъ *сорока Якова*. Вездѣ находишь: *туманную даль* (счастливое, новое, и съ пемъ вмѣстѣ къ сожалѣнію, обвещшало уже выраженіе), *ташу бытія, молодую жизнь, наруляненную прозу, разгадываніе* (вмѣсто : *открытія*) *тайны, подслушиваніе рѣчей, всенародно произносимыхъ, и пр. и пр.* — Счастливое новое выраженіе есть, по мнѣнію моему, собственность Авшора, кошорую присвоишь себѣ другіе не имѣющъ законнаго права.

И.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ БЛАГОНАМЪРЕННАГО .

Не сѣли Журавля въ небѣ.

On fait ce qu' on peut et non pas ce qu' on veut! Эпошъ старый эпиграфъ *Благонаамъреннаго* безпорно принадлежишь ему по всѣмъ правамъ: напрасно вы переспали обгораживашъ себя счастливою пословицей: *Благонаамъренный* все пошъ же: опкровенень *), нескромень **) и обѣ-

*) Правда! *Изд.*

**) Неправда! *Изд.*

щаеть всегда болѣе, нежели выполняеть *) ... Ахъ, почтеннѣйшій Александръ Ефимовичъ! какъ вы задолжали своимъ читателямъ... и дождущся ли они когда нибудь плапы? Чего вы намъ не обѣщали? Чемъ не заманивали наше любопытство? Просмотрите свое *благонамеренное* издание съ 1818 года до нашихъ дней? ... Не должны ли вы прибѣгнуть опять къ своей пословицѣ: *On fait ce qu' on peut* ...? Но, можетъ быть, за *недосугоми* и за *лѣнью*, вы сами забыли уже все то, что намъ обѣщано въ вашемъ журналѣ? ... Не хотите ли, я вамъ напомню о томъ? ... Вошь, напримѣръ, пять лѣтъ тому назадъ, вы поманили насъ объявленіемъ, что хотите *разобрать по порядку всѣ вообще Басни трехъ нашихъ классическихъ Фабулистовъ?* ... Гдѣжь эти разборы **)? Въ прошломъ году читали мы также, что вы обѣщаете разобрать опять *подробно образцовыя Басни лучшихъ нашихъ Фабулистовъ*. Мы прочли объявленіе, пора-

*) Увы! совершенная правда! *Изд.*

***) У меня въ головѣ. *Изд.*

довались благому намѣренію вашему; а вы, по обыкновенію, сказавъ: *on fait se qu' on veut*...забыли обѣщаніе. Не говорите, пожалуйста впередъ, что напишете *то-то* и *то-то*; что въ слѣдующей книжкѣ разберете вы подробно *то-то* и *то-то*—вамъ не повѣрять! Лучше не общайтесь *), а пишите и печатайте все, что хотите обѣщать. Это вѣрнѣе. Но однимъ ли разборомъ Басень должны вы своимъ чипашелямъ? Нѣтъ!..Слушайте.

Вы общались сравнить оба перевода *Освобожденнаго Иерусалима*: переводъ А. С. Шишкова и переводъ Г. Москопильникова (*Благ. часпи VII, стран. 124*).

Вы общались сдѣлать подробный разборъ *Учебной Книги Россійской Словесности Г. Грета*. Въ первомъ объявленіи вы сказали, что дожидаетесь второй ея часпи, чтобъ прислушаться къ разбору—во второмъ объявленіи, что вы ждете появленія ея послѣдней часпи...Слава Богу! Всѣ четыре часпи давно изданы...гдѣ

*) Въ самомъ дѣлѣ лучше не общайтесь.
Изд.

же ваши подробные разборы? (Благ. ч. VIII, стр. 365 и ч. XIII.)

Вы обѣщали, въ доказательство вашего искренняго уваженія къ погтенному Графу Д. И. Хвостову разобрать со всевозможными безпристрастїемъ нѣкоторыя изъ лучшихъ его Басень, и помѣстивъ ваши замѣчанія въ книжкахъ Благонамѣреннаго 1820 года. (Бл. ч. X, с. 220)

Вы обѣщали помѣщать въ каждой книжкѣ Благонамѣреннаго анекдоты и разныя замѣчанія *). (Бл. ч. XII, с. 184)

Вы обѣщались поговорить подробно о Басняхъ Г. Филимонова. (Бл. ч. XVIII, с. 349)

Вы обѣщались выписать изъ книги: *Дѣянїя Россійскихъ Полководцевъ и Генераловъ* нѣсколько весьма любопытныхъ анекдотовъ. (Бл. ч. XXIII, с. 139)

Вы обѣщались сообщить нѣкоторыя замѣчанія на переводъ *Федры* Г. Лобанова. (Бл. ч. XXIV, с. 223)

Въ другой разъ обѣщали вы разобрать *Федру* со всевозможнымъ безпристрастіемъ

*) А Саширическія-по вѣдомости? Изд.

емъ (въ 1й книжкѣ *Благ.*) нынѣшняго года.

Вы обѣщали съ нынѣшняго 1824 года помѣщать въ *Благонамѣренномъ* извѣстія о *всѣхъ вообще новыхъ* Русскихъ книгахъ, съ крапками на нѣкопорыя изъ оныхъ замѣчаніями.

Вы обѣщали напечатать ваши возраженія, или анпикрипику на замѣчанія Г. С—ва и Булгарина о новомъ изданіи сочиненій Озера.

Вы не кончили вашего письма объ экзаменѣ, бывшемъ въ Училищѣ Женскаго Папріотическаго Общества *). (*Бл.* ч. XVII, с. 362.)

Повѣсть: *Элиза и Албертъ*, начало кошорой напечатано въ прошломъ году, до сихъ поръ не кончена **) (*Бл.* XVIII, с. 234).

Разборъ *Бахтисарайскаго фонтана* до сихъ поръ шакже не конченъ.

Наконецъ не худо попросишь васъ

*) Кончу...при слѣдующемъ экзаменѣ въ 1826 году. *Изд.*

**) Пусшь на эпо Переводчикъ скажешъ, а онъ ко мнѣ и глазъ не кажешъ. *Изд.*

именемъ всѣхъ вашихъ чипашелей *)—выдавашъ поисправнѣе книжки вашего журнала, п. е. пакъ какъ вы обѣщали іго и і5 ч. каждаго мѣсяца ... Это очень бы не дурно было — хошя ваши чипашели уже привыкли получають послѣдніе номера *Благонаимѣреннаго* не въ Декабрѣ, а въ Февралѣ и Маршѣ.

Вошъ, почтеннѣйшій Александръ Ефимовичъ, сколько обѣщаній вы надѣлали и не выполнили **)! Не лучше ли, повпорю, не манишь несбыточными объявленіями? Вы же шеперь переспали говоримъ: *on fait ce qu'on peut et non pas ce qu'on veut.* ***)

Въ ожиданіи благопріяшнаго ошвѣща ошъ *Благонаимѣреннаго*, оспаюсь вашимъ покорнымъ слугою и усерднымъ чипашелемъ вашего Журнала

25 Іюля 1824. Знакомый Незнакомецъ.

~~~~~

---

*) А чипашельницъ? Изд.

**) Только-шо?—Нѣшъ, эшо еще не все!
Изд.

***) Говорю и шеперь..про себя. Изд.

О Т В Ъ Т Ъ .

Тремя словами оправдаюсь передъ знакомыми и незнакомыми и передъ Публичкою: НА БЛАГОНАМѢРЕННАГО СЕРДИТЬСЯ НЕ ВОЗМОЖНО. (Смолпр. *Дамскій Журналъ* нынѣшняго года, N° X и XIII, стран. 165 и 32) Докажу это, докажу...въ слѣд. N°. On fait ce qu'on peut et non pas ce qu'on veut.

Благонамеренный.

Логогрифъ .

Хотя не длинное я слово представляю,
Но многія въ себѣ рѣченья заключаю,
И естли вы меня желаете узнатьъ,
То порознь каждое спарайтесь отгадать.

Вамъ величавое шупъ дерево явился,
Которое красой и крѣпостію гордится (1);
Пошомъ мешалловый, иль глиняный сосудъ,
Полезный въ Химіи, на фабрикѣ, въ заводѣ —

Въ другомъ значеніи его же извлекутъ
Вамъ математички изъ всего въ природѣ
(2);

Найдешь живошное, оно живешъ въ водахъ,

Но часшо и у насъ бываешъ на сшюлахъ,
 А шолько сшранно шемъ, чшо цвѣпъ перѣ-
 мѣняешъ (3);
 Рѣку, чшо подѣ сшѣной Тифлиса проше-
 каешъ,
 И имени шогожъ Швейцарскій городокъ (4);
 Прозванье Римское (5); одежду, чшо ѣздохъ
 Въ походѣ, на войнѣ упошребляешъ въ по-
 лѣ,
 Зимоюжъ можешъ всякъ надѣпъ ее по во-
 лѣ (6);
 Часшъ шѣла важную (она у насъ вдвоѣмъ),
 Безъ коей дѣйшвовашъ не можно и перомъ
 (7);
 Священное и рукъ и сердца сопряженье (8);
 Слово, чемъ выражашъ привыкли изумленье
 (9);
 То восклицаніе, кошорымъ нашъ народъ
 Привѣшшвуешъ всегда высокій Царскій
 родъ (10);
 И восклицаніежъ, чемъ знакъ вы подаете,
 Когда нечаянно далеко въ лѣсъ уйдете (11);
 Французскій городокъ; хошъ онъ неважнымъ
 слыль,
 Но Герцогскій шпшуль владѣльцу прино-
 силъ (12);
 И наконецъ сосудъ недорогой, плешеный,
 Почши всегда икрѣ, иль меду посвящен-
 ный;—
 Но слово эпо же въ значеніи другомъ,

Искусшвенны явишь и молнію и громъ (13).

Чшожь цѣлое? Рѣка, въ Россіи проше-
каешъ,

И пихими она спруями напаяешъ,

Вельможу добраго, масшишаго пѣвца,

Досшойнаго ошь Музь и ошь друзей вѣнца

(14).

С . . .

~~~~~

Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ.

Въ недавнемъ времени скончался препѣвшій въ Смоленскѣ разореніе ошь Французовъ и находившійся попомъ при биржѣ маклеромъ, купецъ шрепшей гильдіи Скорнякозь. Вѣднось его просширалась до шого, что онъ и похоронень пособіемъ другихъ. Онъ оспавиль послѣ себя многочисленное сѣмейштво въ самомъ жалкомъ сосшояніи: вдову и девять человекъ дѣшей, изъ копорыхъ чешыре сына и пять дочерей. Старшіе изъ нихъ еще не присшроены, а прочіе споль малолѣпны, что шребуюшъ призьрѣніа сосшрадашельныхъ людей. Сіе несчастное сѣмейштво, будучи лишено насущнаго хлѣба, подвержено всѣмъ горешямъ нищешы, и живешъ единшвенно подаянїемъ благотворишелей. Уже ли сосшрадашельныя сердца не подадушъ помощи симъ несчастнымъ сиротамъ, и не приложашъ

спаранія о приспроеніи и опредѣленіи ихъ къ приличнымъ мѣстамъ? Вдова Скорнякова живешъ на В. О. въ косой линіи, въ домѣ Черникова.

П. Я.

Разныя Извѣстія.

1.

Нѣкошорые извѣсшныя наши писашели жаловались на шо, что не могушь помѣщашъ своихъ сочиненій въ Липшерашурныхъ Прибавленіяхъ къ *Инвалиду*, выходящихъ *листочками*. Имъ неприяшно было видѣшь раздѣляемыя на нѣсколько часшей и по необходимости перерываемыя шапы, кошорыя ошъ шого не рѣдко шеряли свою занимашельность и силу. Удовлешворя ихъ шребованія и съ шемъ вмѣсшѣ желая досшавишь небогашымъ любишелямъ чшенія возможности имѣшь *Новости Литтературы* за самую умѣренную цѣну, Издачель *Вовныхъ Вѣдомостей*, съ 1 ч. Іюля, будешъ издавашъ ихъ не лисшками, а книжками, по одной въ каждый мѣсяць. Разумѣется, что при *Инвалидѣ* будушь онѣ раздавашъ попрежнему безденежно. Желашюще же подписашъ на *Новости Литтературы* особо, должны плашишь здѣсь въ С. Пешербургѣ 15, съ да-

спавленіемъ на домъ 20 руб., съ пересылкою въ другіе города 17 руб. 50 к. за годовое изданіе, или 12 книжекъ. Изъ сихъ денегъ, по пяши рублей съ каждаго экземпляра, поскупаешъ въ пользу Инвалидовъ.

Подписка принимается у Коммиссіонера Редакціи Русскаго Инвалида Ивана Васильевича Сленина. Иногородные должны ошноситься въ Почшовыя Конпоры и Экспедиціи.

Особамъ, кои благоволяшъ подписашъся на весь 1824 годъ, будущъ выданы и вышедшія по 1е Іюля 24 листка *Прибавленій*.

2.

У Книгопродавца И. В. Сленина, чшо у Казанскаго моспа, въ домъ Кусовникова, посшущилъ недавно въ продажу вновь лишографированный и весьма сходный поршпрешъ знаменишаго нашего Баснописца *Ивана Андреевича Крылова*. Цѣна самая умѣренная, по пяши рублей экземпляръ и съ пересылкою въ другіе города.

~~~~~

Отгадки.

Въ X N^o Шарада - Анаграмма значилъ :
Соколъ, Осколъ (старый и новый) и колосъ

Шарада-Омонимъ: *пол-ночь*.—Шарады: *пязло-дѣй*, *зя Фин-галѣ*.—Анаграмма: *полжѣ* и *клопѣ*.
—Логогрифъ: *скитѣ* и *китѣ*.

Въ XI N^o Шарада - Логогрифъ: *Не-во-да*.
Изъ онаго выходящъ слѣдующія слова: 1) *Нево* (древнее названіе Ладожскаго озера), 2) *Овенѣ*, 3) *вѣно*, 4) *вода*, 5) *ода*, 6) *Донѣ*, 7) *Нева*, 8) *онѣ*, 9) *Ева*, 10) *дно*, 11) *Вѣна*. 12) *Ена*, 13) *но*, 14) *день*, 15) *Данѣ*, 16) *дань* 17) *на*, 18) *адѣ*.

Въ XII N^o Логогрифъ: *Кубра*. Изъ онаго выходящъ: 1) *букѣ*, 2) *кубѣ*, 3) *ракѣ*, 4) *Курѣ*, 5) *карѣ*, 6) *барка*, 7) *рука*, 8) *бракѣ*, 9) *ба*, 10) *ура*, 11) *ау*, 12) *Барѣ*, 13) *буракѣ*.

Опечатки.

Въ XI N^o, на сѣран. 347, напечатано *Сентѣ-Естерѣ* вмѣсто *Сентѣ-Естефѣ* — на сѣран. 348: всякъ смотришь..всякъ бережно, вмѣсто: *всякой* смотришь..*всякой* бережно...на сѣран. 349: что онъ въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто: что же онъ, и проч.

ОГЛАВЛЕНИЕ XXVI ЧАСТИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Отрывки:

Стран.

Изъ Поэмы Графа Д. И. Хвостова о Ека- шерингофскомъ гуляньи 1 Мая . . .	198.
— Мадагаскарской Повѣсти: <i>Король За- цунно.</i>	307.

Гимны, Оды и прог. лирич. стих.

Дума на поляхъ Бородина	42.
Михаиль Черниговскій	188.

Романсы и Пѣсни:

Солома	120.
Ярко солнышко блеспишь	193.
Давно ли Зефиры порхали, рѣзвяся	195.
Люблю тебя! ужель презрѣнье	196.
Гдѣ ты.	283.
Аршуръ	284.
Привычку бышь всегда съ побой.	285.
Къ Лиль	287.
Умъ и капишалъ	314.
Сельская пѣсня	403.
Пусть дурачашся глупцы	404.

Элегіи:

Пусшыня	117.
На смерть Я. В. С...го	525.

Слѣсь:

Женѣ моей, въ день ея рожденія	48.
Паспушка и Спарецъ	191.
Аллегорія	282.
Ангеликъ	283.
И. А. Н., въ день его рожденія	402.
Надгробія С. Д. П.	146.
Въ Альбомы . . . . . 204 и	288.
Эпиграммы . . . . . 147, 220 и	288.
<i>Шарада-Анаграмма</i>	286.
<i>Шарада-Омонимъ</i>	290.
<i>Шарада-Логогрифъ</i>	362.
<i>Шарады</i>	291.
<i>Анаграмма</i>	292.
<i>Логогрифы</i> . . . . . 292 и	428.

*Проза.**Повѣсти и Анекдоты.*

Веселый вечеръ	121.
Искашели приключеній	237.
Таинственные госпи	293.

Разговоры и Антракты.

Безграмотный и Книгопродавецъ	51.
Табачникъ и Сапожникъ	304.

III

Стран.

Маленькіе Разговоры	332.
Издашель <i>Благ.</i> и Спихошворецъ . . .	359.
Баринъ и Слуга	342.
Судья, Ошкупщикъ и Слуга	345.
Факшоръ и Неизвѣспный	372.
Книгопродавецъ, Слуга и Любишель Сло- весности	373.
О <i>Картинѣ Сѣвера</i>	415.

Отрывки:

Пяшь вѣковъ героическихъ. (Изъ Гезіодо- вой Поэмы: <i>Работы и Дни</i>)	37.
Провидѣніе управляетъ судьбою царствъ. (Изъ Боссюэшовой <i>Исторіи</i>)	149.
Покореніе Пелопонеза Ираклидами. (Изъ <i>Джиллисовой Исторіи</i>)	179.

Сатирическіе отрывки, характеры, и т.п.

Почщеннѣйшій	49.
Еще о альбомахъ	221.
Исторія бушылки	327.
Еще Исторія бушылки	345.
О гранъ-пассьянсѣ	391.
Человѣкъ, кошораго любящъ, и человѣкъ, кошораго не любящъ	410.
Продажа удовольствія	412.

Разныя сочиненія и переводы.

Ночь несчастливца въ новый годъ . . .	3.
Письма изъ Неаполя	7.

Мысли при гробѣ С. Д. П.	205.
Отрывки, найденные въ бумагахъ одного самоубійцы	300.
Разрушеніе деревень: Гольдау, Бузингена и Ловерца паденіемъ горы Росберга..	315.
Письмо Цицерона	406.

II. ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ И ИСКУССТВА.

Записки Барона Герберштейна о Россіи	73 и 366.
Нѣчто о Голландской Липшерашурѣ и извѣстныхъ нынѣшнихъ писателей.	159.
О древнѣйшей Поэзіи въ Германіи	374.

III. КРИТИКА И АНТИКРИТИКА.

Разсмотрѣніе рецензіи <i>Словаря древней и новой Поэзіи</i>	18.
Письмо въ Тамбовъ о новоспяхъ Русской Словесности, или разборъ <i>Бахтисарайскаго фонтана</i>	53 и 95.
Ерраша двухъ путешествій на Кавказъ..	107.
Ошвѣщъ Гну С. на его разборъ 1й части <i>Мнемотины</i>	208.

IV. СМѢСЬ.

Еще нѣсколько словъ о <i>Бахтисарайскомъ фонтанѣ</i> , не въ липшерашурномъ отношеніи	175.

Письмо къ Издашелю	422.
Всякая всячина, выписки и замѣчанія 216, 320, 333 и 417.	
Благопворенія	141.
Извѣстіе о бѣдномъ сѣмействѣ . . .	430.
Книжныя извѣстія . 67, 130, 214 и 360.	
Разныя извѣстія	431.

